

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ **BSERVER**

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

С.МИРОНОВ

Ставка на молодежь

А.БАЕВ

**Российский парламент:
региональный ракурс**

Ю.ГОЛИУСОВ

**Транспортная политика
России в ЕврАзЭС**

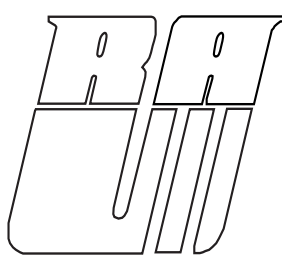
С.СЕМЕДОВ

**Международно-правовой
статус
Каспийского моря**

А.БАВИЛОВ

**Ближний Восток:
тяжкое наследие для
Б.Обамы**

**Американская ПРО как главный вызов
национальной безопасности России**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Ставка на молодежь

7

С.Миронов

2009 г. в России объявлен Годом молодежи. Эта всероссийская акция призвана задать новые импульсы молодежной политике и способствовать развитию творческого и профессионального потенциала молодого поколения. Мыслями о Годе молодежи и молодежной политике государства делится Председатель Совета Федерации, Председатель партии "Справедливая Россия" С.М.Миронов.

**Федеральные и региональные инструменты
антикризисного управления**

11

Р.Алтынбаев

В системе мероприятий Правительства Российской Федерации, направленных на смягчение кризиса, автор рассматривает действия региональных властей по мобилизации внутренних ресурсов, их эффективному распределению и контролю за использованием.

Российский парламент: региональный ресурс

15

А.Баев

Автор рассматривает в статье становление и развитие региональных законодательных собраний – парламентов субъектов Российской Федерации в тесной увязке с осуществлением в стране избирательной реформы, изменением избирательного законодательства, а также с итогами выборных кампаний, начиная с 2003 г.

Объединение регионов в контексте федеральной реформы

23

В.Жидких

Автор анализирует опыт преобразований сложносоставных субъектов Российской Федерации в контексте укрупнения регионов и реформирования “асимметричной” федерации.

Ориентиры транспортной политики России в ЕврАзЭС

30

Ю.Голиусов

Отмечая геополитическое положение России, автор характеризует место и роль транспортного комплекса России в системе евроазиатских связей и указывает, что в условиях глобализации российская транспортно-коммуникационная сфера выступает важнейшим рычагом интеграционных процессов на евразийском пространстве, позволяя национальной экономике активно противостоять глобальному экономическому кризису. Участие России в едином транспортном пространстве ЕврАзЭС способствует осуществлению важнейшего для нее геостратегического положения – восстановлению целостности экономического пространства бывшего СССР.

Проблемы организации лечения наркомании в России

37

Т.Дмитриева, Ю.Шевцова

Указав, что в 2007–2008 гг. в Российской Федерации произошли коренные изменения в политике противодействия незаконному обороту наркотиков и профилактике наркомании, авторы считают, что наряду с этим перед системой здравоохранения по-прежнему стоит задача совершенствования медицинской помощи больным наркоманией и рассматривают ряд важных проблем в этой области, в частности необходимость реформирования структуры наркологической помощи и организация обязательного (принудительного) лечения больных наркоманией.

Россия – США: соперники и партнеры

45

Ю.Быстров

Являясь во Второй мировой войне союзниками, Москва и Вашингтон с ее окончанием и исчезновением общего врага становятся противниками и ввязываются в борьбу за идеологическую и геополитическую гегемонию в планетарных масштабах. Эта борьба (холодная война) продолжалась вплоть до распада СССР в 1991 г.

Переход постсоветской России к строительству демократии и современной экономики на первых порах способствовал гармонизации российско-американских отношений. Вскоре, однако, соперничество между Россией и США на ряде направлений возобновилось. Тем не менее, есть основания полагать, что реалии современного глобализирующегося мира будут способствовать преодолению негативных тенденций и углублению российско-американского сотрудничества.

Американская ПРО как главный вызов национальной безопасности России

56

П.Белов

Пытаясь оценить способность создаваемой в США системы противоракетной обороны (ПРО) парировать российские стратегические ядерные силы (СЯС) после их осна-

нения новыми ракетами “Тополь-М” и “Булава-30” и опираясь при этом на общедоступные сведения и правила логического вывода, автор обосновывает правомерность данного предположения и приходит к выводу о недопустимости очередных инициатив по дальнейшему сокращению наших ядерных вооружений.

Международно-правовой статус Каспийского моря 70

С.Семедов

Указав, что каспийский регион на современном этапе – это клубок торгово-экономических, предпринимательских, военно-политических противоречий, а нефть, газ и способы их транспортировки становятся важными рычагами в дипломатических баталиях, автор констатирует, что Россия вынуждена выстраивать в этом регионе многовекторную стратегию своей политики, отвечающую ее национальным интересам.

Дефицит водных ресурсов – угроза устойчивому развитию 80

Н.Кожакматова

Показывая возрастающие трудности по обеспечению населения Земли пресной чистой водой, автор на основе анализа документов ведущих международных организаций и статистических данных раскрывает современную ситуацию, сложившуюся в сфере использования водных ресурсов в различных регионах мира.

Является ли “глобализация” началом новой эры человечества? 89

И.Дзуриндин

Пытаясь ответить на вопрос, вынесенный в название статьи, автор дает свое определение феномену “глобализации”, рассматривает различные взгляды на глобализацию и место США в современном мире и приходит к выводу, что современная неолиберальная Америка уже теряет моральное, да и реальное право с помощью насилия утверждать собственную модель в качестве единственного образца, особенно в области неолиберальной демократии и прав человека.

Ближний Восток: тяжелое наследие для Барака Обамы 99

А.Вавилов

В статье рассматриваются сложные и запутанные проблемы, унаследованные новой администрацией США на ближневосточном направлении, и возможные перспективы их решения.

Киевская Русь и возвышение Москвы 111

В.Павленко

Исследуя ранний период русской истории и проводя сравнительный анализ его видения представителями противостоящих друг другу тенденций в отечественной исторической науке – В.О. Ключевского и Л.Н. Гумилева, автор приходит к важным и очень своевременным выводам, побуждающим нас в переживаемую страной переломную эпоху вновь обратиться к исторической связи времен.

Политология: еще один шаг вперед

119

Р.Матвеев

Автор, рецензируя монографию одного из ведущих исследователей политических отношений в России Я.А.Пляйса “Политология в контексте переходной эпохи в России”, указывает, что в ней формулируется ряд важных выводов для отечественной политологии, концепции автора об особенностях и перспективах современной социальной революции, перспективах народовластия и представительных институтах России.

Книга будет интересна тем, кто интересуется современными проблемами нашей страны.

Террористический лабиринт в Стране Басков

124

В.Иовенко

Рецензируя монографию профессора МГИМО(У) МИД России А.А.Орлова “Проблемы терроризма в Испании. ЭТА – «ударный отряд» баскского национализма”, автор отмечает, что в ней исследуются исторические корни баскского экстремизма, факторы, которые привели к возникновению баскского терроризма и его живучести, прослеживается связь между национализмом и терроризмом в Стране Басков и формулируются условия для успешной борьбы с терроризмом.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛУЗЯНИН С.Г., ОРЛОВ А.А., ПАВЛЕНКО В.Б., РУДОВ Г.А., ХМЫРОВ Ю.Н., ЦВЕТКОВ А.И.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежалая», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокomпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель комитета по культуре
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
- ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
- ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
- СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Российской ассоциации содействия ООН
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Анатолий Цветков

Победа

Чем дальше первый день Победы,
Тем уже круг фронтовиков,
Познав все радости и беды,
Они уходят в глубь веков.

Они сражались вдохновенно
И сгинули в огне войны,
Но заслужили поименно
Благословение страны.

Сегодня их не замечают,
Как странников в туманной мгле,
Пожалуй, только вспоминают
Перед преданием земле.

Победу нашу заслонили
Чечня, Осетия, Афган,
Где головы свои склонили
Десятки тысяч россиян.

Ни за народ, ни за свободу
И счастье каждого из нас,
А за престиж иного рода –
Стремленье выполнить приказ.

Но год победный сорок пятый
В сердцах людей не истребить,
Он словно павшие солдаты
Навеки с нами будет жить.

Апрель. 2009

Ставка на молодежь

Сергей Миронов

Помните на закате советской эпохи был фильм “Легко ли быть молодым?”, получивший огромный общественный резонанс?

Блестящая кинопублицистика режиссера Юриса Подниекса – знаковое событие перестроечной поры. Благодаря фильму страна, можно сказать, увидела и услышала свою молодежь, ужаснулась жуткой бесперспективности, в которой та прозябает. Многим это помогло понять, что и все общество находится в тупике. Но если снять фильм о сегодняшних молодых, выяснится: им живется так же нелегко.

Многим, пожалуй, даже тяжелее.

Молодежь 80-х задыхалась от нехватки свободы, а по нынешней жестоко бьет социальная несправедливость. Перед теми ребятами вставали идеологические барьеры, а перед нынешними – социальные и материальные. Отсутствие равных стартовых возможностей, платное образование, проблемы с трудоустройством, недоступность жилья.

Все это и многое другое лишает миллионы молодых людей шансов достойно выстроить собственную жизнь, реализовать свой потенциал. А в связи с кризисом проблемы усугубляются. Молодые часто оказываются первыми кандидатами на увольнение. В ряде регионов они составляют от 25 до 50% от общего числа безработных.

Надо признать две горьких истины. Первая – молодежь у нас одна из наиболее ущемленных социально-демографических групп. Вторая – эффективной молодежной политики в стране пока нет.

Мне часто приходится ездить по России, в том числе бывать и в глубинке. Понимаешь, насколько серьезна эта проблема, когда узнаешь, что из какого-то села или небольшого города чуть ли не все юноши и девушки уехали в Москву или другой мегаполис.

Почему уезжают? Да потому, что на малой родине производство в упадке, работать негде, жилье не строится, перспектив нет.

Мы часто говорим: “Молодежь – наше будущее”. Это правильно. Что вложишь в подрастающее поколение,

МИРОНОВ Сергей Михайлович – Председатель Совета Федерации, Председатель партии “Справедливая Россия”.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежные жилищно-строительные кооперативы, студенческие строительные отряды, система профтехобразования.

то и получишь. Но с другой стороны, чтобы иметь правильные ориентиры сами молодые должны ясно видеть собственное будущее и будущее Отечества. Если этого нет, неизбежны разочарования, потеря смыслов бытия, а это – почва для наркомании, пьянства, асоциальных молодежных субкультур. К сожалению, после катаклизмов 90-х в России царил разуха в умах, свирепствовал “дикий рынок”, а концепции будущего ни у страны, ни у молодежи не было.

Сегодня, когда разработана Стратегия развития России до 2020 г., стало ясно, что надо менять сырьевую экономическую модель, ведущую в никуда, делать инновационный прорыв, поднимать реальный сектор, оживлять депрессивные территории. Если сможем удержать намеченный курс наперекор всем трудностям и кризисам, это станет основой для многих позитивных изменений, в том числе и в молодежной среде.

Молодежная политика в представлении многих – это некий набор официозных или фестивально-тусовочных мероприятий. Слишком часто с молодежью заигрывают или, наоборот, стремятся поруководить ею, выступить в роли дядек-пионервожатых, указывающих “несмышленишам”, какими флагами им махать, какие лозунги скандировать.

Работе с молодым поколением не хватает масштабыности и стратегического видения.

Молодежь – не просто возрастная категория, это важнейший государственный ресурс.

Нужна политика, в основе которой – долгосрочный план по использованию этого ресурса, как инструмента модернизации страны. Усложнить жизнь миллионам выпускников школ нервотрепками с пресловутым ЕГЭ – это по-жалуйста. А вот системно заниматься,

к примеру, их профориентацией, рвения почему-то нет.

И что на выходе? Налицо колоссальная разбалансировка жизненных устремлений молодых людей с реальными потребностями страны.

Для многих ребят место какого-нибудь второстепенного офисного клерка предпочтительнее карьеры инженера. Засветиться в шоу-бизнесе куда заманчивее, чем сделать научное открытие.

Подорван престиж созидательного труда, разрушена и несправедливо дискредитирована система профтехобразования.

Доходит до абсурда. Спрашивается, зачем наши вузы наплодили огромное количество дипломированных юристов и экономистов. Сегодня до 70–80% выпускников, получивших эти специальности, невостребованы. И ведь реального спроса на них не было, просто, поддавшись веянию моды, дельцы от образования при попустительстве чиновников, наштамповали заведомо ненужных специалистов. В результате – тысячи сбитых с толку людей и полуманных судеб.

Государство обязано самым серьезным образом регулировать такие процессы. Очень хочется, чтобы в Год молодежи мы серьезно разобрались со всем этим, четко определились, что **молодежная политика – не шумный пиар, не псевдореформирование, не галочки в планах, а в первую очередь конкретные дела и решения в интересах молодого поколения.**

О проведении Года молодежи было объявлено еще до того, как Россию накрыло штормовой волной финансово-экономического кризиса. Вполне возможно, кое-что в работе с молодыми придется подкорректировать. Не страшно, если где-то не проведут слет, подсократят расходы на какой-то форум.

Но в этот трудный период важно сохранить особое отношение к проблеме молодежи.

Я считаю, мы должны поставить вопрос так: в любом плане антикризисных мер, принимаемом на всех уровнях, сегодня непременно должен присутствовать специальный молодежный раздел.

Кризис побуждает действовать быстрее, решительнее, чем в обычной обстановке. Если будем тянуть резину, можем дожидаться, что Год молодежи превратится в Год проблем с молодежью. Полагаю, нам надо в **первоочередном порядке принять законодательные решения** о квотировании рабочих мест для молодежи, организации первого трудового места для выпускников средних специальных и высших учебных заведений, о создании молодежных центров занятости.

Именно сегодня, в кризисную пору, самое время разворачивать массовые программы строительства недорогого социального жилья для молодежи. Раньше строительный бизнес воротил нос: невыгодно, мол. Сегодня, если создать эффективный механизм государственно-частного партнерства, желающие заниматься такими программами найдутся. Разумеется, надо подумать и о финансовых механизмах. Ипотека, увы, себя не оправдала.

Но ведь мировой опыт знает и другие, куда более надежные формы жилищных накоплений. Например, строительно-сберегательные кассы, которые особенно удобны именно для молодежи. А почему бы не вспомнить и о таком опыте советской поры, как молодежные жилищно-строительные кооперативы? Участники МЖК не только деньгами участвовали в возведении будущего жилья, но и сами работали на стройках, тем самым удешевляя проекты.

Полагаю, что надо как можно быстрее принимать *федеральный закон “О государственной молодежной политике”*, в котором были бы комплексно прописаны все обязанности государства по отношению к молодежи, определены основные стандарты помощи молодым семьям, студентам, учащимся, другим категориям.

Недавно я был с визитом в Швеции и испытал белую зависть: там такой закон давно принят, да и вообще вся молодежная политика выстроена очень разумно. К примеру, шведы отказались от платного высшего образования, резонно решив, что судьбу молодых должен решать уровень их знаний, а не деньги родителей.

Год молодежи совпал с одной примечательной датой – 50-летием студенческих стройотрядов (ССО).

Известно, что в ряде регионов предпринимаются попытки возродить стройотрядовское движение. Однозначно поддерживаю эту идею! Пусть студенты приобщаются к труду, приобретают опыт. Заодно получают и возможность заработать: в нынешней ситуации это тоже нелишнее.

Недавно в Совете Федерации прошел круглый стол, посвященный данным проблемам. Участники его выступили за то, чтобы создать нормативно-правовую базу для обеспечения деятельности стройотрядов и дать им возможность проявить себя, в том числе на особо важных участках: олимпийских стройках, объектах, возводимых к саммиту АТЭС, и других.

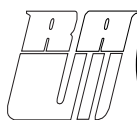
Что касается 50-летия ССО, то этот юбилей надо встретить не торжественными собраниями, а активной пропагандой данной идеи, созданием фронта работ для уже действующих и будущих стройотрядов. Убежден: наши студенты способны работать куда лучше мигрантов.

Конечно, молодежь у нас разная.

Но меньше надо брюзжать по поводу недостатков подрастающего поколения – это глупо и неконструктивно. Считаю, что в основе своей мы имеем здоровую, хорошую смену.

В совершеннолетие начинают вступать ребята, которые никогда не жили в СССР. Они ровесники новой России и не отягощены грузом тех проблем, который несли на себе мы. У них порой иные оценки и взгляды. У них часто иные точки отсчета.

Но это наши сыновья и дочери, наши наследники, они во многом чище, лучше и талантливее нас, и добьются большего. Я верю в нашу молодежь. Вижу в ней поколение надежды.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Федеральные и региональные инструменты антикризисного управления

Рафгат Алтынбаев

Можно спорить, достаточные ли антикризисные меры были приняты Правительством РФ и насколько они эффективны, но нельзя не признать, что впервые за все постперестроечное время страна будет преодолевать проблемный этап своего экономического развития в соответствии с планом, разработанным Федеральным центром.

Все антикризисные мероприятия направлены на поиск и мобилизацию собственных внутренних ресурсов, что при эффективном использовании этого инструмента может не только помочь регионам удержаться “на плаву”, но и дать новый толчок их развитию.

Важно, что стратегия мобилизации внутренних ресурсов не связана лишь с использованием реактивной формы управления, когда управленческие решения становятся ответом на текущие проблемы. Сегодня механизмы управления базируются на анализе и прогнозе развития ситуации с учетом страте-

гических целей и поиске путей их достижения на основе обеспечения эффективного распределения и использования ресурсов.

На мой взгляд, федеральные власти максимально использовали этот антикризисный инструмент.

Правительство РФ анализировало происходящие в мировой экономике процессы и на случай ухудшения ситуации создавало “подушку безопасности” – стабилизационный и резервный фонды. Есть мнения, что распределение и использование ресурсов могло быть более эффективным, но нужно

АЛТЫНБАЕВ Рафгат Закиевич – председатель Комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике.

Ключевые слова: антикризисные меры, антикризисное управление, региональные программы, малый бизнес.

признать объективно – сделано достаточно много, чтобы удержать ситуацию под контролем и смягчить последствия кризиса.

По оценке главы Минфина, антикризисные меры в сфере налоговой политики обойдутся государству в 900–1000 млрд. руб., бюджетной политики – в 1145 млрд. руб.

Если говорить о приоритетах, то основные средства направлены на:

- увеличение уставных капиталов предприятий, банков и госкорпораций;
- субсидирование процентных ставок по кредитам.

Следом идут меры по поддержке оборонно-промышленного и агропромышленного комплексов, авиационной и автомобильной промышленности, жилищного строительства, малого и среднего бизнеса. По оценкам, весь пакет антикризисных мер составит около 3 трлн. руб.

Кроме того, приняты решения о снижении налогов на малый бизнес; об увеличении имущественного налогового вычета для граждан, приобретающих жилье; повышена амортизационная премия с 10% до 30%, что на практике означает снижение налога в случае капитальных вложений в основные фонды, в модернизацию производства.

Но усилий одного Федерального центра явно недостаточно. Нужны не менее серьезные действия региональных властей в рамках все той же стратегии – мобилизации своих внутренних ресурсов. Конечно, инструментов управления развитием в условиях кризиса у регионов меньше, чем у Федерально-го центра, но они есть.

Поэтому очень важно, чтобы в регионах работали дееспособные команды, настоящие антикризисные управленцы, усилия которых будут направлены на генерирование новых идей и

подходов, мобилизацию внутренних усилий, а не на выбивание преференций и средств из Центра.

Не секрет, что некоторые субъекты пересмотрели свои бюджеты в сторону сокращения только после настоятельных рекомендаций Минфина.

О чем это говорит? О том, что не все еще осознали: время помпезных проектов и безнаказанных промахов в экономике, которые легко покрывались избытком денег, прошло. Сегодня один неверный шаг может нарушить стабильность и равновесие в регионе.

На 2009 г. регионы запланировали рост доходов в среднем на 7%. Однако, по оценкам Минрегиона, их доходная база должна снизиться в сравнении с 2008 г. как минимум на 8–10%. Аналогичные прогнозы дают Минфин и Минэкономики России.

Регионы оптимистично оценивают свои бюджеты и только 4 из них считают, что уже сегодня столкнутся с серьезными проблемами по исполнению первоочередных обязательств. Большинство субъектов готовы пересмотреть свои бюджеты в сторону уменьшения их параметров лишь по итогам I квартала 2009 г.

Представляется, что сегодня регионам надо активнее внедрять управленческие модели на основе анализа и прогнозирования, с большей ответственностью подходить к рациональному использованию собственных и выделяемых из Центра ресурсов.

Или еще пример.

Правительство направляет средства на поддержку рынка труда. Для реализации региональных программ занятости выделено 43,7 млрд. руб.

Основными условиями получения средств, в соответствии с Постановлением Правительства России, являются:

- наличие региональной программы, предполагающей софинсирование за счет собственного бюджета;

– определение органа исполнительной власти субъекта РФ, отвечающего за реализацию программы.

В ряде субъектов страны до сих пор не приняты поправки в собственные законы о бюджетах, в ряде – решения об ответственном органе исполнительной власти субъекта Федерации, а это означает, что они не смогут стать участниками программ занятости.

При этом, по данным Министерства регионального развития РФ, в группу с высоким и средним уровнем риска неблагоприятного развития рынка труда входят 57 субъектов Федерации, в группу регионов с низким уровнем риска – 26.

Получается, что регионы не смогут воспользоваться помощью Федерального центра. А это вопрос умения регионов действовать в кризисных ситуациях. Мы не можем допустить возникновения очагов социальной напряженности из-за неоперативности местных властей.

Правительство РФ намерено в 2009 г. направить в субъекты Федерации до 325 млрд. руб. из федерального бюджета.

Но, как совершенно верно заметил Председатель Правительства Российской Федерации, подводя в конце прошлого года итоги проведенных антикризисных мероприятий: “Правительство не намерено бросать в топку кризиса все накопленные резервы без учета результативности таких действий”.

Конечно, субъекты Федерации принимают свои антикризисные программы. Практически в каждом из них созданы антикризисные штабы или комиссии, которые проводят оператив-

ные мониторинги деятельности экономикообразующих организаций, банков, малого бизнеса для своевременного выявления проблем, возникающих в сфере как производства, так и реализации товаров и услуг.

Например, в *Челябинской области* из регионального бюджета для поддержки реального сектора экономики выделено 2 млрд. руб., сельского хозяйства – 310 млн. руб., ипотечного кредитования и строительства жилья – 1 млрд. 400 млн. руб.

В *Москве* в прошлом году на антикризисные мероприятия израсходовано 5 млрд. руб.

В 2009 г. на поддержку финансового рынка и отраслей экономики будет выделено 30 млрд. руб.

В *Калужской области* инвестиции в региональную экономику возросли с 28 млрд. руб. в 2007 г. до 46 млрд. руб. в 2008 г.

В *Рязанской области*, которую я представляю в Совете Федерации, в целях защиты интересов российских сельхозпроизводителей и населения проводится аккредитация хозяйств на право участия в российских биржевых торгах по поставке зерна в интервенционный фонд.

В регионах создаются гарантийные фонды и фонды микрокредитования на основе областных фондов поддержки малого предпринимательства.

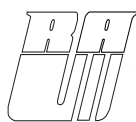
Интересен опыт регионов *Южного федерального округа*.

Здесь большое внимание уделяют развитию малого бизнеса в агропромышленном комплексе, создавая благоприятные условия для производства и реализации сельскохозяйственной продукции, деятельности сельхозпредприятий, закупочных кооперативов, личных подсобных хозяйств, оптовых рынков.

Но для того, чтобы мы могли предпринять дальнейшие шаги по ликвидации последствий кризиса, важно объективно оценить эффективность мер, принятых как Федеральным центром, так и регионами.

Добиться результата помогут скоординированность и сбалансированность действий на всех уровнях власти (федеральном, региональном, муниципальном), их системный, а не сиюминутный характер.

Объединение федеральных и региональных инструментов управления развитием – единственная возможность пройти через кризис с наименьшими потерями.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Российский паламент: региональный ракурс

Александр Баев

В любой стране парламент создается как орган законодательной власти. Его основная функция – принятие законов, направленных на защиту интересов государства, социальных групп и отдельных граждан. Парламент традиционно рассматривают как атрибут современного государства, его важный властный орган. Это единственный институт, который представляет политическое сообщество не только в целом, но и во всем его многообразии.

В условиях парламентаризма как сложившейся системы государственного управления, при которой доминирует законодательная функция, властные возможности парламента возрастают. Во многих странах мира парламент имеет право делегировать отдельные законодательные полномочия исполнительным органам власти, в частности правительству. Вместе с тем, выработка и окончательное принятие законов – прерогатива парламентов, как представительных органов власти. Парламентаризм служит олицетворением верховенства закона и законодательной власти в обществе.

Принимаемые парламентом законы направлены на регулирование наиболее важных общественных отношений в сфере конституционного и государственного строительства, политики, экономики, культуры, науки, образования, экологии, социальной сферы и т.д.

Парламентское законодательство формирует систему органов власти, порядок их организации и деятельности. Оно закладывает основы правового регулирования и координации деятельности органов власти, взаимоотношений центральных и региональных властных структур, регулирования и контроля в сфере гражданского права, институтов гражданского общества, прав человека и гражданина.

БАЕВ Александр Владимирович – ведущий специалист Национального общественно-научного фонда.

Ключевые слова: законодательная власть, законодательное собрание, избирательная реформа, парламент, политические партии, федерация, субъекты Федерации.

Верховенство закона и законодательной власти уравнивается правами и высокой степенью самостоятельности других ветвей власти: исполнительной и судебной. Они активно участвуют в законотворческом процессе, разрабатывая основную долю законопроектов и проверяя их действенность на практике.

Принцип парламентаризма, как показывает исторический опыт, означает не противостояние, а сотрудничество властей во имя интересов и потребностей народа, целостности, независимости и могущества государства. В свою очередь, парламентаризм – это признак достаточно высокого уровня демократичности общества, верховенства в нем фундаментальных естественных прав и обязанностей человека, высокой степени его защищенности, развитости гражданского общества.

Организация парламентов всецело зависит от конкретно-исторических условий, сложившихся исторических традиций, культуры того или иного народа. XX в. для России – это непрерывный поиск и неоднократные попытки реализовать демократическую альтернативу организации социально-политической жизни. Последняя из таких попыток была предпринята в стране уже в конце прошлого столетия. Острое драматическое противостояние различных политических сил в октябре 1993 г. закончилось принятием новой Конституции и введением нового для России института – Федерального Собрания – парламента Российской Федерации.

Что же представляет собой эта новая для России модель парламентской демократии?

В состоянии ли Федеральное Собрание как институт политической системы обеспечить парламентский демократизм в обновляемой стране?

Чтобы ответить на эти и другие вопросы, касающиеся проблем современного российского парламентаризма, следует учитывать не только внутренние ресурсы нового института – парламента Российской Федерации, но и, что особенно важно, возникшую с принятием Конституции 1993 г. форму российской государственности, в которую этот институт “вмонтирован”.

Согласно Конституции (ст. 1), Россия – федеративное государство. В состав Российской Федерации в качестве ее субъектов в момент принятия Конституции входили 21 республика, 6 краев, 49 областей и 2 города федерального значения: Москва и Санкт-Петербург, 1 автономная область и 10 автономных округов (ст. 65).

Всего 89 субъектов.

В настоящее время их количество уменьшилось до 84 в связи с объединением некоторых субъектов Федерации.

Субъектный ряд Российской Федерации, закрепленный в Конституции, позволяет сделать вывод, что в России после 1993 г. образовалась не просто сложная, но во многих отношениях и уникальная Федерация, подобных которой в мировой практике просто нет.

Очевидно, что сопрягать интересы многочисленных субъектов – дело чрезвычайно сложное. Проблема, однако, только к количеству субъектов Федерации не сводится. Хотя и существует точка зрения, согласно которой, чем больше субъектов составляют Федерацию, тем менее устойчивой она является. И эта особенность отражается на функциональной дееспособности парламента. В подобном взгляде, безусловно, есть доля истины.

С этой точки зрения Российская Федерация относится к так называемым *асимметричным образованиям*. Это означает, что 21 республика входит в Федерацию в качестве суверенных госу-

дарств, обладающих “всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые в соответствии с Конституцией РФ находятся в ведении федеральных органов государственной власти. Государственная власть республики исходит от ее народа, реализовавшего свое право на самоопределение в форме государства в составе Российской Федерации”¹.

В то же время остальные субъекты Федерации таким суверенитетом не обладают.

В итоге получается, что республики живут в федеративном государстве, а все другие субъекты (края, области, округа) как бы в унитарном. И хотя ст. 5 Конституции РФ закрепляет за всеми субъектами Федерации принцип равноправия во взаимоотношениях с федеральными органами власти, тем не менее, конституционно-правовые статусы республик в составе Российской Федерации и остальных ее субъектов существенно различаются.

Не только природа и характер федеративного устройства государства, но и закрепленная в Конституции форма правления в субъектах Федерации, которая, так или иначе, детерминирует организацию высших органов государственной власти, оказывает существенное влияние на возникновение и развитие российского парламентаризма на современном историческом этапе.

На основании Конституции Российской Федерации в субъектах страны действуют региональные законодательные органы. Их конкретные полномочия, функции определяют конституции, уставы краев, областей, автономных округов.

Названия этих органов самые разные: Народный Хурал (Республика Бурятия), Государственный Совет (Республика Татарстан, Республика Удмуртия и др.), Госу-

дарственное Собрание (Республика Мордовия и др.), Верховный Совет (Республика Хакасия), Государственная Дума (Ставропольский край, Томская область и др.), Московская городская Дума, Орловский областной Совет народных депутатов, Самарская губернская Дума, Законодательное Собрание (г.Санкт-Петербург, Красноярский край, Омская, Свердловская области и др.), Липецкое областное Собрание депутатов и др.

В названиях законодательных органов отражены исторические, национальные, культурные традиции регионов.

Ныне действующие представительные органы субъектов Федерации фактически сформировались по завершении региональной избирательной реформы путем выборов в местные законодательные собрания 2 декабря 2007 г. и 2 марта 2008 г.

Избирательная реформа началась с принятия нового Закона “О политических партиях”², сделавшего партии единственным видом избирательного объединения и запретившего существование региональных партий.

Затем в 2002 г. был принят новый Закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”³, который и обязал субъекты Федерации избирать не менее половины депутатов регионального законодательного собрания по пропорциональной избирательной системе. Более подробной детализации механизма этих выборов (размера заградительного барьера, структуры списков и т.д.) закон фактически не предусматривал.

С 15 июля 2003 г. обязательной стала норма, согласно которой не менее половины депутатов регионального парламента или одной из его палат должны избираться по пропорциональной избирательной системе (то есть по партийным спискам). Фактически же первые выборы по новым правилам прошли в 7 регионах вместе с выборами в Государственную Думу РФ четвертого созыва 7 декабря 2003 г. Затем, по

мере истечения срока полномочий конкурентного законодательного собрания, такие выборы проходили во всех регионах.

С 2003 г. избирательная система страны прошла большой путь от довольно свободной конкуренции на пропорциональных выборах к ее фактической минимизации. Затем в 2005 г. были приняты новые поправки в Федеральный закон *“Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”*. Главными из них стали отмена института избирательных блоков, установление предельной планки градительного барьера на уровне 7%, ужесточение процедуры регистрации списков кандидатов, снижение допустимого брака в подписных листах с 25 до 10%, расширение оснований для отказа в регистрации за предоставление “недостовверных” данных и т.д.

Это расширило правовые возможности воздействия регистрирующих и контролирующих органов на состав кандидатов, то есть усилило административный контроль над ходом выборов и выдвижением кандидатов. Было также решено установить для проведения выборов два “единых избирательных дня” в году: второе воскресенье марта и второе воскресенье октября⁴.

Летом 2006 г. произошла очередная коррекция избирательного законодательства: партиям запретили включать в предвыборные списки представителей других партий, а депутатам – покидать партию, от которой они были избраны. Таким образом, вслед за запретом в 2005 г. предвыборных блоков стало невозможным создание межпартийных союзов, в условиях которых члены одной партии-союзника входили в избирательный список другой. Было отменено также голосование “против всех”⁵.

В ноябре 2006 г. новыми поправками в избирательное законодательство был отменен порог явки для признания выборов состоявшимися, запрещена критика оппонентов в телеэфире во время официальной агитационной кампании, усилены основания для ограничения пассивного избирательно-

го права в связи с участием в “экстремистской” деятельности⁶.

Интервалы между внесением поправок становились все короче, ужесточая одну за другой избирательные нормы.

Если между первоначальным введением новых норм до изменения законодательства в 2005 г. прошло около трех лет, то между поправками 2005 г. и новой коррекцией законодательных норм 2006 г. – менее года, а между поправками лета и ноября 2006 г. – всего четыре месяца.

Ужесточение партийного законодательства привело к сокращению межпартийной конкуренции.

Так, 1 января 2006 г. политические партии должны были подтвердить наличие в своих рядах 50 тыс. членов, тогда как прежде было достаточно 10 тыс. Партии, не выполнившие данного требования, с 1 января 2007 г. подлежали ликвидации.

В результате, если на конец 2003 г. в стране существовали 44 партии, то к концу 2007 г. осталось только 15, а к очередным выборам 1 марта 2009 г. партийно-политическое поле сузилось до 4 парламентских партий (“Единая Россия”, КПРФ, ЛДПР, “Справедливая Россия”) плюс “Патриоты России”, “Правое дело” и “Яблоко”.

В региональной избирательной кампании 2009 г. приняла участие только одна непарламентская партия “Патриоты России”.

Результаты российской избирательной реформы тесно связаны и с общим изменением политической роли региональных парламентов.

Окончательно советская система в регионах была сломана, как известно, одновременно с системой советов на общероссийском уровне в 1993 г. Причем наряду с федеральным конфликтом между Съездом народных депутатов и

президентом Российской Федерации возникали конфликты между всенародно избранными законодательными органами субъектов Федерации и назначаемыми с 1991 г. в большинстве регионов президентом страны главами администраций.

На смену довольно представительным Советам народных депутатов повсеместно пришли новые законодательные собрания, как правило, весьма малочисленные и гораздо более зависимые от исполнительной власти, чем их предшественники. Произошло перераспределение реальной власти в пользу региональных органов исполнительной власти. Снизилась доля депутатов, работающих на профессиональной основе, были ограничены нормотворческие и контрольные полномочия региональных парламентов. Право самостоятельно устанавливать сроки выборов своих представительных органов и правила их избрания сохранили республики в составе Российской Федерации.

В большинстве регионов губернаторы добились формирования лояльных парламентов. Как правило, среди депутатов региональных законодательных собраний были представители исполнительной власти, муниципальных и государственных служащие, руководители государственных и муниципальных предприятий, генеральные директора промышленных и сельскохозяйственных предприятий, руководители коммерческих структур.

В итоге, от советской институциональной системы не осталось и следа.

Субъекты Федерации самостоятельно разрабатывали и принимали свои конституции и уставы, собственные законы о выборах и структуре местного самоуправления. С одной стороны, к концу 90-х годов в стране существовали регионы с развитыми представительными органами власти и сильными

региональными общественными организациями, а с другой – целый ряд территорий превратились в настоящие автократии, зачастую игнорирующие федеральное законодательство.

С 1996 г. все российские регионы перешли к системе прямых выборов своих руководителей, что, несомненно, еще более усилило доминирующее положение губернаторов. Главы регионов по должности становились членами верхней палаты парламента – Совета Федерации. В эти годы стало обязательным согласование с региональными властями новых назначений в региональных подразделениях федеральных органов власти (руководителей управлений внутренних дел, прокуроров и т.д.).

Нередко региональные законы противоречили федеральным. Несмотря на местные уставы и конституции, предусматривавшие существование в ряде регионов самостоятельных правительств, они фактически полностью зависели от губернаторов.

В результате, к 2000 г., несмотря на разное положение региональных парламентов и степень их влияния, во всех российских регионах в той или иной мере исполнительная власть реально принадлежала избираемому населением губернатору. Правда, губернаторы не имели реальной возможности роспуска законодательных собраний, в то время как они при наличии соответствующего большинства в 2/3 голосов могли менять региональные уставы и конституции. Это усиливало роль законодательных собраний.

В тех регионах, где оппозиция сумела получить большинство в областном парламенте, она смогла существенно влиять на региональную администрацию, вынуждая ее идти на компромиссы. Благодаря такому положению, региональные парламенты с оппозицион-

ным большинством вводили различные механизмы контроля, в том числе, что очень важно, за формированием и расходованием бюджета. В этих регионах создавались свои контрольно-счетные палаты.

Большим недостатком региональных парламентов в то время было то, что, как правило, основная часть депутатов работала в них на общественных началах. Это мешало организации эффективного законодательного процесса.

Только в Корякии, Москве и Санкт-Петербурге все 100% депутатов законодательных собраний работали на постоянной основе.

В изменении положения региональных парламентов сыграла существенную роль отмена в конце 2004 г. губернаторских выборов.

С февраля 2005 г. региональные законодательные собрания стали давать согласие “на наделение губернаторскими полномочиями” кандидатов, представленных Президентом РФ. Вырос престиж депутатских мандатов, а следовательно, и заинтересованность губернаторов в контроле над депутатским корпусом. Существенно изменилась роль председателя законодательного собрания, фактически высшего поста в регионе. Свою легитимность он получал, в отличие от губернатора, непосредственно на выборах.

Таким образом, благодаря политическому структурированию межпартийной конкуренции усилилась политизация региональных парламентов.

Профессиональные партийные функционеры стали постепенно превращаться в профессиональных политиков. В связи с введением пропорциональной избирательной системы в законодательных собраниях ряда регионов появились представители оппозиции.

Избирательная реформа привела к постепенному росту численности регионального депутатского корпуса.

Численность законодательных собраний, избранных в течение первого электорального цикла, в среднем составляла 38 чел., во втором электоральном цикле она выросла до 41 чел.

Уже перед началом избирательной реформы в региональных парламентах работало в среднем по 44 депутата. После первых же выборов в условиях реформы их число возросло до 48 чел.⁶.

Такое положение практически сохраняется и в настоящее время.

Надо иметь в виду, что, изменение численного состава законодательного собрания невозможно без внесения изменений в устав или конституцию субъекта Федерации. Для этого необходимо согласие как исполнительной, так и законодательной власти. Принятие подобного решения указывает на достаточно высокий уровень реального политического влияния законодательного собрания. Анализ показывает, что в субъектах Федерации с доминированием губернатора и “прогубернаторским” большинством в законодательном собрании вопрос об увеличении численности депутатского корпуса, как правило, даже не возникал⁷.

В настоящее время все регионы провели выборы по новым правилам.

В 50 регионах численность законодательных собраний либо не изменилась, либо увеличилась лишь на 1–3 депутата.

В восьми регионах (преимущественно национальных республиках) депутатов стало меньше, что говорит о явно подчиненном положении региональных парламентов в отношении исполнительной власти.

К ним относятся Дагестан, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия, Татарстан, Чувашия и Пензенская область.

Во всех других регионах численность депутатского корпуса существенно выросла.

Наиболее значительным было укрепление численного состава законодательного собрания в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Алтайском, Ставропольском краях, Архангельской, Астраханской, Воронежской, Ивановской, Костромской, Липецкой, Новосибирской, Омской, Псковской, Самарской, Челябинской областях⁷.

Политизация региональных законодательных собраний, появление в них депутатских фракций, усиление политического веса председателей законодательных собраний сопровождается и профессионализацией депутатского корпуса. В настоящее время во многих регионах приняты комплексные законы о законодательном органе, конкретизирующие и развивающие как положения конституции (устава) субъекта Федерации (функции, компетенция, срок полномочий, структура законодательного органа, его взаимоотношения с исполнительными органами), так и положения процедурного характера (порядок реализации полномочий законодательного органа, организационная структура аппарата и т.д.).

Увеличилась численность аппаратов законодательных собраний, в первую очередь за счет образования фракций. Законами ряда субъектов Федерации установлено количество депутатов, работающих на постоянной основе. Как правило, в соответствующем законе субъекта Федерации закреплено либо максимально возможное, либо минимальное число депутатов, которые могут работать на постоянной (оплачиваемой) основе.

Практически во всех субъектах Федерации на постоянной основе в настоящее время работают председатели законодательного органа (или, соответственно, председатели палат) и его за-

местители, а также председатели комитетов.

Несмотря на единые избирательные стандарты, положение законодательных собраний в различных регионах по-прежнему имеет свои особенности в зависимости от степени демократичности местного избирательного процесса, внутрирегиональной политической ситуации и реальной политической практики.

Это и показал прошедший в России 1 марта 2009 г. день единого голосования.

Выборы региональных и местных законодательных собраний, а также глав администрации городов и районов прошли в 79 субъектах Федерации.

В 9 из них избирались парламенты республик и областей. К выборам было приковано особое внимание, потому что это первое голосование в условиях набирающего обороты социально-экономического кризиса.

Партий, участвовавших в выборах, было как никогда мало: четыре парламентских и в некоторых регионах "Патриоты России".

Хотя результаты голосования были ожидаемыми, наблюдатели отметили ряд новых тенденций.

Во-первых, стала существенно ниже явка избирателей.

Например, в Татарстане она упала на 4,5%, в Магадане за 2 часа до закрытия избирательных пунктов проголосовало чуть более 9%. Даже на выборах мэров крупных городов явка колебалась от 30,5 до 52,8% максимум⁸.

Во-вторых, несмотря на завоевание большинства мест в законодательных собраниях, уровень доверия к партии власти в некоторых регионах снизился.

Так, в Архангельской области за "Единую Россию" проголосовало 50,0% избирателей против 56,0% в декабре 2007 г., в Волгоградской области – соответственно, 58,0% и 49,4%⁸.

Мартовские выборы 2009 г. состоялись в условиях использования административного ресурса как мощной политической силы.

Но Россия, избрав 9 новых региональных парламентов, все равно сделала еще один непростой шаг на пути становления парламентской демократии и многопартийной системы.

Примечания

- ¹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. М., 1995. С. 263.
- ² О политических партиях. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.
- ³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.
- ⁴ Мониторинг демократических процедур. Бюллетень № 2. М., 2007.
- ⁵ Российское электоральное обозрение. 2007. № 1.
- ⁶ Голосов Г. Измерения российских региональных избирательных систем // Полис. 2001. № 4. С. 78.
- ⁷ Панов П. Изменение электоральных институтов в России. Кроссрегиональный сравнительный анализ // Полис. 2004. № 6. С. 16.
- ⁸ [http:// www.izbirkom.ru](http://www.izbirkom.ru)

**Подписка на 2009 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Объединение регионов в контексте федеральной реформы

Владимир Жидких

Одной из особенностей федерализма является постоянный поиск оптимального баланса между центробежными и центростремительными тенденциями. Сказанное особенно верно для относительно новой по историческим меркам Российской Федерации, где преемственность политических институтов федерализма окончательно не сложилась.

Основы российского федерализма, заложенные Конституцией 1993 г., в полной мере реализованы не были, что привело к определенному дистанцированию региональной власти от власти федеральной. И в этой связи, в том числе к концу 90-х годов, возникла настоятельная необходимость реформы федеративных отношений, реализация которой, начатая в 2000 г., продолжается по настоящее время.

На первом этапе федеративной реформы были созданы 7 федеральных округов.

Институт полномочных представителей президента России в регионах был преобразован в институт полномочных представителей президента в федеральных округах. Цель такого преобразования заключалась в повышении эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствовании системы

контроля за исполнением их решений. Смысл создания системы федеральных округов виделся в необходимости территориального приближения федеральной власти к субъектам Федерации, унификации взаимоотношений центральной власти со всеми ее субъектами независимо от принципа их образования, совместного решения региональных социально-экономических проблем, а также развития производительных сил на межрегиональном уровне. В

ЖИДКИХ Владимир Александрович – член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Председатель Комиссии по делам молодежи и туризму, кандидат политических наук.

Ключевые слова: асимметричная федерация, вертикаль власти, сложносоставные субъекты Федерации, укрупнение регионов.

особых обстоятельствах, например, в условиях чрезвычайных или кризисных ситуаций институт “федерального присутствия” становится инструментом проведения директив президента России непосредственно в субъектах Федерации. Правовой статус представителей президента позволяет главе государства наделять их в установленное время дополнительными полномочиями, составляющими основу значительной вариативности их компетенции.

Учреждение 7 федеральных округов в 2000 г. сыграло положительную роль, позволив собрать все федеральные органы власти в единую систему, работающую в целом в интересах государства, а не отдельных субъектов Федерации. Большая часть функций представителей президента России в федеральных округах приобрела политическую направленность, что свидетельствует о весомости этой составляющей в данном представительском институте.

Представители Президента смогли восстановить единое правовое пространство государства и создать предпосылки для восстановления единого экономического пространства. Образование федеральных округов, не затрагивая основное (конституционное) административно-территориальное деление, стало формой укрепления вертикали государственной власти. С федеральных округов начался процесс укрупнения российских регионов.

На втором этапе федеральной реформы был изменен принцип формирования исполнительной власти в регионах, осуществлено четкое разграничение полномочий между уровнями власти, в основном приведено в соответствие с Конституцией РФ региональное законодательство. Были созданы предпосылки укрепления целостности государства, преодолены основные центробежные силы.

К этому этапу относится и начало процесса изменения административно-территориальной структуры российского государства: сокращение численности субъектов Федерации за счет их объединения.

Конституция России допускает несколько вариантов изменения численного состава субъектов Федерации:

- прием в состав Федерации субъекта с территорией, находящейся до приема за пределами нынешних границ;
- разделение существующего субъекта Федерации на два или более субъекта;
- выход автономного округа из сложносоставного субъекта;
- слияние двух или нескольких существующих субъектов Федерации в один субъект или их укрупнение.

Распространение в современной России получил последний вариант, позволяющий одновременно выполнять ряд задач:

- *во-первых*, сократить количество слаборазвитых субъектов Федерации (реципиентов);
- *во-вторых*, с корректировать асимметрию территориальной системы России в целом;
- *в-третьих*, выравнивать социально-экономическое развитие объединяющихся субъектов и повысить уровень благосостояния населения.

До 1 декабря 2005 г. в России было 89 регионов-субъектов Федерации, разделенных на более мелкие административно-территориальные образования (административные районы, города, городские районы, поселки городского типа, сельские администрации).

К этому времени в состав России входили 21 республика, 6 краев, 49 областей, 2 города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), 1 автономная область, 10 автономных округов, 1867 районов, 1091 город, 329 городских районов, 1922 поселка городского типа, 24444 сельские администрации.

С момента принятия Конституции Российской Федерации и до 2001 г. вопросы реформирования государственно-территориального устройства страны принято было рассматривать преимущественно в теоретической плоскости.

Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”¹ определил основные принципы совершенствования государственно-территориального устройства страны через объединение соседствующих субъектов Федерации, либо посредством присоединения новых территорий на основе международного договора.

Принятый закон подтвердил невозможность отделения, выхода субъектов из состава Российской Федерации. Это законодательное решение окончательно прекратило процесс центробежных тенденций, позволило “поставить точку” в дискуссиях о суверенизации и отделении некоторых регионов. Был остановлен процесс разъединения ряда субъектов Федерации по национальному признаку.

Основным достижением Федерального закона стало совершенствование территориальной структуры страны посредством объединения (укрупнения) субъектов Федерации, а не их дробления. Тем самым была решена проблема взаимоотношений краев и областей с входящими в их состав автономными округами.

Зарубежный опыт показывает, что основой количественного состава субъектов зарубежных федераций всегда остаются политические, правовые, национальные и экономические критерии, которые обусловлены историческим путем развития каждого конкретного федеративного государства.

В состав современных зарубежных федераций входит различное число субъектов: в США – 50, в Австралии – 6, в Канаде – 10, в Австрии – 9, в Германии – 16, в Бельгии – 3, в Индии – 25, в Швейцарии – 26.

При этом какие-либо экономические и юридические критерии оптимальной численности субъектов федерации отсутствуют.

Укрупнение затронуло, в первую очередь, экономически слабо развитые автономные округа (АО), которые, как правило, входили до объединения в так называемые сложносоставные субъекты Федерации. Эти территории проживания малочисленных народов стали первыми кандидатами на слияние с соседними более развитыми регионами.

Из-за низкого уровня экономического развития и слабого экспортного потенциала большинство автономных округов в рыночных условиях оказались финансово несамостоятельными. Поскольку минимально необходимые суммы расходов в этих регионах многократно превосходили их собственные бюджеты, автономные округа получали финансовую помощь из федерального бюджета России. Им ежемесячно перечисляли так называемые трансферты – законодательно устанавливаемые суммы из Фонда финансовой поддержки регионов. В сложившейся ситуации многие автономные округа оказались не в состоянии выполнять возложенные на них Конституцией РФ полномочия по обеспечению прав граждан, проживающих на территории данных АО.

За годы реформ экономика ряда регионов деградировала, а положение малочисленных народов, проживающих преимущественно в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока, даже ухудшилось.

Так, большинство автономных округов в составе РФ были отнесены к числу рос-

сийских регионов с уровнем развития экономики и социальной сферы, по рейтингу МЭРТ РФ, ниже среднего по стране. В рейтинге МЭРТ регионы разделены на:

- с высоким уровнем развития и выше среднего;
- со средним уровнем развития;
- с уровнем развития ниже среднего;
- с низким уровнем развития;
- с крайне низким уровнем развития)².

Из 9 автономных округов только два – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий – были отнесены экспертами Минэкономразвития РФ к группе регионов с уровнем развития “выше среднего”.

Вопрос об изменении статуса десятого АО – Чукотского автономного округа в этот период стоял на повестке дня. В регионах этой группы, по данным 2002 г., отмечены относительно высокие доходы на душу населения, низкий уровень бедности, развитые транспортная сеть и сфера социальных услуг, успешно осуществляемые внешнеполитические связи, высокие доходы от экспорта.

Ненецкий АО попал в рейтинге 2003 г. в группу регионов с уровнем развития “ниже среднего”.

Все остальные округа вошли в группы с “низким” и “крайне низким” уровнем развития. Замыкали рейтинг экономических регионов Коми-Пермяцкий АО, Корякский АО и два округа, населенные бурятским этносом – Усть-Ордынский Бурятский АО и Агинский Бурятский АО³.

Началом объединения автономных округов с областями и краями, из состава которых АО вышли в 1993 г., стал в 2004 г. За время “раздельного” существования многие округа так и не смогли стать экономически самостоятельными. Моноспециализация, удаленность от магистральных путей, слабо развитая производственная инфраструктура предопределили чрезвычайно низкий стартовый уровень для перехода округов к рыночным отношениям.

Мощным стимулом к восстановлению прежних границ и объединению разделенных субъектов послужила также коллективная историческая память о совместном проживании.

Объединению предшествовало принятие Федерального закона от 6 октября 2003 г. “Об общих принципах организации местного самоуправления”⁴. Закон резко ограничил бюджетную самостоятельность автономных округов, сделав их последующее объединение практически неизбежным.

На этом этапе основой объединения стало решение таких задач, как выравнивание социально-экономического развития субъектов Федерации и повышение уровня благосостояния проживающих в них граждан. Были созданы политические и правовые условия и механизмы структурного изменения территориального устройства страны.

За период 2003–2007 гг. было осуществлено 5 объединительных проектов:

1. Коми-Пермяцкий АО вошел в Пермский край (пилотный проект);
2. Таймырский АО и Эвенкийский АО – в Красноярский край;
3. Корякский АО и Камчатская область объединились в Камчатский край;
4. Усть-Ордынский Бурятский АО вошел в Иркутскую область;
5. Агинский Бурятский АО вместе с Читинской областью преобразован в Забайкальский край.

Реализации объединительных проектов предшествовали референдумы, прошедшие с достаточно высокой активностью и поддержкой населения.

Явка избирателей на объединительные референдумы колебалась от 62,4% в Пермской до 81% в Читинской области и от 62,9 до 91–99% в автономных округах.

Причем уровень поддержки объединительной идеи был еще выше – от 70 до 97%.

Накопленный за этот период опыт государственного строительства пока-

зывает, что крайне непростой процесс укрупнения субъектов требует постоянного мониторинга достигнутых целей и задач, выявления недостатков и упущений.

Законодательный алгоритм объединительного процесса уникален. Он представляет собой многоступенчатую, поэтапную процедуру. Нигде в мире нет аналогичного опыта “переформатирования” федеративного государства.

По мере практического осуществления политики укрупнения в октябре 2005 г. в Конституционный закон от 17 октября 2001 г. были внесены важные изменения и дополнения⁵.

В частности, было разрешено проводить объединительные референдумы в регионах без создания инициативных групп. Изменен порядок, при котором главную роль в образовании нового субъекта Федерации стали играть не региональные законодательные собрания, а губернаторы, получившие право выступать с предложением о слиянии регионов и проведении референдумов.

В объединительных референдумах должны принять участие не менее 50% избирателей от каждого региона. При положительных итогах президент России оформляет ранее поступившее к нему на рассмотрение обращение регионов в виде проекта федерального конституционного закона об образовании нового субъекта Российской Федерации.

Наделение президента страны дополнительными полномочиями в вопросах укрупнения регионов выглядит логичным, так как вопросы создания субъектов Федерации Конституция оставляет в исключительной компетенции Федерального центра. Для объединения регионов в рамках бывших сложносоставных субъектов важное значение имеют также положения уже

упоминавшегося Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”⁴. Дело в том, что автономные округа после объединения в единый субъект Федерации превращаются в административно-территориальные единицы – муниципальные образования. Соответственно происходит передача полномочий от прежних государственных органов власти автономных округов к новым органам госвласти на уровне муниципальных районов.

Основные организационно-правовые шаги по укрупнению регионов условно можно сгруппировать в три этапа:

1. Подготовительный период – от выдвижения региональных инициатив по объединению до проведения референдумов о целесообразности объединения. На этом этапе Центр утверждает общедеревьяльные и региональные программы, дающие укрупняемым регионам максимум инвестиций и бюджетных дотаций на весь переходный период.

2. Законодательный период между референдумом и официальным изданием федерального конституционного закона об образовании нового субъекта в составе Российской Федерации. После того как обе палаты российского парламента утвердили закон, новый регион считается созданным де-юре, и соответствующие поправки вносят в ст. 65 Конституции – о субъектном составе Российской Федерации. Новый субъект Федерации является правопреемником объединившихся регионов, которые с момента вступления в силу ФКЗ утрачивают прежний юридический статус самостоятельных субъектов, превращаясь в административно-территориальную единицу в составе нового региона.

3. Переходный период – от момента принятия ФКЗ о новом субъекте Федерации и до избрания Законодательного

собрания, которое сначала принимает Устав, а потом утверждает единый бюджет объединенного субъекта. В этот период временно сохраняют свои полномочия законодательные органы объединившихся субъектов, которые утверждают в должности губернатора нового региона (по представлению президента страны). Губернатор назначает временные структуры исполнительной власти и лично осуществляет широкий круг полномочий до момента выборов в законодательное собрание, являясь в течение всего переходного периода единственным легитимным должностным лицом нового субъекта Федерации и обладая всей полнотой исполнительной власти, вплоть до чрезвычайных полномочий.

Переходный период в процессе объединения регионов может иметь разную продолжительность для разных субъектов в зависимости от региональных условий развития и сложностей объединительного процесса.

Например, переходный период создания Пермского края занял 4 года – с 2005 г. до конца 2008 г.

В последующих объединительных проектах продолжительность переходного периода была сокращена до 1,5–2 лет.

Тем не менее, укрупненные регионы, функционирующие как единые субъекты Федерации, появятся в России только в 2009 г.

Негативным моментом для уже укрупненных субъектов Федерации является неопределенность толкования такого понятия, как *особый статус* автономного округа как административно-территориальной единицы после объединения.

В его основе может лежать несколько аспектов в зависимости от каждого конкретного случая. Это может быть национальный аспект, то есть придание особого статуса территории по на-

циональному признаку, либо территориальный аспект – выделение муниципального образования, либо экономический аспект – предоставление особых льгот, целевое финансирование развития территории.

В итоге предоставление особого статуса территориям имеет целью сохранение и повышение уровня жизни местного населения и смягчение последствий перехода к управлению новым субъектом Федерации.

В частности, в Пермском крае изначально было предусмотрено создание специального органа – Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа как структурного подразделения.

Очень важно оптимизировать деятельность территориальных органов исполнительной власти в новом субъекте Федерации и провести их своевременную реорганизацию. Существенным фактором должна быть выработка специальных механизмов взаимодействия и преодоления разногласий между органами государственной власти, объединяющихся субъектов Федерации. Отсутствие согласованной позиции по ряду вопросов приводит к затягиванию принятия решений, нарушению прав и свобод граждан. Одним из вариантов разрешения подобных ситуаций может стать активное участие в координации деятельности этих структур полномочных представителей президента Российской Федерации в соответствующих федеральных округах.

Необходимо создать систему мониторинга объединительного процесса, предполагающую планирование, прогнозирование, поиск оптимального алгоритма решения данной задачи. На федеральном уровне нужны механизмы, направленные на обеспечение эффективного информационного сопровождения процесса объединения субъектов Федерации, которые должны действовать на протяжении всего пере-

ходного периода. Это позволит создать благоприятную социально-психологическую обстановку, избежать возникновения конфликтных ситуаций.

Правоприменительная практика законов об объединении свидетельствует о необходимости законодательного регулирования вопроса о пределах ук-

рупнения субъектов Федерации. В этом плане требуются законодательные инструменты защиты от “стихийного” укрупнения и создания “гиперрегионов” на основе экономических, демографических ресурсов нескольких субъектов Федерации, принявших решение об объединении.

Практика объединений показала, что универсального подхода к укрупнению регионов нет. Это связано, в том числе, с неприятием идеи объединения с последующей утратой статуса во всех национальных республиках. Пока на данном этапе федеративной реформы методом укрупнения регионов постепенно решается проблема “сложносоставных” субъектов, за исключением Архангельской области с входящим в ее состав Ненецким АО и Тюменской области с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами.

Примечания

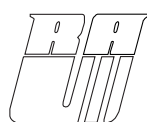
¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4916; 2005. № 46. Ст. 4581.

² Голубицкая М.В. Экономические перспективы регионов России // Обозреватель–Observer. 1999. № 7.

³ Федерализм и российские регионы: Сб. материалов интернет-конференций (декабрь 2005 – март 2006). М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2006. С. 119-141.

⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁵ ФКЗ от 31 октября 2005 г. № 7-ФКЗ // Российская газета. 2005. 1 ноября.

**ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Ориентиры транспортной политики России в ЕврАзЭС

Юрий Голиусов

Ученые и политики в разные периоды российской истории отмечали уникальное значение транспортной системы России для обеспечения евроазиатских транспортных связей в увязке с историческим расселением народов.

Еще в конце XV в. тверской купец Афанасий Никитин своим путешествием “За три моря” показал, что дороги сближают народы.

Русский мыслитель И.А.Ильин писал, что Россия – сущий оплот евроазиатского, а потому и вселенского мира и равновесия¹.

Великий русский ученый М.И.Менделеев определял миссию транспорта как центра гравитации страны¹.

И.В.Сталин считал, что СССР как государство был бы немислим без перво-классного железнодорожного транспорта, связывающего в единое целое его многочисленные области и районы.

Трудами многих поколений Россия, объединяя своей территорией Европу и Азию, Север и Юг, превратилась в

кратчайший путь между ними, обеспечив себе высокую географическую и геополитическую рентабельность, оборачивая минусы международного разделения труда явными плюсами для страны – ростом доходов от предоставления своей земли, воды и неба для транспортных потоков из Европы в Азию и из Азии в Европу.

Занимая выгодное географическое положение, имея выходы к морям, а также обладая системами космической, воздушной и морской навигации, Россия владеет уникальными возможностями участия не только в международном транспортном транзите, но и в международной транспортной интеграции – важных элементах усиления геоэкономической и геополитической роли на международной арене.

Россия, занимающая более 30% территории Евразийского континента и располагающая высокоразвитой транспортной системой, объективно являет-

ГОЛИУСОВ Юрий Федорович – кандидат политических наук, руководитель Дальневосточной транспортной группы.

Ключевые слова: геополитика, геоэкономика, глобализация, ЕврАзЭС, единое транспортное пространство, международные транспортные коридоры, транспортные коммуникации.

ся естественным мостом, обеспечивающим транзитные связи между Западной Европой и Восточной Азией.

Общемировой ежегодный объем грузовых перевозок в контейнерах в настоящее время составляет 6 млн. контейнеров в двадцатифутовом эквиваленте при суммарной стоимости товарной массы 250 млрд. долл.

Пока мощный транзитный потенциал России используется слабо (лишь 10–15%).

Отечественная экономика, ее транспортные коммуникации все больше втягиваются в процесс глобализации. Об этом свидетельствуют многочисленные межгосударственные соглашения и программы: “Возрождение торгового флота России”, “Внутренние водные пути России”, “Мировой океан”, проекты создания трансконтинентальных железнодорожных магистралей. Развитие торгово-экономических связей России с Германией, Белоруссией, странами СНГ и Европейского союза не только увеличили спрос на транспортные услуги, но и обострили проблемы транспортной безопасности, понимаемой как безопасность национальных интересов.

Анализ мировой экономики говорит о том, что основные финансовые и товарные потоки в XXI в. будут сосредоточены в треугольнике США – Европа – Дальний Восток. Рассматривая географическое положение России в контексте развития торговых отношений между Европой и Азией, можно сделать практически безошибочный вывод – доставка товаров через Россию по направлениям Восток – Запад и Юг – Север будет осуществляться быстрее.

Достаточно отметить, что расстояние по трансокеанскому маршруту от Йокогамы до крупнейших портов Европы почти в два раза длиннее, чем по маршруту, про-

легающему через Транссиб. Намного короче и Северный морской путь.

В этих условиях евразийское положение России в целом, и Сибири в частности, приобретает исключительно важное экономическое и геополитическое значение. Интенсивное использование “потенциала положения” Российской Федерации, превращения его в экономический ресурс, предусматривающий “подключение” к транспортной сети наших внутренних территорий с богатейшей ресурсной базой, делает российский транспорт фактором национальной безопасности.

Положение в мировой хозяйственной и политической системах в последние годы существенно изменилось. Сформировался новый полюс роста в Юго-Восточной Азии, произошла экономическая интеграция стран Западной Европы в Европейский союз.

Между ведущими мировыми регионами осуществляются масштабные экономические связи. Особенно интенсивно растет товарообмен между странами Юго-Восточной Азии и Европы, Юго-Восточной и Центральной Азии. Для повышения эффективности внешнеторговых и транзитных связей заинтересованные европейские и азиатские страны приступили к формированию системы **международных евроазиатских транспортных коридоров (МТК)**. Речь идет о совокупности наиболее технически оснащенных магистральных транспортных коммуникаций, как правило, различных видов транспорта, обеспечивающих перевозки пассажиров и грузов в международном сообщении на 9 направлениях их наибольшей концентрации.

На территории России в настоящее время система МТК включает евроазиатских коридора (“Север – Юг”, “Транссиб”) и “Запад – Восток”, а так-

же и Северный морской путь, частично панъевропейские транспортные коридоры № 1 (от стран Балтии и Полиши к Германии), № 2 (Берлин – Варшава – Минск – Москва), № 9 (Хельсинки – Москва и далее страны Южной Европы), а также коридоры, связывающие северо-восточные провинции Китая через российские морские порты Приморского края с портами стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Из них коридор № 2 уже продлен до Нижнего Новгорода, а коридор № 9 – до Астрахани и Новороссийска³. В состав МТК включены, как правило, наиболее оснащенные из существующих магистралей и объекты, на которых концентрируются внешнеторговые и транзитные грузо- и пассажиропотоки, а также звенья российской транспортной сети, имеющие потенциал для переброски на них указанных потоков.

Для более полного учета геополитических и экономических интересов России направления указанных МТК на территории страны дополнены рядом новых маршрутов, расширяющих зоны действия коридоров и повышающих их эффективность. К ним относятся такие направления как:

- Санкт-Петербург – Пермь – Екатеринбург;
- граница Украины (от Харькова) – Самара – Уфа;
- Единая глубоководная система европейской части России, включая Волго-Донской канал и Волго-Балтийский водный путь.

При этом Северный морской путь имеет значительный нереализованный потенциал в обеспечении зоны российского Севера и международного транзита.

Для сохранения единого экономического пространства России необходима не только реконструкция существующих транспортных коридоров,

но и создание новых. Настало время активных действий, направленных на укрепление места Транссиба в мировой транспортной системе. Превращение Транссиба в скоростную международную трансконтинентальную магистраль станет возможным при условии ее освобождения от массовых внутрироссийских грузов.

Для обслуживания перевозок между регионами Азиатской и Центральной России (включая и Урал) потребуются сооружение *Северо-Сибирской магистрали (Севсиба)*.

Севсиб рассматривается как составное среднее звено нового Северо-Российского транспортного коридора: от портов Ванино и Советская Гавань на побережье Тихого океана до Архангельска на Белом море и перспективного будущего порта Индига на Баренцевом море. Восточное звено данного коридора – БАМ, западное – Баренцкомур.

Особое геополитическое значение данной магистрали в том, что она полностью будет проходить по территории России⁴.

Важным этапом в формировании МТК “Север – Юг”, значительная часть которого проходит по территории Российской Федерации, стала ратификация соглашения об этом международном транспортном коридоре всеми его участниками (Индия, Иран, Россия). Однако оно не учитывает специфики международных автомобильных перевозок на базе ряда многосторонних конвенций и двусторонних соглашений.

Основной транспортной магистралью, связывающей все арктические и субарктические регионы России, является *Северный морской путь (СМП)*. Это также самый короткий путь между Европой и Восточной Азией, Европой и тихоокеанским побережьем Северной Америки.

СМП – одна из транспортных проблем не только России, но и всей планеты, важнейшая стратегическая часть единой транспортной системы Сибири и Дальнего Востока. Он включает и примыкающие транспортные пути, авиационный, автомобильный и железнодорожный транспорт. Россия обладает уникальной артерией, по своему значению сравнимой, по мнению специалистов, с Великим шелковым путем и маршрутом “из варяг в греки”. Для российской экономики, практически на 70% завязанной на уральские и сибирские месторождения полезных ископаемых, СМП во многих случаях остается единственной транспортной связью Крайнего Севера с европейской частью страны⁵.

Интерес к заполярным регионам постоянно возрастает.

Развитие Крайнего Севера, Ямала, Тимано-Печорской провинции и шельфа северных морей, разработка рудных залежей Урала, добыча природного газа на Сахалине требует бесперебойной работы СМП.

Очень важен Севморпуть и со стратегической точки зрения. Заполярная трасса удобна для масштабной передислокации войск, формирования эскадр особого назначения, транспортирующих грузы военной техники, а также пересылки вновь построенных кораблей для Тихоокеанского флота⁶.

Завершение строительства железной дороги Беркаит-Якутск предполагает возникновение нового варианта транзитных перевозок по маршруту *Европа – Северный морской путь – р. Лена – Транссибирская магистраль – Азия*. В результате станет возможной транспортировка нефти и сжиженного газа с северных месторождений, а также с недавно введенного в строй на Сахалине крупнейшего предприятия сжиженного газа.

Императивным требованием не просто экономического, а более высокого – геостратегического характера является необходимость интеграции России в транспортное пространство ЕврАзЭС.

Сегодня в системе ЕврАзЭС существуют и реально действуют, как показывает практика, модели, неразрывно связывающие политику с экономикой, экономику с историей, культурой, социальной, религиозной и этнической средой.

В январе 2002 г. решением Интеграционного комитета ЕврАзЭС был создан **Совет по транспортной политике**.

Основными задачами Совета являются:

- координация деятельности государственных органов управления транспортом по реализации Соглашения о формировании Транспортного Союза от 22 января 1998 г.;

- решение неотложных задач, касающихся обеспечения согласованного функционирования транспортных систем государств, входящих в Сообщество;

- участие в разработке и реализации межгосударственных проектов и программ в сфере транспорта.

Совет решает вопросы:

- тарифной и таможенной политики;
- привлечения инвестиций для формирования и развития транспортных коридоров;
- обеспечения безопасности на транспорте;

- сохранности перевозимых грузов и защиты окружающей среды.

Совет рассматривает инновационные предложения, касающиеся транспортной сферы, исходящие от государств-членов ЕврАзЭС. В частности, были рассмотрены (апрель 2007 г.) российские предложения по созданию международного консорциума для создания второй нитки Волго-Донского канала и строительству Каспийско-Азовского судоходного канала, позволяющих значительно повысить транзитно-транспортный потенциал ЕврАзЭС⁷.

В этих проектах заинтересованы многие страны как Западной Европы,

так Азиатско-Тихоокеанского региона, в особенности члены ЕврАзЭС.

Насущная задача – найти такие условия привлечения иностранных инвестиций, которые, не снижая уровень экономической и оборонной безопасности страны, стали бы привлекательными для всех потенциальных участников. В первую очередь, речь идет о безопасности с точки зрения распространения негативных воздействий на экономику и управление, то есть возможного нарушения интересов России, связанных с эксплуатацией евразийских коридоров в той части, которая проходит по российской территории, а также безопасности самого транспорта.

Особое внимание Совет уделяет формированию **единого транспортного пространства (ЕТП)** государств-членов ЕврАзЭС.

В проекте ЕТП изложены принципиальные положения, которые учитываются при разработке и реализации мероприятий по его формированию.

Документ содержит установки общего характера, вытекающие из закономерностей развития транспортных систем и анализа состояния транспортной отрасли.

Цель формирования единого транспортного пространства – обеспечение свободного перемещения граждан, товаров, транспортных средств и транспортных услуг по всей территории Сообщества. Без этого невозможно решение программных задач ЕврАзЭС по созданию единого экономического пространства, Таможенного союза и повышению конкурентоспособности услуг транспортной отрасли Сообщества на мировом рынке.

Концепция формирования ЕТП ЕврАзЭС отражает:

- анализ потенциальных грузопотоков, проходящих через страны ЕврАзЭС, до 2020 г.;

- анализ существующих барьеров при перемещении пассажиров и грузов между странами Сообщества;

- определение совокупного транзитного потенциала стран ЕврАзЭС;

- предложения по перечню конкретных приоритетных транспортных программ и проектов с указанием примерных объемов финансирования и сроков их реализации;

- предложения по размещению логистических центров в рамках Сообщества.

Участие России как члена ЕврАзЭС в решении неотложных задач, касающихся обеспечения согласованного функционирования транспортных систем государств, входящих в Сообщество, а также в разработке и реализации межгосударственных проектов и программ в рамках одного транспортного пространства позволяет решать ключевые задачи:

- обеспечивать эффективный выход на международные товарные рынки экономически развитых районов страны и ее регионов, в которых сосредоточен основной внешнеторговый потенциал России;

- осуществлять крупные международные транзитные перевозки между двумя динамично развивающимися регионами мира – Европой и Азией, а также на направлениях Северо-Западная Европа – тихоокеанское побережье США и Канады; северо-восточные районы Китая, Монголия – западные регионы США и Канады, Япония;

- обеспечивать концентрацию межрегиональных транспортно-экономических связей на наиболее технически оснащенных магистралях страны, создающих предпосылки для существенного сокращения транспортных затрат и тем самым способствующих ослаблению ограничений для развития экономических связей, упрочению позиций рос-

сийских товаропроизводителей и перевозчиков на международном уровне.

Наиболее полное подключение российской транспортной системы к международному движению грузопотоков предполагает:

- создание направлений, связывающих транспортные сети России и стран Средней и Центральной Азии через территории Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и др., в том числе с использованием паромных переправ через Каспий;

- подключение транспортного маршрута, соединяющего Каспийское и Черное моря по Волго-Донскому каналу, к системе евроазиатских транспортных связей;

- более активное использование существующих железнодорожных маршрутов для перевозки грузов и пассажиров через территорию России по Транссибирской и Байкало-Амурской магистралям;

- продолжение практической работы по транспортировке казахской и туркменской нефти через порт Махачкала, по подготовке к транзитным перевозкам узбекского хлопка через Казахстан (Актау), Астрахань и далее в Европу по внутренним водным путям;

- открытие внутренних водных путей России для прохождения судов типа “река-море” на участке между Черным и Каспийским морями (в рамках подготовки к взаимному открытию водных путей России и Европейского союза).

Вхождение российской транспортной системы в единое транспортное пространство ЕврАзЭС позволит повысить роль транспортной системы России в геоэкономике и геополитике.

Для железнодорожного транспорта это возможность:

- найти разумный баланс между государственным регулированием и частным рынком перевозочных услуг;

- координировать тарифную политику, позволяющую другим видам транспорта конкурировать с железными дорогами в транзите грузов;

- более эффективно использовать имеющиеся железнодорожные пути сообщения, в частности Транссиб, МТК “Север-Юг”, а также Байкало-Амурскую магистраль;

- продолжать обновление и техническое переоснащение подвижного состава и путевой инфраструктуры.

На автотранспорте:

- создать равные условия для всех перевозчиков;

- расширить автомобильный парк с учетом современных требований;

- продолжить строительство и реконструкцию важнейших транзитных автомобильных дорог.

На внутреннем водном и морском транспорте:

- сосредоточить внимание на эффективном использовании морского флота;

- добиться свободной и справедливой конкуренции при осуществлении морских перевозок;

- повысить техническую и технологическую вооруженность портов;

- добиться их трансформации в торгово-промышленные комплексы, транспортно-распределительные центры, которые ускорили бы переработку грузов, повысили качество перевалочных работ.

Учитывая сложность использования прибрежных территорий, шире применять опыт создания внебереговых точечных причалов и специфических платформ (искусственных островов), на которых создаются промышленно-транспортные комплексы и городские поселения.

Интеграция транспортного пространства ЕврАзЭС открывает широкие

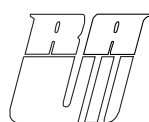
возможности для гражданской авиации транспорта, упрощает транспортировку и магистрального трубопроводного электроэнергии.

Вместе с тем, участие России в международных транспортных проектах и программах ЕврАзЭС нельзя рассматривать в отрыве от стратегических внешнеполитических целей, без учета интересов и обороноспособности страны.

Плодотворное сотрудничество транспортников в рамках ЕврАзЭС, основанное на общей стратегии, общих геополитических и геоэкономических интересах, является залогом успешного восстановления и поддержания целостности транспортного пространства СНГ и стран Балтии, то есть практически всего постсоветского пространства.

Примечания

- ¹ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Париж, 1992; Менделев Д.И. Заветные мысли. М., 1980.
- ² Транспортные стратегии в судьбе России. М., 2004.
- ³ Партнерство государства и частного бизнеса в развитии транспортных коридоров Российской Федерации // Вестник ФАЦ. 2006. № 7. С. 4,5.
- ⁴ Гончаренко С.С. России необходимы транспортно-промышленные проекты векового значения // Вестник транспорта. 2007. № 6. С. 5,6.
- ⁵ Ковтун А.В., Котляренко А.Ф., Куренков П.В. Роль транспортной системы в геоэкономике, геополитике и геологистике. М., 2006. С. 4– 6.
- ⁶ Россия в условиях становления единой транспортной системы евразийского континента. Аналитический доклад на Санкт-Петербургском форуме. СПб., 2005. С. 32, 33.
- ⁷ Международное сотрудничество // Евразия. Вести. 2007. Июнь. С. 9.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Проблемы организации лечения наркомании в России

Татьяна Дмитриева
Юлия Шевцова

В 2007–2008 гг. в Российской Федерации произошли коренные изменения в области политики противодействия незаконному обороту наркотиков и профилактики наркоманий. В антинаркотическую концепцию заложено несколько принципиально новых положений. Например, признано, что в решении этой проблемы планомерная профилактическая работа дает существенно более высокие результаты, чем устранение последствий.

Расчеты показывают, что по эффективности 1 руб., вложенный в профилактику, равен 7 руб., вложенным в лечение.

Это означает приоритетность мер, направленных на сокращение поставок наркотиков в страну и уменьшение внутреннего спроса на наркотики, над

деятельностью по преодолению наркоманий и их социальных последствий.

Правительство РФ продолжает предпринимать последовательные меры по усилению государственных границ и таможенного досмотра грузов, отслеживания наркотрафиков через страну для обнаружения и изъятия наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Меняются правовые подходы к совершившим преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Тяжесть наказания переносится с отдельных потребителей на лиц, связанных с организацией преступлений в этой сфере.

Сформирован государственный антинаркотический комитет, в обязанности которого входит координация на высоком “надведомственном” уровне

ДМИТРИЕВА Татьяна Борисовна – академик РАМН, профессор, директор ФГУ “Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского”.

ШЕВЦОВА Юлия Борисовна – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отделения терапии больных наркоманиями и алкоголизмом ФГУ “Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского”.

Ключевые слова: наркомания, наркотики, незаконный оборот наркотиков (НОН), ФСКН, наркологическая помощь, реабилитология, психоактивные вещества (ПАВ).

деятельности различных министерств и ведомств по усилению противодействия незаконному обороту наркотиков и профилактике наркомании. Работа Федеральной службы по контролю над наркотиками (ФСКН), которой в 2008 г. исполнилось 5 лет, стабильно эффективна, что выражается в росте раскрываемости преступлений в этой сфере, увеличении изъятия наркотиков из нелегального оборота.

СМИ стали уделять существенно больше внимания постоянной, прямой и доходчивой социальной рекламе, пропагандирующей здоровый образ жизни, особенно среди молодежи.

О том, что здоровье, социальное преуспевание, счастье в личной жизни возможны только без употребления наркотиков, напоминают яркие рекламные щиты и слоганы, звучащие в молодежных радиопередачах.

Телефон ФСКН, по которому можно сообщить о местах сбыта или употребления наркотиков, мы каждый день видим в метро и на уличных плакатах. Газеты широко обсуждают тему злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами. Стоит отметить, что публикации последнего года приобрели качественно новый характер без обычного для СМИ подогревания нездорового интереса к данной проблеме.

Перечисленные усилия общегосударственного масштаба уже начали оказывать определенное влияние на ситуацию с нараставшим ранее год от года приростом первичной заболеваемости наркоманиями – ошутимое замедление темпа отмечено в 2008 г.

По официальным статистическим данным, всего в Российской Федерации в 2007 г. было зарегистрировано 356188 больных наркоманией (250,45 чел. на 100 тыс. населения).

Первичная заболеваемость наркоманиями в 2007 г. отмечена у 29597 чел. (20,81 чел. на 100 тыс. населения).

Для сравнения, в 2006 г. эти цифры выглядели так: учтенная распространенность наркоманий – 350267 чел. (245,82 чел. на 100 тыс. населения), а первичная – 27220 (19,10 чел. на 100 тыс. населения).

Прирост заболеваемости наркоманиями за 2007 г. составил 1,6%, что заметно отличается от 14–15%, например, в 2000–2001 г.

Что касается ВИЧ-инфекции, то в 2008 г. в России насчитывалось в общей сложности 452919 чел., инфицированных вирусом иммунодефицита (около 415 тыс. в 2007 г.).

Темпы прироста ВИЧ-инфицированных среди больных наркоманией практически стабилизировались.

Скорость увеличения количества ВИЧ-инфицированных, которая еще 3–4 года назад была почти эпидемической, в настоящее время таковой не является.

Из всех зарегистрированных в наркологических стационарах больных наркоманией, ВИЧ-инфицированными являлись в 2007 г. 11,8%, в 2008 г. – 11,9% (данные отчетов МККН за 2008 г.).

И если раньше большинство ВИЧ-контингента составляли безработные наркоманы, то теперь его основная часть, к сожалению – социально активные граждане, заразившиеся половым путем или в результате медицинских манипуляций, а также дети с нисходящим путем заражения.

Несмотря на определенные успехи в этой области перед системой здравоохранения страны по-прежнему стоит задача огромной социальной значимости – совершенствования медицинской помощи больным наркоманией.

Остановимся на некоторых важных проблемах в этой области.

Проблема терминологии. В российской медицине пока плохо приживается термин “потребитель” – например, “потребитель медицинских услуг”, осо-

бенно применительно к психически больным, а также “потребитель инъекционных наркотиков”. И если для правоохранительной системы не важно, есть ли синдром зависимости от психоактивных веществ у человека, участвующего в незаконном обороте наркотиков (он все равно подлежит уголовному наказанию), то для медиков по-прежнему более привычны понятия “пациент”, “больной”. На настоящее время эти понятия продолжают означать для врача сохранение патерналистского, ответственного подхода к лечению и отношение к пациенту как к больному человеку, которому требуется не “услуга”, а помощь.

В статистике и учете наркологических больных есть несколько проблемных моментов.

Как известно, в материалах по наркологической тематике очень часто идет речь о так называемой латентной заболеваемости. Для приблизительной оценки “масштабов бедствия” докладчики часто умножают зарегистрированное число больных наркоманией на некие произвольно выбранные коэффициенты – от 2 до 7.

Такой подход неверен по двум причинам.

Наркоманы со сформированной зависимостью от опиоидов и стажем свыше года рано или поздно обращаются за стационарной помощью. Причины вполне прозаические – необходимость уменьшить стремительно нарастающую дозу наркотика (желание “омолодиться”) или прекращения поставок наркотиков (арестован наркодилер).

Некоторые больные сами искренне хотят избавиться от наркотической зависимости. Переживать синдром отмены опиоидов лучше все-таки в стационаре с полноценным обезболиванием, детоксикацией, назначением седативно-снотворных средств и антидепрессантов. В результате подавляющее

большинство наркоманов с зависимостью от наркотиков опийного ряда попадают в поле зрения статистики, а следовательно их количество незначительно отличается от официальных данных.

Больные с зависимостью от других наркотиков (каннабиноидов, стимуляторов, кокаина), напротив, за медицинской помощью обращаются в исключительно редких случаях, и из поля зрения медицинского учета выпадают практически полностью. Получается, что, по данным российской статистики, среди наркоманов преобладают зависимые от опиоидов – 87,7%. И это при том, что по международной отчетности самыми часто употребляемыми наркотиками в мире являются каннабиноиды, следом идут амфетамины, кокаин, экстази и только потом – опиоиды. Для устранения статистического дисбаланса, российские данные требуют уточнения.

Далее, определенной проблемой является изменение в 2007–2008 гг. *структуры зависимости от опиоидов* за счет роста злоупотребления лекарственными средствами, которые продаются в аптеках и содержат кодеин – наркотический анальгетик, алколоид опия. При учете они попадают в графу опиоиды – так же, как и героин, и ацетилированный опий.

На настоящее время в России есть местности, отличающиеся образцово-показательной работой правоохранительных органов и ФСКН, где наркоманы с зависимостью от героина временами отсутствуют, а с зависимостью от опиоидов фиксируются за счет лиц, злоупотребляющих кодеин-содержащими средствами. Понятно, что при планировании профилактических мероприятий эти особенности статистики необходимо учитывать.

Следующей проблемой оказания помощи больным наркоманией является

ся *необходимость реформирования структуры* наркологической помощи.

Это требование времени продиктовано изменениями в законодательстве и в отношении к наркологическим больным.

В 1992 г. был принят закон об оказании психиатрической (в том числе и наркологической) помощи, где было указано, что лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в психиатрический стационар без его согласия, если психическое расстройство является тяжелым и обуславливает: непосредственную опасность больного для себя или окружающих; беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности; существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

Из наркологических больных принудительной госпитализации подлежат только лица в остром психозе.

При обращении за лечением в добровольном порядке на бесплатной основе по месту жительства лиц, зависимых от наркотиков, осуществляется постановка на учет в наркологический диспансер, что ведет к ограничению их прав (например, на владение оружием, на управление автотранспортным средством, на работу по некоторым профессиям) в течение определенного периода времени.

В случае добровольного обращения за наркологической помощью на платной основе больные не поражаются ни в каких правах. В связи с этим довольно трудной практической задачей оказания медицинской помощи больным наркоманией является активное мотивирование к началу и продолжению лечения при очень неустойчивой собственной мотивации таких пациентов.

Для дальнейшего привлечения лиц с наркотической зависимостью к медицинской помощи обсуждается перепро-

филирование наркологических диспансеров в центры социально-психологической адаптации как первичного звена медико-психологической помощи уязвимым группам населения.

В задачи этих центров может входить оказание медицинской, психологической и юридической помощи сразу нескольким проблемным группам населения. Кроме больных наркоманиями, это лица, побывавшие в чрезвычайных ситуациях, подвергшиеся насилию, освободившиеся из мест лишения свободы, вынужденные переселенцы.

На базе центров социально-психологической адаптации может быть организован весь цикл лечебно-реабилитационного процесса с широким внедрением доказавших свою эффективность технологий профилактики – первичной, вторичной и третичной.

Реорганизация структуры наркологической помощи подразумевает и усиление целевой государственной поддержки *научных исследований*, направленных на разработку системных правовых, организационных и методических аспектов программ первичной профилактики для групп риска и программ лечения, вторичной и третичной профилактики для уже больных наркоманией.

Медицинские научные исследования в области наркологии в настоящее время проводятся во многих городах России на кафедрах психиатрии и наркологии медицинских университетов и институтов, в Научном центре наркологии в Москве, а также во многих учреждениях практического здравоохранения. Они финансируются при помощи недавно разработанной и внедренной системы государственных заказов и грантов различных фондов.

Представляется полезным, чтобы задачи наркологии как науки были больше интегрированы в масштабные многоаспектные государственные программы с целевым финансированием.

Что касается оказания *стационарной наркологической помощи*, то наиболее актуальной проблемой является недостаточная оснащенность медицинским оборудованием отдельных лечебных учреждений в малых городах и сельской местности, где не хватает реанимационной, лабораторной аппаратуры, медтехники для экстракорпоральной детоксикации. В областях с достаточным финансированием здравоохранения этих проблем нет, так же, как нет и дефицита лекарственных средств.

Качество оказания наркологической помощи в последнее время находится, в основном, на хорошем современном уровне, вызывает существенно меньше нареканий. Купирование острых состояний – наркотической абстиненции, постабстинетных расстройств – в стационаре осуществляют максимально эффективным и щадящим для больного образом.

Этому есть простое объяснение.

В условиях большого количества профильных лечебных учреждений различных форм собственности стремительно растет конкуренция между врачами. Следовательно, каждый из них для привлечения пациентов и сохранения своего рабочего места заинтересован в оказании насколько возможно качественной медицинской помощи.

Этому способствует и постоянное повышение квалификации на сертификационных циклах, многочисленных конференциях, конгрессах, семинарах, куда открыт доступ всем желающим.

Определенной проблемой стационарного лечения может быть повсеместное сокращение длительности госпитализации при наркоманиях – приблизительно до двух недель (с 17,2 в

2000 г. до 15,1 дня в 2007 г. – на 13,6%). С уменьшением длительности пребывания в стационаре связан рост повторных госпитализаций: в течение года практически каждый третий больной наркоманией (30,3%) неоднократно поступает в стационар. Но обусловлено это не качеством стационарного лечения, а другими факторами. При отсутствии активных реабилитационных мероприятий и трудотерапии длительный срок госпитализации вряд ли целесообразен, основные госпитальные задачи за это время удастся решить.

Одним из важнейших аспектов лечебного процесса является достижение комплайенса*.

Осознанное сотрудничество с больным наркоманией – трудная задача по вполне объективным причинам, а именно, из-за присущих этой категории пациентов негативизма, эгоцентризма, асоциальных или антисоциальных установок, недоверия к тем, кто оказывает помощь, а иногда и резко отрицательного отношения к ним. Тем не менее, без достижения необходимого уровня комплайенса качественное проведение медико-реабилитационных мероприятий невозможно.

Следующая широко обсуждаемая проблема лечения больных наркоманиями – необходимость *усиления реабилитационного звена*.

Понятно, что реабилитация в этой области коренным образом отличается от целенаправленных мероприятий с тем же названием, осуществляемых в других отраслях медицины. Реабилитация в наркологии – это сложная комплексная задача не столько по восста-

* *Комплайенс* – это осознанное сотрудничество между врачом, больным и членами его семьи, своеобразный “терапевтический инструмент”, который обеспечивает заинтересованность пациента в процессе лечения и способствует выполнению врачебных рекомендаций.

новлению, сколько по формированию наново биологического, психического и социального функционирования пациента вне фактора хронической наркотической интоксикации и по иной, чем ранее, социально-приемлемой модели поведения.

Планируется законодательное закрепление роли и места медико-социальной реабилитации как основного звена лечебно-реабилитационного процесса.

Мировой практикой доказано, что оказание даже самой высококвалифицированной помощи, ограниченной только медицинскими рамками, явно недостаточно для достижения полноценной длительной ремиссии у пациентов с наркотической зависимостью.

После 2–3-недельного стационарного курса лечения (которое чаще всего и проводится), согласно данным общемировой статистики, ремиссии длительностью свыше года встречаются не чаще 10% случаев, примерно в 60–65% случаев возврат к употреблению наркотиков происходит на протяжении первых 6 мес. после курса лечения, и примерно в четверти случаев течение наркомании может быть безремиссионным.

В настоящее время в России развивается как новая медицинская отрасль – *реабилитология*, так и другие виды реабилитации, не связанные непосредственно с медициной.

Реабилитология предполагает длительную программу медицинской помощи больному в стационарных и амбулаторных условиях, проведение долгосрочной психофармакотерапии и психотерапии.

Психофармакология ставит перед собой задачу подавить или снизить интенсивность патологического влечения к наркотикам, которое существует длительно и периодически обостряется;

стабилизировать аффективное состояние, купировать диссомнические расстройства, скорректировать психопатоподобное поведение, психоорганический синдрома.

Из *психотерапевтических приемов* в наркологической практике наиболее адекватными современным требованиям признаются гуманистические и психодинамические направления: когнитивно-поведенческая терапия, семейная терапия, нейролингвистическое программирование, транзактный анализ, гештальт-терапия.

Задачами психотерапии являются коррекция социально-психологического статуса пациента вне употребления психоактивных веществ (ПАВ), расширение сфер его жизнедеятельности, выработка адаптивных социально-приемлемых навыков поведения, и как итог – интеграция или реинтеграция индивидуума в нормативный социум. Для больных наркоманией однозначно не показаны суггестивное воздействие (из-за отсутствия внушаемости), использование в психотерапевтической работе эмоций негативного спектра – страха, униженности, подчиненности, а также репрессивных мер, которые могут быстро вызывать реакцию протеста вплоть до бунта и ятрогенно-спровоцированных агрессивных действий.

Из немедицинских моделей реабилитации на территории страны в течение нескольких лет работают и хорошо себя зарекомендовали модифицированная Миннесотская модель групповой 12-шаговой программы (“*Анонимные наркоманы*”), модель терапевтического сообщества (по типу польских “*Монахов*”) и религиозные реабилитационные программы, организованные различными конфессиями (Русская Православная Церковь, католицизм, протестантизм, ислам, буддизм). Главным

действующим фактором является специально созданная и строго поддерживаемая реабилитационная среда с четкими поведенческими нормами в сочетании со стабильной трудовой деятельностью.

После реабилитационных программ длительностью от 6 до 24 мес. длительных ремиссий достигают от 50 до 70% больных. Катамнестическое наблюдение длительностью 2–3 года показывают, что реабилитанты не употребляют наркотики и иные психоактивные вещества.

Относительно новую проблему представляет разработка единых *критериев оценки эффективности* лечебно-реабилитационных мероприятий с позиций доказательной медицины. Ранее привычным критерием оценки деятельности наркологических учреждений считалось общее число пролеченных больных, а также число и процент больных, достигших полной трезвости на протяжении полугода или года. Однако сама по себе длительная ремиссия бывает вынужденной, например, в местах лишения свободы. Человек может и по каким-то иным причинам не употреблять ПАВ, но у него отмечают различные психические расстройства пограничного уровня, депрессию, нарушение сна, периодические обострения патологического влечения к наркотикам, суицидальные тенденции или же склонность к иждивенческому, асоциальному образу жизни.

В настоящее время разрабатываются и будут утверждены новые стандарты оценки наркологической помощи с использованием таких критериев, как количественно оцениваемая по шкалам удовлетворенность больного лечением, самосохраняющийся стиль жизни, удержание в программах лечения, компенсация коморбидной патологии, повышение качества жизни, улучшение социального функционирования, частота

рискованного и криминального поведения.

В заключение остановимся вкратце на актуальных проблемах организации *обязательного (принудительного) лечения* наркологических больных, совершивших уголовно-наказуемые деяния.

Сейчас к ним применяют существенно более гибкий подход, чем ранее который планируется сделать еще более дифференцированным.

С 2003 г. обязательное лечение больным наркоманией, совершившим уголовно-наказуемые деяния, назначает не суд по решению судебно-наркологической экспертизы, а врачебная комиссия уголовно-исполнительного учреждения, в которое направлен осужденный для отбывания наказания. Она же принимает решение и о прекращении лечения.

Наркологические больные, приговоренные к длительным срокам лишения свободы, проходят принудительное лечение в специализированных отделениях, организованных в структуре уголовно-исполнительной системы.

Наличие ВИЧ-инфекции у заключенных наркоманов не является в настоящее время противопоказанием для проведения принудительного лечения, но требует внесения определенных корректив в стандартные схемы.

На условно осужденных также может быть возложена обязанность по прохождению курса лечения от наркомании. Такое лечение осуществляют в достаточно мягких условиях – в учреждении здравоохранения и амбулаторно. Если обязанность по лечению не исполняется, то условное осуждение отменяет суд, и в силу вступает наказание в соответствии с приговором.

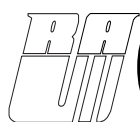
В настоящее время к активно обсуждаемым вопросам относится и введение альтернативных форм недобровольного лечения больных наркоманией. Они будут предусмотрены, как и в большинстве стран, где эта система уже функционирует, для лиц с синдромом зависимос-

ти от ПАВ, совершивших асоциальные поступки и административные правонарушения, но не нарушивших уголовный кодекс. Перед такими больными судом

будет поставлен выбор: прохождение реабилитационной программы или отбывание срока наказания в пенитенциарном учреждении.

Таким образом, на настоящем этапе перед российской наркологией стоят разнообразные задачи и главная из них – соответствовать требованиям времени и меняться в зависимости от запросов общества.

При планировании медико-реабилитационных мероприятий необходимо помнить, что в обширной системе мер противодействия нелегальному обороту наркотиков и профилактики наркоманий, наркологическая помощь – лишь небольшое, но очень важное и незаменимое звено.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Россия – США: соперники и партнеры

Юлия Быстрова

Холодная война с периодическими оттепелями

С окончанием Второй мировой войны и исчезновением общего врага антигитлеровская коалиция утратила основу своего существования. На повестке дня стояли новые задачи, а у держав-победительниц, прежде всего у СССР и США, они были совершенно разными.

Советский Союз вышел из мировой бойни обескровленным, потерявшим десятки миллионов граждан и значительную часть экономического потенциала. В СССР была разруха, население бедствовало. Восстановление страны требовало сосредоточения всех сил. Но сталинское руководство решало и другие задачи.

Во-первых, оно не собиралось менять суть своего тоталитарного режима, а значит должно было противостоять воздействию извне на умоностроения советских граждан. В этой связи широкая опора на США в залечивании ран войны исключалась: вместе с помо-

щью в страну проникла бы чуждая идеология. Она и так уже начала просачиваться в результате союзничества с Западом в годы войны, возвращения домой огромного числа советских солдат, повидавших более развитые и свободные страны. Кремль занялся тщательной проверкой воинов-победителей, развернул широкую кампанию против “низкопоклонства перед границей”.

Во-вторых, СССР, пострадавший больше других в самой разрушительной войне в истории человечества, стремился как можно суровее наказать Германию за агрессию, получить от нее максимум репараций и не допустить возрождения мощного и агрессивного германского государства¹.

В-третьих, Советское руководство считало абсолютно необходимым для обеспечения национальной безопасности окружить СССР с запада дружественными режимами¹.

Ключевые слова: холодная война, США, Советский Союз, Россия, российско-американские отношения.

В период между двумя мировыми войнами восточноевропейские страны относились к Москве с недоверием, а некоторые из них и просто с ненавистью. С точки зрения Сталина и его соратников, именно это обстоятельство не позволило еще в 30-х годах организовать коллективный барьер на пути гитлеровской агрессии. Москва преисполнилась решимости не допустить повторения прошлого. Для этого надо было поставить у власти в странах Восточной Европы коммунистов, разделявших идеологию Кремля. Тогда СССР не просто приобрел бы надежных друзей, но и, наконец, смог бы вывести социализм за рамки одного государства, покончить со своей изоляцией в международных отношениях.

В-четвертых, вынеся на своих плечах значительную, если не основную, тяжесть борьбы с фашизмом, выйдя из войны победителем, СССР претендовал наряду с США на роль глобальной державы. Москва считала себя вправе участвовать в послевоенном переустройстве мира, иметь преобладающие, или, по крайней мере, весомые позиции в различных регионах земного шара: от Ирана и средиземноморских проливов до Кореи и Японии.

Совсем по-другому смотрели на ситуацию американцы и их сторонники в Западной Европе. Вашингтон был уверен, что и сила, и правда находятся на его стороне.

На то были немалые основания.

В отличие от СССР Соединенные Штаты закончили войну, не только не растеряв экономический потенциал, но, напротив, значительно нарастив его. В 1945 г. на долю США приходилось уже около половины мирового промышленного производства. И в военном отношении баланс складывался в пользу Вашингтона – он обладал мо-

нополией на ядерное оружие. Американцы прекрасно осознавали собственное превосходство². Американский президент Трумэн говорил, что атомная бомба позволит говорить с Кремлем с позиции силы, навязывать ему решения.

Какие же цели преследовали в послевоенном мире Соединенные Штаты?

Как представляется, главным было закрепление американского лидерства. Гегемонистские притязания Вашингтона подстегивались воспоминания об ошибках, допущенных после Первой мировой войны (тогда Америка замкнулась на свои внутренние дела), слабостью друзей США в Европе и на других континентах, растущей мощью Советского государства.

Противодействие коммунизму стало фактически второй самостоятельной целью внешнеполитической стратегии Белого дома. СССР устанавливал контроль над территориями, выходцы из которых составляли определенную часть населения США и требовали отпора “красным”: речь идет о поляках, чехах, венграх и т.д. Наконец, действия Кремля выглядели угрожающими с точки зрения безопасности: за Восточной Европой могли последовать Западная Европа, стратегические проливы в Средиземном море, Средний Восток, Азия.

Американцы воспылали решимостью “противостоять советскому коммунизму и остановить его”.

Говоря образно, США вообразили себя Афинами или Римом, оплотом западной цивилизации против нашествия варваров. Без нас, полагали американцы, мир погрузится в мрачное Средневековье.

Присутствовал в действиях Вашингтона и экономический расчет.

Американские корпорации, окрепшие за годы войны, нуждались в за-

морских рынках сбыта, новых сферах приложения капитала. Власти должны были способствовать экономической экспансии, в том числе поддерживая рыночную среду за рубежами США, обеспечивая где только возможно преобладающее американское влияние и оптимальный режим для американского бизнеса.

Таковы были цели, которые ставили перед собой два главных действующих лица надвигающейся холодной войны: СССР и США.

Не нужно глубокого анализа, чтобы констатировать антагонизм Москвы и Вашингтона. Скорректировать эти цели, приспособить их друг к другу или попытаться найти общий язык не представлялось возможным. Ни в СССР, ни в США не существовало соответствующих социальных слоев, политических и экономических групп, теорий и взглядов, которые могли бы предотвратить холодную войну. И она началась, основанная на взаимоисключающих интересах и подхлестываемая подчас преувеличенными страхами, ложными концепциями и чрезмерными амбициями.

В марте 1953 г. умер Сталин, к власти в Кремле пришло *руководство во главе с Н.С.Хрущевым*. Оно осудило сталинизм и пошло на определенную либерализацию режима. Серьезные коррективы были внесены и во внешнюю политику. Москва немедленно положила конец войне в Корее, вывела войска из Австрии, прекратила третиrowание Тито и других строптивых коммунистов, пошла на уступки Финляндии, а, главное, всерьез решила добиваться смягчения напряженности в отношениях с Западом.

Вместе с тем, Хрущев и его окружение верили, что очищенный от сталинизма социализм может стать самой

справедливой общественной системой. Кремль нацеливал советских граждан на скорейшее построение высшей формы социализма – коммунизма. Население поддерживало такой курс, тем более, что на первых порах дела в советской экономике, социальной и других сферах шли неплохо – достаточно вспомнить запуск в Советском Союзе первого искусственного спутника Земли, ежегодный рост ВВП на 8–10%.

В сфере международных отношений вера Кремля в правоту и справедливость социальных идей выражалась в активной и искренней (в отличие от циничного и прагматичного Сталина) поддержке национально-освободительных и радикальных движений в третьем мире.

Москва на самом деле гневно отвергала колониализм и действительно была убеждена в том, что освободившимся странам надо идти по некапиталистическому пути развития, а долг СССР – оказывать помощь этим государствам.

Что касается реакции США (а вслед за ними всего Запада) на перемены в СССР, то она не была слишком позитивной. Преобладало мнение, что улыбка новых коммунистических лидеров нельзя доверять, что Москва лишь камуфлирует прежнюю политику, направленную на коммунизацию человечества.

С высоты сегодняшнего дня можно утверждать, что недооценка перемен в Советском Союзе была ошибочной. Однако такая реакция проистекала из целого ряда обстоятельств.

Во-первых, к началу 50-х годов вся стратегия США базировалась на идеологии холодной войны. Вашингтонская элита (Белый дом, Капитолий, бюрократия и т.п.) участвовала в разработке и становлении этой идеологии. Холодная война была ее детищем, от-

казаться от которого, да еще сходу, в сжатые сроки, элита не могла. Тем более, что как раз тогда США добивались от европейских союзников сплоченности, увеличения вклада в вооруженные силы НАТО.

Мощной силой, мешавшей Белому дому непредвзято взглянуть на эволюцию советского коммунизма, являлся военно-промышленный комплекс. Генералы и производители вооружений были кровно заинтересованы в поддержании образа грозного и коварного противника. От этого зависели их власть, влияние, масштабы доступа к бюджетным деньгам и т.д. Причем, что тоже вполне естественно для военных, американский ВПК совершенно искренне испытывал недоверие в отношении уже привычного противника.

И все же тенденция к диалогу пробивала себе путь, несмотря на сопротивление консервативных сил (каковые имелись с обеих сторон).

В 1959 г. состоялся первый в истории визит высшего советского руководителя в США. Он прошел успешно, и, казалось, наступила долгожданная эпоха разрядки ("детанта"). Приход к власти в Соединенных Штатах либерального и полного сил Джона Кеннеди внушал дополнительный оптимизм по поводу перспектив советско-американских отношений. Однако на практике только начинавшийся "детант" был сорван двумя опасными кризисами – из-за Берлина и Кубы. Дж.Кеннеди и Н.С.Хрущев ушли с политической арены почти одновременно.

С появлением у штурвала власти в Вашингтоне и Москве других лиц начался новый этап советско-американских отношений.

Л.И.Брежнев в отличие от Н.С.Хрущева был человеком сдержанным, осторожным, менее склонным к идеологи-

ческому экстремизму и экспромтам, в то время как президент Линдон Джонсон отличался от Джона Кеннеди консерватизмом и жесткостью.

Новый этап в советско-американских отношениях определялся, однако, не только и не столько личными чертами и убеждениями высших лидеров, сколько причинами более фундаментального характера. Прежде всего, стороны учли уроки Карибского кризиса. Они поняли, что прямых конфронтаций необходимо избегать при любых обстоятельствах, что две сверхдержавы должны постоянно поддерживать диалог.

Москва и Вашингтон навсегда отказались от мысли о войне между собой. Была осознана обоюдная ответственность за сохранение мира во всем мире, нераспространение ядерного оружия. Одновременно было негласно признано право другой стороны на зоны влияния, на которое не следует посягать.

Следующий американский президент *Ричард Никсон* решил активизировать диалог с Советским Союзом.

Нового хозяина Белого дома подталкивала к этому патовая ситуация во Вьетнаме. Он надеялся выбраться из вьетнамской войны при помощи Москвы, одновременно играя на обострившихся противоречиях между СССР и КНР. Делая реверансы попеременно двум коммунистическим гигантам, Никсон побуждал их соревноваться за дружбу с Вашингтоном.

Стратегия явно удалась.

Москва, несмотря на вьетнамскую войну, недовольство политикой США на Ближнем Востоке и другими моментами, пошла на широкомасштабный "детант" со своим основным антагонистом.

Помимо китайского фактора, Москвой двигали стремление облегчить

бремя гонки вооружений и уменьшить опасность термоядерного конфликта, экономические интересы, перегруженность проблемами в социалистическом содружестве. Заинтересованность в диалоге и вера в его хорошие перспективы подкреплялись позитивными сдвигами в Европе, урегулированием межгосударственных отношений ФРГ с ГДР, странами Восточной Европы и СССР, успешным развитием советско-французского сотрудничества и т.д.

Вашингтон же, через Вьетнам и другие внешние, а также внутренние катаклизмы, пришел к осознанию того, что мир изменился, силой всего не добьешься, тем более что в военной области между сверхдержавами уже фактически сложился паритет.

“Детант”, имевший бурное начало в первой половине 70-х годов, начал постепенно сходить на нет.

С приходом *Дж. Картера* к власти в 1976 г. в правящих кругах США накопился значительный заряд недовольства Советским Союзом. В частности тем, что Москва поддерживала радикальные, антизападные силы в Анголе, Йемене, Эфиопии, Никарагуа и других районах земного шара.

Для Москвы такая поддержка была рутинным делом – она ведь не давала обязательств уйти из третьего мира и продолжала сотрудничать с теми группировками, которые сами искали дружбы с СССР. Кроме того, консервативная часть американского истеблишмента, (особенно военно-промышленный комплекс) вновь забила тревогу по поводу успехов СССР в военной области.

Атмосферу в советско-американских отношениях отравляли ограничения конгресса на торговлю с Советским Союзом и активная позиция Картера в области защиты прав человека.

Для брежневского руководства действия Белого дома выглядели как провокационное вмешательство во внутренние дела СССР под абсолютно надуманными предлогами (в Кремле всерьез верили, что именно в США не соблюдаются элементарные права граждан)³.

И после подписания Договора ОСВ-2 его противники продолжали борьбу. В частности, в прессе США была развернута широкая кампания по поводу “обнаружения” на Кубе “советской боевой бригады”, якобы только что доставленной на остров в нарушение советско-американской договоренности 1962 г. На самом деле бригада постоянно находилась на Кубе с 1962 г., о чем в Пентагоне и ЦРУ было прекрасно известно.

Не удалось наладить сотрудничество СССР и США на Ближнем Востоке, хотя в 1977 г. две сверхдержавы впервые выработали принципы совместных и параллельных действий в регионе.

Правые и израильские круги решительно выступили против более сбалансированной линии Вашингтона и выступили против “поощрения” советского присутствия на Ближнем Востоке.

Белый дом переключился на отдельные переговоры между Израилем и Египтом к огромному неудовольствию Л.Брежнева.

Несмотря, однако, на всю противоречивость и зигзагообразность, тенденция к “разрядке” в советско-американских отношениях все еще сохранялась. Ее окончательный срыв произошел лишь в результате ввода советских войск в Афганистан.

Обосновавшаяся в Белом доме в 1981 г. администрация *Рональда Рейгана* вздумала всерьез отказаться от политики поддержания баланса сил и ди-

алога с Москвой (не в малой степени как раз из-за афганских событий, а также в результате развертывания советских ракет “СС-20” в Европе)⁴.

Был взят курс на “кровопускание”, ослабление СССР и, в качестве конечной цели, полной победы в холодной войне. Р.Рейган во всеуслышание объявил Советский Союз “империей зла”, чье место на “свалке истории”.

Белый дом разработал программу действий⁴, предусматривающую затягивание афганского конфликта, экономическую блокаду и раскручивание маховика гонки вооружений.

От биполярного мира к многополярному

Горбачев занялся демонтажом сталинско-брежневской системы, и реформирование линии Москвы на международной арене стало составной частью этого процесса.

Советский Союз взял курс на сближение и даже партнерство с Западом, добиваясь поставленной цели за счет отказа от мировоззрения, установок и позиций, характерных для прежних времен.

В начале 1987 г. Горбачев провозгласил политику демократизации, объявив, что ценит демократию не как вещь в себе, самоцель, а лишь как средство пробуждения энергии народа, направления ее на слом антиперестроечных позиций партгосаппарата и ВПК.

Демократизация неизбежно привела к размыванию фундамента тоталитарного режима – высвободила центробежные этнические силы в национальных республиках, стимулировала политико-идеологическую оппозицию коммунистической партии. Общество расслоилось, развернулась острая борьба между различными политическими группами, идеологическими течениями, социальными слоями, между Центром и провинцией, между республиками и этносами.

Холодная война фактически продолжала бушевать на протяжении первой половины 80-х годов.

Наверное, реалии современного мира, и, прежде всего угроза губительного термоядерного конфликта, рано или поздно вновь заставили бы Москву и Вашингтон вернуться к разрядке на принципах, заложенных в 70-е годы. Но судьба распорядилась по-иному.

В Советском Союзе в 1985 г. к власти пришло поколение более молодых руководителей во главе с *М.С.Горбачевым*, которое почти сразу приступило к глубоким реформам.

Политический кризис сделал плохо управляемыми экономические процессы. Центр уже не был в состоянии разработать единую комплексную стратегию экономических преобразований. Тем более не мог он реализовать такую стратегию на практике. В результате начался экономический кризис, и СССР распался.

Постсоветская Россия встала на путь строительства демократии и рыночной экономики. Казалось бы это открыло возможности для всестороннего и тесного сотрудничества нашей страны с США. Однако далеко не все сложилось, как хотелось и ожидалось.

Россия исходила из того, что после холодной войны мир останется биполярным, то есть с двумя лидерами: Москвой и Вашингтоном. Изменяться их отношения: два лидера перестанут беспрерывно конфронтировать между собой и примутся дружно руководить человечеством. Но очень скоро выяснилось, что США и не думают соблюдать привычный баланс.

Ощувив свое беспорное и признанное лидерство, Америка взяла на себя функции мирового блюстителя поряд-

ка мирового приводящего в чувства “злостных нарушителей” (Югославию, Ирак, Иран и т.д.), самостоятельно определяющего, кто как должен жить, что такое хорошо и что такое плохо.

США все неохотнее считались с ООН и с международным правом, все меньше прислушивались к союзникам, все чаще позволяли себе игнорировать интересы России.

У Вашингтона развился вкус к расширению собственной сферы влияния, и он ринулся на территорию бывшего советского лагеря, в Восточную Европу.

Дальше – больше: американцы устремились в постсоветское пространство, пытались нейтрализовать интеграционные процессы внутри СНГ, охладить интерес новых независимых государств к союзу с Москвой, подтолкнуть их в сторону Запада.

Как следствие, у россиян уже к середине 90-х годов возникло чувство, что их обманул и предал новый стратегический партнер, что Россию хотят лишить статуса великой державы, опустить до уровня второразрядного государства. Более того, ее намерены изолировать от остальной Европы и подвергнуть давлению. Россиян беспокоило, что точно так же, как Вашингтон наказал за межэтнические неурядицы Белград, завтра он может попробовать силой приструнить Москву за антисепаратистские операции на Кавказе.

На заре реформ россияне надеялись на американскую поддержку масштаба плана Маршалла, когда Соединенные Штаты помогли после Второй мировой войны встать на ноги западноевропейским экономикам. Но вскоре многие в России пришли к выводу, что помощи ждать не приходится, что американцы вместо этого занялись на российских просторах грабежом, скупая за

гроши природные ресурсы и превращая недавнюю сверхдержаву в “экономическую колонию”.

В обмен на ценное сырье на наш рынок потек пустячный или сомнительный товар (типа жвачки или низкокачественных куриных ножек).

Передачу технологий сдерживали законодательные препоны. Когда же Россия пыталась заработать на экспорте собственных технологий, ей беспардонно мешали, как это было со сделками по поставке ракетных двигателей в Индию, военных самолетов в Малайзию, ядерного оборудования в Иран и т.д.

Появились сомнения относительно применимости американских рецептов реформ на российской почве.

Заокеанские советники, которые в начале 90-х годов буквально наводнили Кремль и другие центры государственной власти, превратились в мишень для обвинений в умышленном развале отечественной экономики и культуры. Расхожим стал тезис о том, что все нынешние беды России были загодя запланированы в Вашингтоне, а затем реализованы по лекалам ЦРУ и их российских приспешников.

Неудача шоковой терапии нанесла мощный удар по лагерю прозападных демократов. Они потеряли уверенность в своей правоте, и раскололись на соперничающие кланы.

Парламентские выборы в декабре 1993 г. показали, что в дополнение ко всему прочему демократы лишились поддержки большей части электората, проиграв националистам и коммунистам.

Выборы 1995 г. еще больше закрепил эту тенденцию ведущие позиции в парламенте завоевали коммунисты, сохранили немалое влияние и националистические силы.

Оппозиция, распрямив плечи, пошла в лобовую атаку на ту политику, в

том числе внешнюю, которая возникла на заре российской демократии в 1991–1992 гг. Давление на курс Кремля стало возрастать со стороны не только Госдумы, но и военно-промышленного комплекса, значительной прослойки провинциальных элит, русской диаспоры в бывших республиках СССР, а также всякого рода экстремистов. К хору критиков присоединились и группы демократов, разочарованных в тех или иных аспектах внешнеполитического курса Кремля.

Изменился сам состав исполнительной власти.

Радикальных демократов оттеснили от государственного “штурвала” представители старой советской бюрократии, многие из которых все более открыто соглашались с критиками российской дипломатии заправки 1991–1992 гг.

Произошла корректировка внешнеполитического курса.

Москва от безоговорочно прозападной политики перешла к многовекторной, сбалансированной стратегии. Россия стремится наладить партнерские отношения одновременно с Западом и Востоком, Севером и Югом. Сотрудничество на каждом из этих направлений не исключает элементов конкуренции и порой соперничества.

После падения режима Саддама Хусейна многие как за рубежом, так и в России, заговорили о том, что в международных отношениях наступила эра однополюсности, безраздельного господства Соединенных Штатов. Мощь у Америки, мол, невероятная, никто с ней не сравнится; поэтому США позволяют себе нападать на неугодных, а всем остальным приходится или заискивающе поддакивать гегемону, или трусливо помалкивать. И эта тенденция, чем дальше, тем больше будет закрепляться. Однако жизнь быстро опровергла такие представления.

Во-первых, Соединенные Штаты уже сейчас сталкиваются с негативными последствиями силового метода насаждения “передового” образа жизни.

В Афганистане вновь поднимают головы талибы и террористические группировки, вывоз наркотиков с афганской территории не сокращается, а увеличивается.

В Ираке успешный “блицкриг” тоже может оказаться на поверку Пирровой победой. В иракском обществе нарастает раздражение “крестоносцами-миссионерами”, раздаются предупреждения, что “война с оккупантами только начинается”, каждый день от рук террористов гибнут американские солдаты.

Нельзя исключать, что Ирак повторит опыт Ирана, где модернизация под диктовку Вашингтона родила не демократию, а жесткий исламистский режим, который уже более 20 лет бросает вызов Соединенным Штатам.

Во-вторых, пыл американского правительства будет охлаждать внутренняя оппозиция.

Соединенные Штаты – демократическая страна, и для многих ее граждан агрессивная политика, чреватая нарушением норм международного права и человеческими жертвами, является неприемлемой. Соппротивление такой политике явно нарастало.

Если против бомбардировок Югославии в 1999 г. в США возражали единицы, то вторжение в Ирак в 2003 г. всколыхнуло сотни тысяч людей. Лидеры демократической партии, члены конгресса, отставные военные, звезды Голливуда, студенты энергично выступили против войны, характеризуя ее как “несправедливую, немотивированную, опасную, наносящую Америке непоправимый ущерб”.

Нарастает вал критики Белого дома за подтасовку фактов в обоснование военного нападения на Ирак.

В-третьих, у США не хватит денег на экспорт демократии и военную гегемонию в глобальном масштабе. Один только Ирак уже стал тяжелейшим бременем для американской экономики.

Как следствие, американцы осознали пагубность прежней политики и проголосовали на президентских выборах 2008 г. за либерального демократа Барака Обаму, провозгласившего принципиально новый курс. Убеждения Обамы и объективные потребности должны способствовать отказу Соединенных Штатов от гегемонистской политики, их готовности на равных сотрудничать с другими странами в решении мировых проблем.

Наиболее очевидный на нынешнем этапе вызов, требующий коллективного ответа, исходит от *международного терроризма*. Американцы понимают, что не смогли бы провести операцию в Афганистане, если бы не поддержка и помощь России и центральноазиатских государств. До полного урегулирования в Афганистане еще далеко, и Соединенные Штаты, опять же по мнению самих американцев, должны и впредь опираться на Москву и ее союзников в Центральной Азии.

Остро стоит *угроза распространения ядерного оружия*. Хотя США и справились с С.Хусейном, очевидно, что на всех реальных и потенциальных нарушителей режима нераспространения голый американской силы не хватит. Требуется равноправное, ответственное и доверительное партнерство всех ядерных держав в рамках ООН и других международных организаций, нужны новые шаги в области ядерного разоружения, которые подавали бы позитивный сигнал неядерным странам, создавали побудительные мотивы у

всех членов мирового сообщества к соблюдению и защите режима нераспространения.

Еще одна важнейшая сфера, где Вашингтону не обойтись без поддержки других стран, – *урегулирование региональных и локальных конфликтов*. Человечество вошло в XXI столетие с высоким конфликтным потенциалом. Не разрешены десятки территориальных споров.

Сохраняются и могут возникать новые межгосударственные конфликты на этнорелигиозной и идеологической почве, из-за обладания ресурсами (водой, нефтью и другими полезными ископаемыми), в погоне за субрегиональным лидерством. Десятки государств страдают от внутренних неурядиц, социально-экономического, религиозно-этнического и политического свойства.

В условиях глобализирующегося мира внутренние проблемы вырываются за государственные границы. Выражается это в потоках беженцев, терроризме, наркобизнесе, похищении ядерных и других смертоносных материалов и т.д.

Ну и, наконец, в Вашингтоне не могут не учитывать *глубинные причины межгосударственных и внутренних конфликтов*.

“Мир, – констатируют авторы Стратегии в области национальной безопасности США, – где кто-то живет в комфорте и достатке, в то время как половина человечества существует менее чем на 2 долл. в день, не является ни справедливым, ни стабильным”.

Соединенные Штаты декларируют готовность совместно с остальными промышленно развитыми странами оказывать максимально возможную

помощь отстающим во всех областях, полагая, что преодоление нищеты и отсталости, процветание мировой экономики и ее отдельных частей не только будет благоприятствовать удовлетворению экономических интересов США, но и укрепит американскую национальную безопасность.

Через официальные документы и заявления представителей Белого дома красной нитью проходит тезис о том, что чем зажиточнее и свободнее живут другие народы, тем это благоприятнее для Соединенных Штатов.

Среди тех партнеров, с которыми США выражают желание делить бремя ответственности за дела в мире, видное место отводится России.

В Концепции национальной безопасности сказано, что США и Россия “не являются больше стратегическими противниками” и между ними устанавливаются “новые стратегические отношения”. Стратегические интересы двух стран “во многих областях совпада-

ют”, и Соединенные Штаты стремятся к переориентации отношений с Россией на появляющиеся и потенциальные общие интересы и задачи.

Внедряются такие важные направления американско-российского партнерства, как преодоление экономического кризиса, “глобальная война с терроризмом”, “сотрудничество в области безопасности” по линии Совета Россия – НАТО, “интеграция России в евроатлантические сообщества”, содействие приему России во Всемирную торговую организацию, чтобы “стимулировать взаимовыгодные двусторонние торговлю и инвестиции”.

Вашингтон обосновывает и императивную важность “постоянного сотрудничества” США в мировых делах с “союзниками и друзьями в Канаде и Европе”, большинством стран Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай и Индию, государствами других континентов, международными и региональными организациями.

Таким образом, несмотря на тягу Вашингтона к единоличной гегемонии, к низведению всех остальных членов мирового сообщества до роли “младших партнеров”, живущих и действующих по американским лекалам, реалии современного мира толкают и будут продолжать толкать Соединенные Штаты к более реалистичной и разумной политике сотрудничества.

Все это, очевидно, следует иметь в виду, выстраивая нашу линию на мировой арене. Ведь большая часть проблем, которые Америка стремится решать, в равной степени волнует и нас. И так же, как американцы не справятся с этими проблемами без помощи других членов мирового сообщества, в том числе России, и мы не обойдемся без сотрудничества с США.

Еще более контрпродуктивно и опасно помышлять об изоляции Соединенных Штатов, конструируя против них различные “треугольники”, “четыреугольники” и “единые фронты”. Из этих затей все равно ничего не получится, ибо подавляющее большинство членов мирового сообщества нуждается в сотрудничестве с США и не пожертвует им.

Тот же Китай никогда не сделает этого, имея, среди всего прочего, товарооборот с Соединенными Штатами почти в 120 млрд. долл., из которых около 100 млрд. долл. приходится на китайский экспорт. Для сравнения российско-китайский товарооборот в 10 раз меньше.

А если некий “единый фронт” все-таки каким-то чудом возникнет, то это неминуемо ввергнет мир в глобальную катастрофу, и тогда, учитывая уровень военных технологий и оружия, на человечестве можно будет ставить крест.

Не следует упускать из виду и тот очевидный факт, что без сотрудничества или, по крайней мере, нейтрального отношения со стороны США, нам не удастся осуществить жизненно важные задачи внутреннего развития – построить эффективную современную экономику и устойчивую демократию.

Итак, есть все основания признать, что Америка не как гегемон, а как наиболее развитая и влиятельная страна, играет важнейшую роль в обеспечении экономического прогресса и политической стабильности на земном шаре. Мы все зависим от США, но и они, и в этом особенность современного глобализирующегося мира, в возрастающей степени зависят от всех остальных.

Именно эта взаимозависимость государств дает основания полагать, что многополюсный миропорядок в XXI столетии окажется разумнее и прочнее, чем в прошлом, когда он порой провоцировал соперничество и войны.

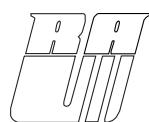
Примечания

¹ Архив внешней политики РФ МИД. Ф. 489. Оп.24 г. П. 19.Д.1. Л.51; Л.50.

² Archives Nationales. Section contemporaine. Papiers privees de M. Georges Bidault. AP-80. 735/A. Р. 2–3.

³ Корниенко Г.М. Холодная война. М., 1994. С. 173.

⁴ Архив Президента РФ. Ф.9. Оп.33. Д.18. Л.109-112; Д.9.Л.74.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail:observer@nasled.ru

Американская ПРО как главный вызов национальной безопасности России

Петр Белов

Противоречивые оценки исследуемой проблемы

Для начала стоит напомнить абсолютно несовпадающие точки зрения крупных зарубежных и отечественных ученых:

1. Американские профессора – К.Либер, Д.Пресс (март 2006 г.), а также их коллега, профессор Т.Постол (август 2007 г.), обстоятельно исследовав ситуацию, сложившуюся в области стратегических наступательных вооружений (СНВ), предупредили, что США близки к достижению абсолютного военного превосходства, так как после 2015 г. могут безнаказанно уничтожить Россию и Китай одним ударом. Создаваемая же американцами ПРО нужна для гарантированного прикрытия от возможного ответного удара тем ничтожно малым числом вражеских ракет, которые могут сохраниться в этих странах лишь чудом.

Данное утверждение Либер и Пресс аргументируют так: “российские мобильные МБР редко маневрируют”, а “испытания нескольких баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) закончились полным провалом”; “скорее всего, ни одна новая атомная подводная лодка (АПЛ) не будет введена в строй до 2008 г. и, вероятно, – даже позже”; “возможно, у России к концу десятилетия останется только 150 межконтинентальных баллистических ракет (МБР)”.

По словам Постола, “создаваемый в Чехии и Польше эшелон американской ПРО способен через 4–7 мин. после старта уничтожить те МБР, которые могут быть запущены с европейской части России по целям восточного побережья США”.

2. Академики РАН – Н.А.Анфимов, Ю.С.Соломонов (декабрь 2006 г.) и

БЕЛОВ Петр Григорьевич – доктор технических наук, профессор Академии геополитических проблем.

Ключевые слова: противоракетная оборона, театр военных действий, ракетная угроза, милитаризация космоса, стратегическая оборонная инициатива, ядерное сдерживание.

член-корреспондент РАН, профессор С.М.Рогов (март 2007 г.) столь же публично отстаивают иную позицию. В частности Ю.С.Соломонов, являющийся разработчиком наших новых ракет “Тополь-М” и “Булава-30”, в своем докладе¹ пытается убедить коллег и всех нас в их безусловной:

– боевой *устойчивости* как на боевом дежурстве, так и после запуска: “Подвижное базирование создает у вероятного противника неопределенное представление о местоположении “Тополя-М” и “Булавы-30”; кроме того, “в рамках модели взаимодействия, которая нами сформулирована, мы гарантированно обеспечиваем живучесть этих ракет в полете в условиях противодействия потенциальных средств перехвата”;

– боевой *эффективности*: “эти ракеты оснащены боевыми маневрирующими блоками, не имеющими для потенциального противника предсказуемых траекторий полета”, и по этой причине “они способны поражать цели на межконтинентальной глубине с гиперзвуковой скоростью и высокой точностью”;

– *перспективности*: “они (“Тополь-М” и “Булава-30” – Авт.) в 1,5–2 раза превосходят новейшие американские и французские ракеты”, поэтому даже “передовые иностранные разработчики могут создать нечто подобное только примерно через 15 лет”.

С этими оценками полностью согласен и другой академик – тогдашний директор головного НИИ отечественной ракетно-космической отрасли, отметивший при обсуждении процитированного

доклада в Президиуме РАН, что эти “ракетные системы отличаются конструктивными особенностями, которые позволяют преодолевать сегодняшний и завтрашний день ПРО потенциального противника”. Данные оценки также разделяет уже упомянутый член-корреспондент РАН, утверждающий, что в перспективе нашей стране достаточно одной “сотни рассредоточенных новейших малоуязвимых дорожно-мобильных «Тополей-М» с тремястами ядерными боеприпасами, которым не страшна любая ПРО”, так как даже “США надо 20–25 лет, чтобы научиться сбивать сотни таких боевых блоков”².

Все это вызывает несправедливые вопросы: кто же в действительности прав – американские ученые или их российские коллеги, являющиеся руководителями трех крупных научно-исследовательских учреждений, которые имеют непосредственное отношение к данной проблеме?

Действительно ли, все идет к тому, что число наших взлетевших боеголовок может оказаться ничтожно малым, а парирующая их американская ПРО – достаточно эффективной?

И все ли мы делаем для предотвращения столь катастрофичной ситуации? Тем более что времени до 2015 г. осталось совсем мало – каких-то 6 лет!

Вместо упрека в бездоказательности только что приведенных диаметрально противоположных суждений, необходимо разобраться с ситуацией, складывающейся в сфере международной стабильности и нашей национальной безопасности.

Насколько надежна создаваемая американцами ПРО?

Учитывая, что принципы функционирования и преодоления систем ПРО известны не многим, проиллюстрируем их рис. 1. Подобные системы предназначены для парирования лишь

боевых блоков (ББ) *баллистических* ракет. Это означает, что, получив заданный вектор скорости V_K от двигателей такой ракеты (сектор I), далее их ББ летят подобно брошенному камню, то

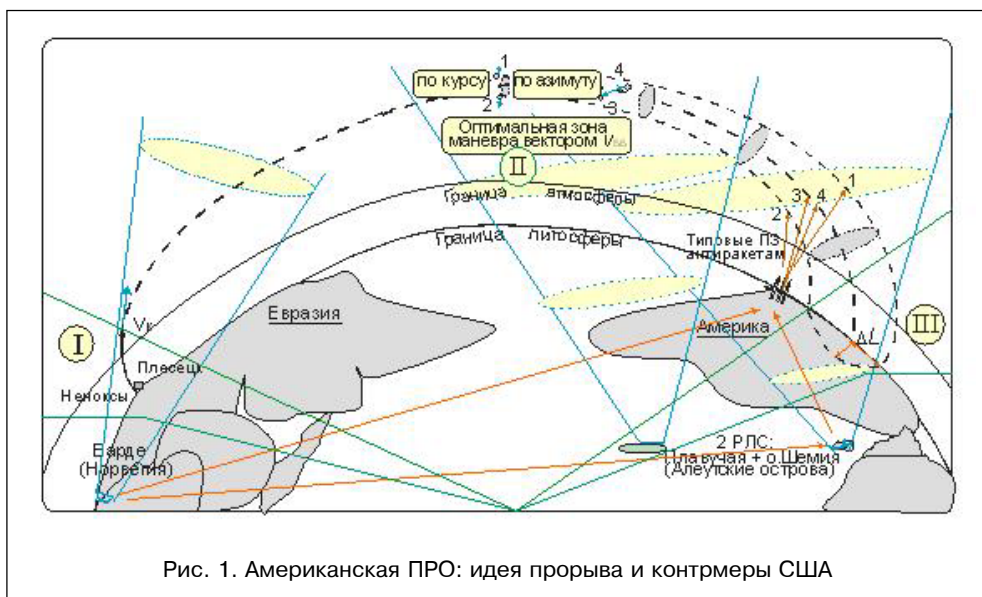

Рис. 1. Американская ПРО: идея прорыва и контрмеры США

есть по баллистической кривой (жирная пунктирная линия).

Так как наибольшая часть траектории находится за пределами атмосферы (сектор II) и легко прогнозируема, то можно принять меры по выявлению и перехвату летящих ББ антиракетами как минимум в непосредственной близости от цели (сектор III), что и показано восходящими стрелками в правой части рисунка. Однако уничтожить враждебные американцам боеголовки лучше всего, не допустив запуска или поразив несущие их многозарядные ракеты на начальном участке траектории, где они практически беззащитны.

И напротив, *преодолеть* ПРО можно, когда сектор I одновременно покинут сотни реальных ББ и тысячи их имитаторов, среди которых преобладают легкие ложные цели, то есть покрытые фольгой, герметичные, эластичные и самораздувающиеся в вакууме шары, движущиеся и отражающие радиосигнал подобно настоящим ББ. В этих условиях невозможна быстрая и надеж-

ная отфильтровка реальных ББ, а затем – расчет полетных заданий и запуск антиракет для их своевременного перехвата. Именно так обстоит дело сейчас, пока у России все еще остаются сотни *многозарядных* шахтных ракет, единственно способных прорвать ПРО одновременным стартом с массовым выбросом их ББ на баллистическую траекторию.

Есть и *второй* способ преодоления ПРО. Так, если спустя какое-то время придать настоящим ББ дополнительную скорость по курсу или/и азимуту (векторы 1,2; 3,4 на рис. 1), то все предварительные расчеты траектории устаревают, и парировать удар становится много сложнее. Однако, зная ограниченные возможности подобного маневра, США предприняли меры по выявлению его параметров еще при испытаниях всех новых российских ракет, о проведении которых мы обязались предупредить и не шифровать их телеметрическую информацию. Для этого вблизи двух наших полигонов, пред-

назначенных для запуска создаваемых ракет (Неноксы, Плесецк) и приема грузомакетов их боеголовок (Камчатка), американцы установили три специальных радиолокационных станции (РЛС) наземного и морского базирования: соответственно одну – в Норвегии и две – в Тихом океане.

В итоге, США уже обладают информацией о всех реальных вариантах маневра наших ББ и готовы к его парированию в пределах трубки их возможных траекторий (точки 1–4 на рис. 1, справа).

Косвенное подтверждение тому можно найти и в словах автора уже упомянутого доклада, который, не исключая “получения противником данных об истинных характеристиках ББ в ходе летных испытаний”, утверждал о возможности противодействовать ему “совмещением законов распределения случайных характеристик истинных и ложных блоков из мейларовых пленок толщиной порядка 10 микрон”.

Что касается перспектив развития американской ПРО, то в 2015–2020 гг. ее планируется объединить с системами противовоздушной и противокосмической обороны США, что позволит уничтожать вражеские ракеты вместе с ББ как на траектории полета, так и до их запуска. В частности, объединенная система защиты территории США будет включать следующие технические средства:

- *SBIRS* и “Дискавери” – спутниковые системы инфракрасного и радиотехнического обнаружения летящих ракет и их ББ, а также патрулирующих пусковых установок типа “Тополь”;

- боевые космические средства и самолеты “Боинг-747” с химическими лазерами, предназначенные для поражения взлетающих ракет вместе с их ББ;

- “Иджис” – корабельные средства перехвата ББ в секторе II;

- РЛС в Чехии (*Jince*) и антиракеты в Польше (*Koczałin*), способные уничтожать МБР, запущенные с европейской части России.

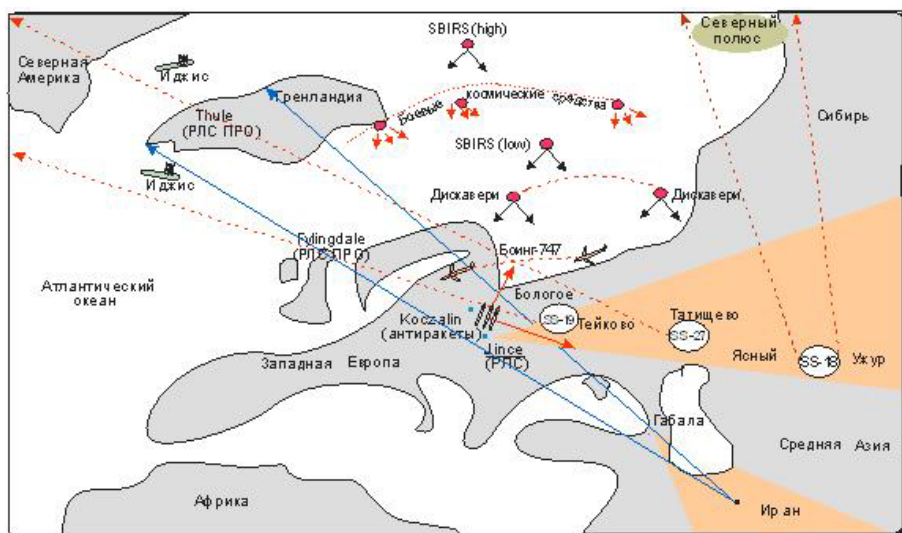
Если сегодня у США уже есть 16 крейсеров и эсминцев ПРО “Иджис”, а также более 20-ти наземных ракет-перехватчиков на Аляске и в Калифорнии, то через 5 лет³ число последних вырастет до 54-х (из них 10 разместят в Польше) и будет развернута *SBIRS*, управляющая “Боингами-747” с лазерным оружием, а через 8 лет – и боевыми космическими средствами. Способность обнаруживать наземно-мобильные ракеты “Тополь-М” американской ПРО признает в уже цитированном докладе и их создатель: “В перспективе система дистанционного зондирования фирмы “Локхид”, идентифицирующая с высоты примерно 450 км объекты размером 0,5 м, снимает проблему их обнаружения”, поэтому “все разрабатываемые сейчас технологии будут пригодны лишь ограниченно”!

Возможности перспективной американской ПРО иллюстрирует рис. 2. Темные треугольники справа означают секторы обзора РЛС:

- разворачиваемой США в Чехии якобы для регистрации запусков ракет с территории Ирана. Дальность обнаружения целей – от 2500 до 5600 км;

- российской в Габале, уже существующей и способной фиксировать подобные пуски и много раньше, и с меньшими ошибками. При этом устанавливаемые в Польше антиракеты (рис. 2, центр) больше пригодны для перехвата не иранских, а российских ракет* (короткая стрелка), так как они более уязвимы из-за взаимной близости

* Прежде всего, всех наших новых “Тополей-М”, дислоцированных в Татищеве и Тейкове.

Условные обозначения:

Длинными линиями со стрелками отмечены секторы возможного полета нацеленных в сторону США ракет:

– сплошными темными – иранских (которые якобы могут быть созданы и запущены для поражения радиолокаторов американской ПРО в Англии и Гренландии, а в перспективе – и объектов на территории США);

– пунктирными серыми – российских:

- шахтных SS-19 и мобильных SS-27, расположенных вблизи наших городов Бологое, Тейково, Татищево и пригодных лишь для поражения целей восточного побережья США;
- тяжелых многзарядных SS-18, дислоцированных вокруг пос. Ясный, Ужур и способных доставить их ББ на всю территорию США через Северный полюс.

Рис. 2. Перспективная система американской системы ПРО (фрагмент)

сти и малой скорости полета на начальном участке траектории.

В принципе, возможны и *другие* способы преодоления американской ПРО.

Один из них предполагает доставку ББ к территории США и не по баллистической, а уже по планирующей траектории, то есть когда боезаряд летит, периодически отталкиваясь от плотных слоев атмосферы, как это происходит с камнем, брошенным вдоль поверхности спокойного водоема. Другой способ связан с приданием

ББ таких свойств, которые исключают их обнаружение средствами радиолокации, например, за счет полного поглощения падающих радиоволн.

Примером реализации первого способа служит разрабатываемый американцами стратегический ударный авиационно-космический комплекс *Falcon*, предназначенный для доставки на расстояния до 16600 км планирующей полезной нагрузки весом более 5 т со скоростью около 6,5 км/сек и на высотах 30–45 км.

Осуществить же второй способ можно с помощью ионизированного газа на I и II участках траектории полета баллистических ракет и их боеголовок, например, окутывая их облаком плотной столкновительной плазмы на атмосферном участке полета и слабой бесстолкновительной на внеатмосферном.

Однако следует признать практическую невозможность реализации двух последних способов преодоления ПРО российскими ракетами “Тополь-М” и “Булава-30” по следующим причинам:

- ББ этих ракет могут лететь только по баллистическим траекториям (это подтверждают и слова разработчика, упомянутое им совмещение траекторий

настоящих и легких ложных ББ можно обеспечить лишь при их полете в безвоздушном пространстве, где исключено какое-либо планирование);

- размещение же генераторов плазмы требует от этих наших “ракет XXI века” таких габаритов, которыми не обладает ни одна из них.

Таким образом, непредвзятый анализ представленного материала позволяет согласиться с мнением американских специалистов о возможной вскоре утрате международной стратегической стабильности. При этом следует учитывать, что они являются представителями трех ведущих научных учреждений США, включая Массачусетский технологический институт.

Насколько безупречны мобильный “Тополь-М” и будущая “Булава-30”?

Оценки наших ракетных систем “Тополь-М” и “Булава-30” по их перспективности, живучести, боевой устойчивости и боевой эффективности в целом можно провести:

- сопоставляя соответствующие характеристики российских носителей ББ и сходных с ними по предназначению – американских;

- анализируя детальные сведения по каждому свойству. Цель рис. 3 – не только придать наглядность, но и облегчить сравнение однотипных тактико-технических параметров МБР и БРПЛ.

В верхней части рисунка дано схематичное изображение “Тополя-М”, а в средней – его американского прототипа “Миджитмен”. В нижней части рис. 3 содержатся данные о трех БРПЛ – пока не принятой на вооружение “Булавы-30” и двух ее американских аналогов. Следует обратить внимание на *уникальность наземно-мобильного “Тополя-М”* (в мире ему нет аналогов, ведь даже единственный американский

прототип так и не был принят на вооружение); а также на *бесперспективность “Булавы-30”*, которая проигрывает по наиболее важным параметрам (забрасываемому весу и точности доставки ББ) даже в сравнении с аналогами 20–30-летней давности.

Что касается реальной *живучести* грунтово-мобильного “Тополя-М”, то о ней можно судить по выводам Лос-Аламосской ядерной лаборатории США⁴, исследовавшей антитеррористическую защищенность своего “Миджитмена”. Оказалось, что даже этот американский прототип, многократно превосходящий все наши ракеты типа “Тополь” по скорости, стойкости к опрокидыванию и бронезащите, не удовлетворял предъявленным к нему требованиям.

Данный вывод специалистов США и неприятие наземно-мобильных ракет американцами привели к тому, что их Конгресс счел невозможным размещение этих ракет (предрасположенных к авариям и диверсиям с тяжелыми по-

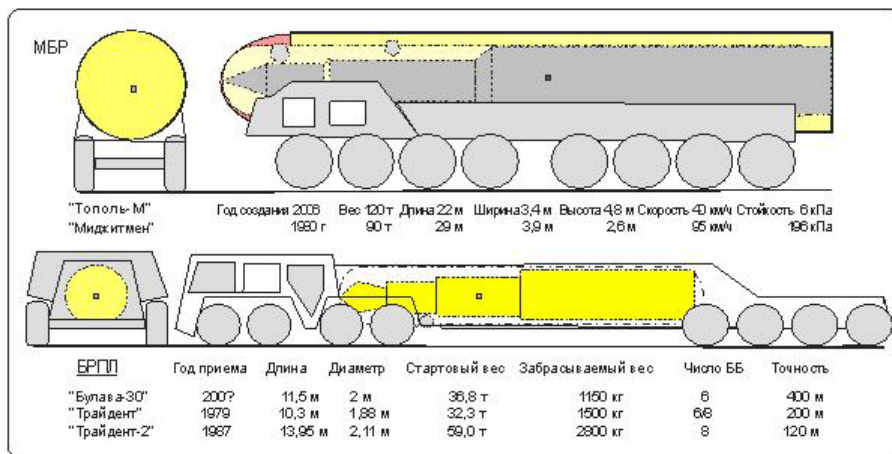

Рис. 3. Российские и американские ракеты: сравнительные данные

следствиями) на своей территории⁵. И до сего дня нет ни одной страны, которая имела бы стратегические ракеты наземно-мобильного базирования большой дальности. И кто поверит, что причиной служит зарубежная технологическая немощь: она – в легкости их обнаружения и уничтожения (из-за больших габаритов) всеми современными боевыми средствами.

С подобной оценкой живучести мобильного «Тополя-М» согласен и Ю. Григорьев⁶.

Он утверждает, что «разрабатываемая в США система «Дискавери-2» позволит в режиме реального времени решать весь цикл задач, связанных с всепогодным поиском, обнаружением, распознаванием, определением и передачей координат подвижных целей средствам поражения. Например, через несколько лет американские крылатые ракеты морского базирования будут иметь возможность коррекции траектории по команде средств космической радиолокационной разведки. Следовательно, после начала их функционирования подвижные грунтовые комплек-

сы «Тополь-М» утратят свое главное качество – способность скрывать от нападающей стороны их местонахождение».

Что касается оценки боевой *устойчивости* МБР типа «Тополь» с учетом всех видов противодействия на земле, то она является совершенно неудовлетворительной. Причина тому – высокая уязвимость по отношению ко всем видам огнестрельного оружия, начиная от винтовки калибра 12,7 мм и кончая современными крылатыми ракетами, не говоря уже о ядерных ББ.

Оценивая все это, цитируемый автор заключает: «Если же учесть риск диверсионно-террористических действий, то нетрудно прийти к выводу об абсурдности данного способа базирования наших ядерных ракет, имея в виду их полную беззащитность как при размещении в незащищенных ангарах с раскрывающейся крышей, так и при патрулировании по известным лесным маршрутам».

Эффективность *траекторного* маневра ББ, запущенных этими российскими ракетами, можно оценить с помощью следующих значений.

– баллистических производных, характеризующих отклонение координат (км) приземления ББ у цели при изменении приданной им скорости на 1 м/сек;

– импульса (величины и длительности приложения) той силы, которая необходима ББ для получения соответствующего ускорения, а значит – и маневра;

– количества и энергоемкости ракетного топлива, имеющегося в ступени разведения ББ и требуемого для придания им подобного импульса;

– массы предназначенных для всего этого двигательных установок, обычно составляющей лишь незначительную часть забрасываемого ракетой веса.

Руководствуясь подобными данными, можно прийти к выводу о неспособности ББ “Тополя-М” и “Булавы-30” к совершению непредсказуемого маневра. Ведь использовать для этого *самовоспламеняющиеся* компоненты жидкого ракетного топлива нельзя из-за риска тяжелых аварий, тогда как применение не столь энергоемкого твердого не обеспечит ни многократности маневра (использовать много мелких пороховых шашек невыгодно из-за солидного веса, а одну большую – из-за невозможности задействовать ее несколько раз), ни его большой глубины. Для замены топлива сжатым газом высокого давления нужны слишком тяжелые баллоны. Нельзя также компенсировать вес двигателей маневра сверхлегкими термоядерными зарядами: они не только маломощны, но и требуют для создания натурных испытаний, которые у нас не проводятся уже почти 20 лет.

Таким образом, утверждение о высокой боевой *эффективности* этих двух российских ракет нельзя признать сколь-нибудь обоснованным.

Логичен также вопрос – зачем нас ввергли в авантюру унификации “То-

поля-М”, повторяя неудачную эпопею с шахтными РС-22?

Надо учитывать, что железнодорожное базирование последних потребовало тогда создания 12-ти сверхтяжелых дорогостоящих спецпоездов и нескольких тысяч километров особо прочного пути для них. Однако *катастрофические* последствия возможного крушения подобного поезда с тремя ракетами (в каждой имелись сжатые газы, самовоспламеняющиеся жидкости и 10 ядерных ББ с их взрывоопасным, радиоактивным и высокотоксичным содержанием) привели к тому, что эти поезда простояли последние 15 лет под открытым небом, нарушая идеологию боевого применения и подвергая риску диверсий и заражению три наших крупных города и три великие русские реки.

Все это с точностью воспроизводится сегодня, когда большинство крупногабаритных и тяжеловесных, то есть предрасположенных к дорожным авариям и не защищенных от диверсий, “Тополей-М” решено уложить на автомобильные шасси.

На деле же – их место в высокозащищенных шахтах либо в бронированных железнодорожных вагонах, легко маскируемых под рефрижераторы и постоянно патрулирующих просторы Сибири с ее незагруженной ныне БАМ. А вот упомянутое и уже отчасти реализованное решение делает грунтово-мобильные “Тополя-М” “минами”, уже установленными в непосредственной близости от Москвы. Их уничтожение в аварии или диверсии чревато крупным ущербом для страны. Те же, что чудом сохранятся и взлетят по боевой команде, будут уничтожены теми 10-ю антиракетами, которые будут вскоре установлены в Польше.

По столь же непонятным причинам в 1998 г. было принято еще одно ошибочное решение: передать разработку

всех МБР и БРПЛ лишь одному конструкторскому бюро, которое занималось прежде созданием твердотопливных грунтово-мобильных ракет типа “Тополь”, оснащенных единственным ядерным ББ. Отказ от опоры на положительный опыт самого передового в мире жидкотопливного ракетостроения в пользу далеко не современного и более дорогого у нас – твердотопливного

привел к тому, что Россия ныне реализует программу создания лишь *легких* твердотопливных ракет для замены ими всех ныне имеющихся. Динамика подобной модернизации (уменьшения числа российских баллистических ракет и забрасываемого ими веса – главного показателя их мощности и способности преодолевать ПРО противника) показана на рис. 4.

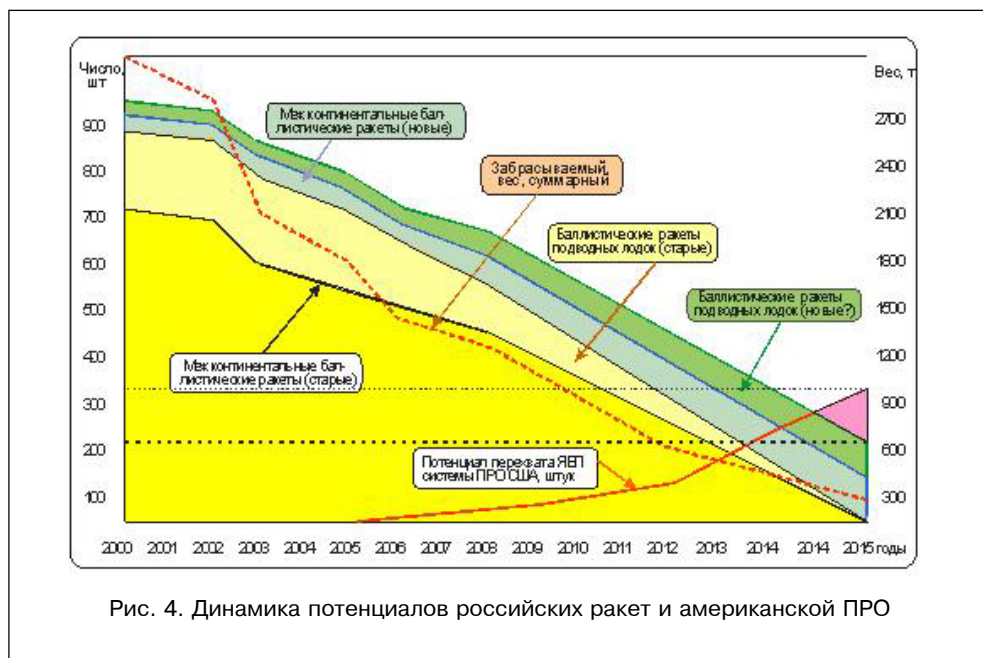

Рис. 4. Динамика потенциалов российских ракет и американской ПРО

Сопоставление ожидаемого в 2015 г. общего числа российских МБР и БРПЛ (всего примерно 200 шт., в лучшем случае) с возможностями парирования их ББ американской ПРО того времени позволяет говорить о губительности тех решений, которые уже реализуются нами в течение последних 10-ти лет. Как это подтверждает рис. 4, к тому времени суммарный забрасываемый вес всех российских ракет снизится более чем в 10 раз в сравнении с 2000 г., а потенциал ПРО США по перехвату на-

ших ББ может превысить их число в полтора раза. Ведь “Тополь-М” и “Булава-30” имеют крайне малый забрасываемый вес; первая МБР все еще оснащается единственным ядерным ББ, а вторая (БРПЛ) пока так и не создана, несмотря на затраченное на это десятилетие.

По последней причине существует большой риск того, что после 2015 г. Россия может вообще остаться без БРПЛ, а значит – и морского компонента своих СЯС. К такому выводу

можно прийти, анализируя не только результаты натурных испытаний разрабатываемой для него только одной “Булавы-30” (подавляющее их большинство – неудачные), но и публичные высказывания компетентных специалистов. По крайней мере, большинство из них не верят в реальность ее создания в сравнительно короткий срок, если учесть, что у получивших данный заказ российских предприятий нет ни опыта проектирования и изготовления ракет подводного старта с несколькими ББ индивидуального наведения, ни стендовой базы для их экспериментальной отработки в близких к реальным условиям.

Самосохранение России требует истинного партнерства

Ошибочное решение передать функции многозарядных шахтных МБР мобильным ракетам типа “Тополь” и БРПЛ стало возможным благодаря “партнерству” с Соединенными Штатами, которые последние 20 лет формировали у руководства нашей страны выгодное им представление, например, о якобы уязвимости наших шахтных ракет и живучести наземно-мобильных. Делалось это с помощью российских институтов типа 4-го ЦНИИ МО РФ, да многочисленных “центров”, специально созданных при ИММО РАН и ИСКАН РАН с подобной целью и занимающихся вопросами не национальной, а международной безопасности и разоружения, так как только мнение последних преподносилось российскими СМИ как единственно верное.

Например, один из заместителей директора ИСКАН РАН в свое время был откомандирован в Минобороны РФ, где в течение почти 5 лет определял его военнотехническую политику, руководя развитием наших вооружений.

Таким образом, декларации о высокой эффективности “Тополя-М” и “Булавы-30” *не соответствуют* действительности: они не могут обеспечить прорыва ПРО большим числом ложных и боевых блоков, одновременно доставленных в зону ее действия. Дело в том, что:

- надежность доведения боевого приказа до АПЛ с БРПЛ и МБР мобильного базирования по беспроводным каналам крайне ограничена;

- местонахождение, а также время предстартовых операций и подлета запущенных с них ББ к целям – разное;

- к тому же подавляющее число АПЛ и МБР будет уничтожены еще до пуска ракет.

А бессменный директор Центра исследований международной безопасности при ИММО РАН делал это же в течение 8 лет законодательно – как заместитель председателя комитета Госдумы по обороне.

Что касается военно-стратегического обоснования программ “модернизации” наших СЯС, то его осуществлял тогдашний начальник 4-го ЦНИИ МО РФ – генерал В.Дворкин, одновременно являющийся как бы внештатным консультантом сразу двух министерств обороны – и России, и США.

Именно эти и подобные им лица, говоря об отсутствии у МБР типа “Тополь” аналогов и якобы неудачных попытках США включить его в число сокращаемых по соответствующим договорам с Россией, не только скрывали истинные мотивы отказа американцев от их “Миджитмена”, но и всячески препятствовали воспроизводству российских многозарядных шахтных ракет. Именно они, используя временно возникшие у КБ им. В.П.Макеева трудности, сначала сорвали окончательную отработку его почти готовых и высоко

эффективных БРПЛ “Барк” и “Синева-М2”, а затем содействовали получению Московским институтом теплотехники заказа на создание вместо них унифицированной “Булавы-30”, несмотря на отсутствие “морского” опыта и необходимой стендово-испытательной базы.

Да и сам автор этой статьи не раз лично убеждался в том, что предложения наладить воспроизводство в России не мобильных “Тополей”, а многозарядных шахтных ракет торпедировались не контраргументами, а ссылками руководства Минобороны РФ на Главкома РВСН, а его — на начальника 4-го ЦНИИ МО и далее по кругу.

Запомнились также нелестные слова в их адрес Ю.С.Алексеева, директора днепропетровского машиностроительного завода — изготовителя самой мощной в мире РС-20 (SS-18), безуспешно пытавшегося вплоть до сентября 1993 г. передать нам так необходимую для их воспроизводства стендовую базу и вынужденного прилететь в Москву в надежде получить поддержку со стороны Верховного Совета России.

А разве случайно, что руководитель упомянутого выше центра ныне пытается опровергнуть выводы цитируемой статьи в *Foreign affairs*? Причем делает это в соавторстве с тремя заокеанскими коллегами, упрекая власти России в недостаточности тех мер, которые были приняты для поддержания боеспособности наших СЯС в его бытность парламентарием. Одновременно он требует покончить с “мракобесием” своих оппонентов и вновь подтверж-

дает необходимость “значительного расширения серийного производства грунтово-мобильных МБР”, имея в виду уже “Тополь-М”. К сожалению, этот ученый так и не задумался над словами своего отца, академика РАН Г.А.Арбатова (бывшего директора ИСКАН), который при обсуждении моего доклада о живучести ракет типа “Тополь” (в присутствии Л.И.Абалкина — директора ИЭ РАН, Б.В.Замышляева — начальника “ядерного” ЦНИИ МО РФ, В.А.Медведева — члена Политбюро ЦК КПСС, А.И.Столярова — бывшего Главного конструктора ЦКБТМ и С.Т.Брезкуна — того самого “мракобеса”) воскликнул еще 15 лет назад: “Я и раньше подозревал, что с «Тополем» что-то не в порядке, но — не настолько же!”

Поэтому есть все основания утверждать, что без подобных “лоббистов” интересов США Россия не стала бы “модернизировать” свои РВСН (уничтожать многозарядные шахтные МБР) по их плану, разработанному еще 25 лет назад в Центре компьютерного моделирования и имитационных программ СОИ (база ВВС США в Фальконе). И, разве не странно, что позволяющие реализовать этот план параметры двусторонних сокращений СНВ были впервые опубликованы в майском номере ежемесячного журнала ИСКАН РАН за 1992 г.* Без каких-то изменений они оказались через месяц в тексте рамочного соглашения, а спустя еще полгода — и договора СНВ-2!

Что следовало бы делать в сложившейся ситуации

России необходимо срочно отказаться от подобного “партнерства” и принять меры по укреплению национальной безопасности.

Первая группа мер должна иметь геополитическую направленность, а цель — создание союза государств, спо-

собных противостоять гегемонии США. Наибольшую перспективу могли бы иметь меры, способствующие усилению Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), так как в пользу этой идеи можно привести, как минимум, следующие аргументированные суждения.

* Думаю, что не случайно этот журнал уже начал формировать общественное мнение о реальности сокращения арсенала наших СЯС до 1000 ББ после прихода к власти нового президента США⁷.

Первое из них принадлежит влиятельной американской газете *Christian Science Monitor*, которая заявила, что в случае вступления в ШОС Индии, Пакистана и Ирана на Евразийском континенте будет создан колоссальный блок, который кое-кто на Западе уже окрестил “антиНАТО”. В этом случае вся Центральная Азия станет для американцев недостижимой мечтой, так как Иран, Пакистан, Индия, Китай и Россия будут обладать внушительным совокупным военным потенциалом. Что это так – подтверждают учения вооруженных сил трех последних стран-членов ШОС, охватившие половину Восточного полушария и придавшие совершенно иной оттенок мероприятиям, проводящимся в ее рамках.

Другое суждение касается возможных геополитических последствий предлагаемой меры:

- ШОС распространит свое влияние фактически на весь исламский мир, так как у США нет там “карманного” режима с безупречной репутацией;

- американцам придется уйти из этого региона, и поэтому он всецело станет как бы “внутренним двором” ШОС;

- прагматичные страны ЕС и Восточной Европы немедленно “отвалятся” от США и начнут дрейф в сторону более богатого восточного соседа;

- учитывая все это, Западная Европа наверняка пересмотрит свое традиционное отношение к идеалам атлантизма⁸.

Не менее важны экономический и военный эффект данной идеи: страны ШОС полностью исключат США из системы распределения энергоресурсов Центральной Азии, так как под влияние шиитского Ирана попадет также шиитская часть Ирака, со своими запасами нефти. А вот обновленная ШОС станет практически неуязвимой для США и НАТО в целом: ведь, опира-

ясь на российские военные технологии и евразийские пространства вместе с природными и людскими ресурсами, этот союз станет доминирующей силой в Восточном полушарии и дурным примером для самостоятельных латиноамериканских лидеров типа У.Чавеса.

При этом наибольшую пользу от реализации данной идеи получит Россия, располагающая наиболее передовыми разработками в сфере науки и техники. Дело в том, что упомянутые евразийские страны являются традиционными покупателями наших вооружений и военной техники, а в случае интеграции ШОС будет вынуждена перейти на российские военные стандарты, и для западных продавцов не останется ни единой ниши. Более того, “воодушевленные” подвигами США на ниве продвижения демократии, страны ШОС могут осознать необходимость единой ПВО и ПРО, в основу которой может быть положена российская система предупреждения о ракетном нападении.

Вторая группа мер должна быть направлена на пересмотр ныне действующей государственной программы развития наших СЯС.

По мнению Г.А.Ефремова, разработчика наших ракет РС-18 (SS-19) и уже цитируемого Ю.П.Григорьева – бывшего заместителя Генерального конструктора КБ им. В.П.Макеева, необходимо оперативно создать новую жидкостную многозарядную шахтную МБР, либо поставить в освобождающиеся шахты надежную и высокоэффективную БРПЛ Р29-М2 (“Синева-М”). В последнем случае потребуются лишь новый пусковой контейнер вместе со средствами подготовки этой ракеты к старту, а также доработка системы ее амортизации в шахтах, высвобождающихся после снятия ракет РС-18. Более того, данное решение по-

зволило бы загрузить производственную базу жидкостных ракет, а мощно-сти твердотопливных ракет сконцентрировать на ускоренном массовом изготовлении “Тополей-М” шахтного и железнодорожного базирования.

Отказываясь же от подобных мер и постепенно снимая с боевого дежурства выслужившие срок МБР и БРПЛ, мы с каждым годом будем подвергаться все большему давлению со стороны США, непрерывно усиливающих свою ПРО.

Ядерного нападения на Россию они, скорее всего, не предпримут (для Мос-

квы уготована роль нового Вавилона, а для Сибири с ее Байкалом и почти девственной природой – резервата “золотого миллиарда”), но если мы заупрямимся и проявим недовольство, то нам устроят ряд диверсий с мобильными “Тополями-М”, организуют шум в прессе с требованием взять, наконец, контроль над российскими СЯС.

Не исключена также и агрессия с применением лишь обычного высокоточного оружия, к отражению которой мы вскоре окажемся совершенно не готовы¹⁰.

Времени для противодействия у России осталось совсем мало. По словам авторов *Foreign affairs* – это 2015 г., но есть и другие мнения.

Так, на публично заданный вопрос: “Согласны ли вы (имярек) с их мнением о том, что нынешней России осталось на 10 лет?”, – автору данного доклада также публично ответили: “Если все будет идти как сейчас, то – меньше”. Аудитория была серьезная (конференц-зал одного из институтов РАН), а отвечал на вопрос член Академии военных наук и доктор технических, то есть один из тех специалистов Минобороны России, которые обладают полной и достоверной информацией о реальном состоянии наших СЯС.

Нетрудно также понять причину возникновения рассмотренной здесь и иных катастрофических ситуаций: они – в отсутствии не только строго регламентированной процедуры принятия важнейших государственных решений, но и научно-исследовательских организаций, ответственных за подготовку соответствующих предложений и их качество. Иное дело в США, где их подготовкой занимается Совет по оборонной политике с привлечением Гуверовского института, РЕНД корпорейшн и других серьезных учреждений, а оценкой – Исследовательская служба Конгресса, созданная для выявления возможных негативных последствий.

А вот в России – иная ситуация. Аналогичные функции возложены на межведомственные комиссии Совета Безопасности России и экспертные советы Федерального Собрания, которые существуют лишь на бумаге, почти не обновляются и не всегда регулярно функционируют, так как работают на общественных началах. Так стоит ли экономить средства, формально привлекая подобные структуры для решения столь важных вопросов?!

Примечания

¹ Соломонов Ю.С. О разработке перспективных ракетных комплексов стратегических ядерных сил // Вестник РАН. 2006. № 12. С. 1086–1098.

² Рогов С.М. Вызов ПРО: что предпринять в ответ? // Независимое военное обозрение. 2007. № 9.

- ³ *Василенко В.В. и др.* Прогнозирование динамики развертывания средств системы ПРО США // ВПК: Вооружение. Промышленность. Конверсия. 2008. № 5. С. 8–11; *Малафеев В.П.* ПРО: события и участники. Рыбинск: Изд-во “Принтер 99”, 2008.
- ⁴ *Martz H.F., Johnson M.E.* Risk analysis of terrorist attacks // Risk analysis. 1987. V. 7. № 1. P. 35–47.
- ⁵ *Loasby R.G.* The Midgetman story // International defense review. 1989. № 8. P. 1033–1035.
- ⁶ *Григорьев Ю.П.* О системе стратегической стабильности. Почему США вышли из Договора по ПРО // ВПК: Вооружение. Промышленность. Конверсия. 2007. № 6. С. 4–12.
- ⁷ *Бочаров И.Ф.* Реальна ли реформа ядерной политики США? // США: экономика, политика, культура. 2008. № 10. С. 43–51.
- ⁸ *Дроздов Ю.* Геополитические шахматы // Военно-промышленный курьер. 2007. № 47.
- ⁹ *Храмчихин А.А.* Вооруженные силы России: цифры и факты // Москва. 2008. № 7. С. 138–153.

**Подписка на 2009 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Международно-правовой статус Каспийского моря

Семед Семедов

В новой системе международных отношений важнейшую роль играют энергоресурсы. Их наличие в Кавказско-Каспийском регионе обуславливает заинтересованность многих стран в укреплении своих позиций. В борьбу за нефть, газ и трубопроводы включается все больше и больше участников.

Каспийской регион на современном этапе – это клубок торгово-экономических, предпринимательских, военно-политических противоречий. Роль и значение трубопроводов на Кавказе как инструментов дипломатии растет в связи с важностью региона в геополитических “играх”.

Российско-грузинский конфликт многие исследователи считают поворотным пунктом в системе международных отношений начала XXI в.

Россия как правопреемница СССР вынуждена выстраивать совершенно новую многовекторную стратегию своей политики в Кавказско-Каспийском регионе.

Ситуация в зоне Каспия еще не устоялась, не решены многие проблемы международных отношений, в том числе по морским границам прикаспийских государств.

Уже состоялось 24 встречи прикаспийских стран по обсуждению вопросов морских границ, но существенного продвижения по сближению позиций нет до сих пор.

Сейчас, когда события на Кавказе в центре внимания мирового сообщества, вопросы безопасного развития региона необходимо решать более оперативно и прагматично.

“Тенденции, влияющие на безопасное развитие региона,... определяются спецификой самого региона, потенциалом его конфликтности, просматриваются в позиции ведущих игроков каспийской политики, причем в первую очередь России”¹.

Проблему Каспия необходимо рассматривать через призму новых серьезных вызовов глобального характера, тесно связанных с нерешенными проблемами

СЕМЕДОВ Семед Абакаевич – кандидат философских наук.

Ключевые слова: правовой статус Каспия, территориальное море, принцип срединной линии, секторальное деление Каспия, принцип равных долей.

энергетической безопасности: увеличением потребления энергии, повышением зависимости от энергетических технологий, изменением ценовой конъюнктуры энергетического рынка, прогрессирующим истощением традиционной, давно разведанной ресурсной базы.

В современном мире изменилась не только ценовая, но и геополитическая структура глобального нефтяного и газового рынков.

“Энергия становится важным фактором, на который разным странам приходится обращать серьезное внимание при разработке внешней политики и подходов к дипломатическим отношениям. В связи с ключевой ролью энергоносителей в экономическом и технологическом развитии и нарастающей потребностью в них, с которой мир все больше и больше сталкивается, энергетическая дипломатия становится центральным стержнем современной политики”².

Итак, в основе “трубопроводной геополитики” лежит несколько отдельных проблем, которые влияют друг на друга, но могут быть решены чисто экономическими способами, будучи очищенными от политических интересов.

З.Бжезинский, говоря о “неустойчивом Кавказском регионе”, отмечает, что “никто из трех претендентов на главенствующую роль в этом пространстве, то есть ни Россия, ни Турция, ни Иран, не обладает сейчас такой мощью, чтобы в одиночку навязать свою волю региону в целом”.

По его мнению, “даже совместного выступления двоих из них против третьего игрока... было бы недостаточно, поскольку в глубине сцены проступают силуэты еще двух фигур – Соединенных Штатов ... и Европейского союза”³.

Динамично развивающиеся политические процессы на Кавказе в некоторой степени опровергают утверждения американского политолога. Расклад сил и геополитические приоритеты акторов в регионе меняются во времени и в пространстве.

Интересы России на Каспии

Развал Советского Союза значительно ослабил влияние России в регионе. Новые прикаспийские государства (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан) резко сократили торговлю с ней и переориентировались на другие рынки, в основном турецкие и иранские. В какой-то степени, это была вынужденная мера, отчасти связанная с транспортной изоляцией.

Это вовсе не означает, что Каспий утратил для Москвы свое значение: наоборот, особую актуальность для нее приобрели вопросы, связанные с сохранением и закреплением в регионе своего экономического и военно-политического присутствия. Стремясь расширить контроль над нефтяными и газовыми разработками на морском шельфе, а также над путями их транс-

портировки, Россия надеется сохранить лидирующие позиции на международных рынках, потеснив своих потенциальных политических и экономических соперников. Исходя из этих долгосрочных интересов, она концентрирует свое внимание в регионе преимущественно вокруг следующих проблем:

1. Военная и политическая безопасность, которую Москва напрямую увязывает с решением карабахского, абхазского, юго-осетинского конфликтов. Угрозу своей безопасности Россия усматривает и в милитаризации других прикаспийских государств, а также в военно-политическом проникновении на Каспий внерегиональных держав.

2. Экологическая безопасность, в обеспечении которой Россия особенно

заинтересована, поскольку прилегающая к ней часть моря играет важную роль в воспроизводстве энергоресурсов.

3. Транспортные и энергетические магистрали, учитывая их роль в движении российских внешнеэкономических интересов, то есть в доставке энергоресурсов из Каспийского бассейна в Европу, Центральную Азию, Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона¹.

Начиная с 2000 г., в политике Москвы на Каспии просматриваются новые тенденции, свидетельствующие о восприятии российской дипломатией новых геополитических реалий. Российская дипломатия пытается защитить интересы отечественных производителей и энергетических компаний, хотя ее действия не всегда последовательны и прагматичны. Во всяком случае, говорить о согласованной государственной стратегии на Каспии и Кавказе, которая подчинила бы себе конкурирующие направления во внешнеэкономической и внешнеполитической сферах, пока не приходится.

Впрочем, ряд событий свидетельствуют о том значении, которое придают российские власти и самому региону, и факторам энергетики, и энергоресурсам в целом.

Например, в 1996 г. в МИД была создана рабочая группа по Каспийскому морю, на которую возложена задача готовить предложения по статусу и режиму этого водоема, эксплуатации его биологических и минеральных ресурсов, а также по проблемам транспортировки каспийской нефти.

На заседании Совета Безопасности РФ (май 2000 г.) Каспий объявлен "традиционной зоной национальных интересов России".

В том же году указом главы государства учреждена должность специального представителя президента (в ранге заме-

стителя министра иностранных дел) по вопросам урегулирования статуса Каспийского моря. На этот пост был назначен бывший министр энергетики Виктор Калужный.

В 2000 г. российские компании "Лукойл", "ЮКОС" и "Газпром" учредили Каспийский Трубопроводный Консорциум (КТК). Ее задача – разработка новых нефтяных и газовых месторождений в регионе.

Кроме того, активизировалась политика России в Каспийском регионе: в октябре 2000 г. Президент России В.В.Путин посетил Казахстан и Кыргызстан, в январе 2001 г. – Азербайджан, а в феврале 2002 г. в Москве с официальными визитами побывали президенты Азербайджана и Туркменистана.

Активизировались и межгосударственные контакты России с Ираном и Турцией.

Свой первый визит за рубеж в качестве Президента РФ Д.А.Медведев совершил в Казахстан, а первым крупным внешнеполитическим шагом России за последние 17 лет стало признание независимости Южной Осетии и Абхазии (2008 г.).

Во взаимоотношениях прикаспийских государств сложной и пока нерешенной остается ситуация с определением правового статуса "моря-озера".

Сразу после распада СССР новые независимые государства начали формировать свою собственную государственную политику в ключевом для экономики нефтегазовом секторе. Основным приоритетом для Азербайджана, Казахстана, Туркменистана до недавнего времени было дистанцирование от России, отстаивание прав на суверенные решения, подчас даже в ущерб экономической целесообразности. Это – своеобразный "синдром независимости", свойственный не только прикаспийским странам.

С другой стороны, Россия медленно осознала новые реалии, что стало причиной ряда стратегических ошибок, неиспользования рычагов "мягкого" воздействия на бывших партнеров из

республик Советского Союза, и как следствие – заполнения возникшего в регионе вакуума США и другими странами.

В результате возникли панические разговоры о полном вытеснении России из прикаспийской политики, утрате ее позиций в этом стратегически важном регионе.

Российская внешняя политика в зоне Каспия в 90-е годы была результатом сложного взаимодействия различных групп интересов, соперничающих за влияние на структуры и центры принятия решений на национальном уровне. Соответственно и сами решения носили скорее узконаправленную (в интересах конкретных групп) специфику.

Яркий тому пример – замена государственного участия в азербайджанских проектах компанией “Лукойл”.

Эксперты и СМИ неоднократно обращали внимание на различные, часто взаимоисключающие подходы к каспийской проблеме со стороны МИД России и некоторых других государственных ведомств, а также нефтяных компаний, поддерживаемых определенными лицами в правительстве.

В итоге одно направление российской политики, условно названное “постимперским”, было успешно провалено с помощью руководства бывших республик Союза. Второе – “прагматичное” также особых дивидендов России не принесло. Был заключен ряд соглашений, в основном с участием компании “Лукойл”, но ее роль в зарубежной части Прикаспия была скорее символической. И “Лукойл” начал экспансию в более надежный российский сектор.

Можно утверждать, что государственные интересы России в прикаспийских проектах были в значительной мере размыты, поскольку балансировали между внешнеполитическими целя-

ми центральной власти и экономическими устремлениями отечественных нефтегазовых компаний.

Однако и между другими прикаспийскими государствами наметились “трещины”.

Первый сигнал – **спор Туркменистана и Азербайджана** по месторождению Кяпаз (Сердар). Затем между этими же странами возникли трения по газовой проблеме. Обе – естественные конкуренты на восточном и юго-восточном направлениях экспорта, и даже активно действующим в регионе американцам не удалось примирить их разногласия по проекту Транскаспийского трубопровода (с выходом в Турцию), что серьезно беспокоит Россию, реализующую в том же направлении проект “Голубой поток”. Однако для экспорта у Азербайджана пока нет достаточного объема газа, его не хватает даже для удовлетворения внутренних потребностей.

Отнюдь не безоблачными стали и **взаимоотношения между Казахстаном и Азербайджаном**. Визит Н.Назарбаева в Баку не принес Казахстану ожидаемых результатов: Азербайджан отказался снизить портовые и транспортные тарифы.

“В Казахстане торговые тарифы в три раза выше, и мы не склонны поддерживать предложение Казахстана о снижении тарифов”, – заявил вице-премьер правительства Азербайджана Абид Шарифов.

В итоге Астана склоняется к более активному использованию маршрутов через Россию. В частности, был подписан российско-казахстанский протокол “О взаимной заинтересованности в использовании обходного нефтепровода вокруг Чечни”. Речь идет о возможной прокачке порядка 3 млн. т казахстанской нефти в год.

И с **Туркменистаном у России**, похоже, наметился прогресс в перспективах

транзита туркменского газа в Европу (в частности, через Украину).

Итак, наша страна постепенно укрепляет свои позиции на Каспийском море, проводит более прагматичную

экономическую и внешнюю политику в регионе.

Кавказ и Центральная Азия по-прежнему остаются зоной стратегических интересов Российской Федерации.

Споры о статусе Каспийского моря: основные игроки

Правовое положение Каспия определяется:

- статусом (море или озеро);
- режимом судоходства;
- использованием биоресурсов;
- эксплуатацией природных ресурсов;
- защитой экосистемы.

Размежевание суши и вод между соседними государствами происходит по разным правилам.

На суше чаще всего применяют способ, который можно назвать географическим, поскольку он привязан к формам поверхности Земли (руслам, водоразделам, тальвегам и т.п.) или к другим реально существующим географическим объектам.

Воды морей, а также озер и других природных водоемов делят иначе. Морские границы должны отвечать нормам международного морского права.

В современном мире это не только отрасль науки, но и целая система законов, конвенций и других установлений, а также учреждения, которые ими занимаются.

Эти границы, во-первых, разделяют морские воды соседних государств, а во-вторых, определяют те пределы от берега в море, до которых простираются права прибрежного государства на морские ресурсы.

Ближе к берегу находится так называемое **территориальное море**. Его ширина обычно составляет 12 морских миль, или же 22 км. На него распространяется суверенитет прибрежного государства.

Далее лежит **исключительная экономическая зона**, на которую распрост-

раняется юрисдикция прибрежного государства.

Основное внимание специалистов морского права занимает **внешняя граница**, отделяющая пределы морских владений государства от неделимого достояния всего человечества, каким был и пока что остается **открытый океан**. 300 с лишним лет назад считалось, что такая граница должна быть удалена от берега на пушечный выстрел. Теперь это расстояние отсчитывают не просто от берега, который разрушают волны и насыпают люди, а от **фиксированной исходной линии**. И само оно увеличилось до 200 морских миль (370 км). Немудрено, что такие обширные владения кое-где смыкаются между собою, и внешняя граница превращается в морскую границу между соседними странами.

Именно так, целиком и без остатка, поделено на части Балтийское море.

Границу между морскими владениями сопредельные страны устанавливают, руководствуясь существующими договоренностями, или вердиктом международного суда. Обычно она проводится на равном удалении от их берегов, по медианной линии.

Воды пограничных озер делят между приозерными государствами без остатка. Через озера и прочие естественные водоемы, а кое-где и через моря, границы иногда проводят по прямой.

Однако на сфере прямых нет, и на самом деле кратчайшим расстоянием между двумя точками на поверхности Земли будет отрезок дуги большого круга – **ортодромия**. Впрочем, для разграничения могут быть использованы также **параллель**, **локсодромия** (кривая, по которой движется

судно, если идет постоянным курсом) и другие геодезические линии. Такой способ определения границ можно назвать геодезическим или абсолютным, поскольку он не имеет отношения к рельефу.

Этот способ всегда применяют для водных пространств, а иногда и для суши. Именно так, напрямую через горы, доли и озера проведены большие куски границы между США и Канадой.

Особенности международно-правового статуса Каспия

Отчего же с разделом Каспийского моря возникли такие трудности, каких в бывших водах Российской империи и СССР никогда не было?

Причина состоит в “невнятности” международно-правового статуса Каспийского моря. В двусторонних российско-персидских, а затем советско-иранских соглашениях стороны не трактовали Каспий ни как море, ни как озеро, а главное, они его между собою никак не делили и государственную границу по нему не проводили.

Исторически статус Каспия определялся двусторонними соглашениями Российской империи (затем РСФСР и СССР) с Персией (Ираном), правопреемниками которых, наряду с Ираном, после распада СССР, стали четыре

постсоветских прикаспийских государства⁴. История переговоров о статусе моря уже имеет семнадцатилетнюю историю: “на протяжении всего переговорного процесса все эти страны имели собственный доминирующий вектор национальных интересов и, нередко, у них не было готовности пойти на уступки”¹. С 1995 г. в регионе началась активная геополитическая игра “с расширением географии и круга участников”⁵.

Прикаспийские страны стали использовать проблему правового статуса Каспия в качестве инструмента, способного влиять на геополитическую ситуацию в регионе и оказывать помощь в привлечении средств нефтяных компаний.

Позиции Прикаспийских государств по статусу Каспия

Россия долгое время настаивала на установлении кондоминиума, то есть предлагала рассматривать Каспийское море в качестве общего достояния 5 прибрежных государств и, соответственно, не позволять каких-либо односторонних действий по присвоению его пространств, а также ресурсов без согласия других⁶. В 1998 г. российская позиция претерпела изменения: Москва выступает за разграничение дна моря между сопредельными и противоположащими сторонами по модифицированной срединной линии, идущей от существующих сухопутных границ, при сохранении толщи вод в общем пользовании.

Как пояснял Виктор Калюжный, “делим дно, точнее, ресурсы дна. Вода общая и никаких границ”⁷.

6 июля 1998 г. такая позиция России закреплена в двустороннем соглашении с Казахстаном (“О разграничении дна северной части Каспийского моря с целью соблюдения суверенного недропользования”) и подтверждена в российско-казахстанской Декларации о сотрудничестве на Каспийском море, подписанной 9 сентября 2000 г. в Астане. В результате переговоров между Россией, Казахстаном и Азербайджаном к 2003 г. стороны договорились о разделе северной части Каспия на нацио-

нальные сектора по методу срединной линии. Казахстан и Россия соответственно контролируют 29% и 19%.

Фактически они пошли на политический компромисс, так как “модифицированная срединная линия – это политическая линия”⁸.

Таким образом, Россия признала Договоры с Ираном 1921 г. и 1940 г. устаревшими и не отвечающими новым геополитическим реалиям. Это в некоторой степени усложнило отношения с Ираном. Изменения в позиции России также были связаны с активизацией политики США в Каспийском регионе.

Азербайджан был сторонником классификации Каспия как моря и секторального деления. Азербайджан – единственный в “прикаспийской пятерке”, кто конституционно закрепил суверенитет на “свою” часть моря в ст.11, п.2.

В соответствии с секторальным принципом, и дно, и толща воды, и воздушное пространство в пределах азербайджанского сектора были признаны собственностью Азербайджанской Республики⁹. После 10 лет переговоров, в январе 2001 г. во время визита президента России в Баку было подписано российско-азербайджанское соглашение о разделе и разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря.

В ст.1 данного соглашения подтверждается принцип: “Делим дно – вода общая”⁸.

Азербайджан по договорам с Россией и Казахстаном фактически получил 19% дна Каспийского моря по принципу раздела на национальные сектора по методу срединной линии.

Иран настаивает на разделе моря по принципу равных долей (20% каждому). При таком раскладе национальный сектор Ирана (да и Туркменистана) был бы больше, нежели граница, которая пройдет при разделе по срединной линии. Но это означало бы пересмотр режима и новые проблемы. Например, под предлогом защиты национальных интересов может возникнуть угроза ограничения свободы судоходства: США и Турция уже ставили вопрос о направлении на Каспий судов третьих стран с правом контролировать российские грузы, направляемые в Иран¹⁰.

Туркменистан не торопится подписывать какие-либо документы по статусу моря. Позиция туркменского руководства жесткая и неуступчивая: исход переговоров может осложнить отношения Ашхабада с Тегераном, чью сторону Туркменистан до недавнего времени поддерживал. Кроме того, Туркменистану необходимо решить с Азербайджаном вопрос о принадлежности спорных нефтяных месторождений, на которые оба эти государства претендуют, и лишь после этого обсуждать вариант раздела Каспия, к которому склоняются в целом Россия, Азербайджан и Казахстан.

В отличие от Казахстана и Азербайджана, ни Туркменистану с его незначительными запасами нефти в море, ни Ирану, обладающему богатейшими ее залежами в Персидском заливе, нет смысла торопиться с решением этого вопроса. Именно поэтому они выбрали тактику затягивания, при которой ничего не теряют, но надеются, что она может принести свои плоды.

Выводы

Таким образом, в обсуждение вопроса о статусе Каспия, а также море это или озеро, каждое прикаспийское государство вплетает собственные экономические и политические интере-

сы. В России все больше крепнет убеждение, что определение правового статуса Каспия затягивается из-за позиции Ирана. Тегеран осознает опасность возможного столкновения с Москвой и

потому ищет солидный противовес в лице такого потенциального каспийского игрока, как Китай, который уже начал проявлять себя на этом направлении.

Но даже основные участники каспийского треугольника: Россия – Азербайджан – Казахстан, часто действуют несогласованно.

Так, еще в 1998 г. был подписан российско-иранский документ, в котором говорилось о готовности Москвы учитывать предложения Тегерана о 20-процентном принципе деления Каспия. 12 марта 2001 г. Россия и Иран выступили с совместным заявлением, в котором шла речь о том, что оба эти государства “до усовершенствования правового режима Каспийского моря официально не признают никаких границ на море”.

Баку и Астана посчитали это заявление противоречащим подписанным ранее с ними соглашениям.

В начале 2002 г. появились определенные надежды на сближение позиций: замминистры иностранных дел всех пяти прикаспийских государств на встрече в Москве (23–24 января) договорились о разработке Конвенции по правовому статусу моря. Это решение, казалось, может способствовать притоку инвестиций в регион для международного финансирования проектов, связанных с разработкой нефтегазовых ресурсов, их транспортировкой и переработкой. Однако, неоднократные встречи на уровне руководителей государств с тех пор не смогли окончательно решить вопрос о статусе моря.

В конце 90-х годов была создана Специальная рабочая группа (СРГ) на уровне замминистров прикаспийских государств по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

На последнем заседании СРГ в Астане (23–24 декабря 2008 г.) обозначились следующие разногласия между участниками переговорного процесса:

1. Иран настаивает на равноудаленном разделе, чтобы получить 20% Каспия, Туркменистан уже в принципе не против средней линии;

2. Противоречия между Туркменистаном и Азербайджаном из-за спорного месторождения Кяпаз (Сердар) не удалось преодолеть.

Конвенция по Каспию согласована сторонами на 70%. Возможно, неопределенное положение Каспия “более всего устраивает Россию и не устраивает Запад. Неопределенный статус Каспия не дает возможности для реализации проекта *Nabucco* и строительства Транскаспийского трубопровода”¹¹. Транскаспийские маршруты транспортировки углеводородов могут быть реализованы только после подписания Конвенции о правовом статусе Каспия. Однако США настаивают на строительстве трубопроводов до определения правового статуса Каспийского моря. При этом необходимо отметить, что нефтедобывающие компании вполне спокойно обходятся и без его юридического оформления.

По мнению заведующего сектором комплексного развития прибрежных зон в Совете по изучению производительных сил РАН и Минэкономразвития России Е.Б.Чернявского, “беспристрастно Каспий можно разделить только на естественно-научной основе. Для законного раздела Каспия, подобного сделанному на Финском заливе и Чудском озере, не на что опереться. Нужен новый международно-правовой статус. Не в последнюю очередь он должен будет иметь правильное географическое основание.

Во-первых, при разделе Каспия он должен рассматриваться без Кара-Богаз-Гола.

Во-вторых, для Каспийского моря приемлем только геодезический раздел дна, проведенный так, как если бы в нем не было воды. Только так при любом положении уровня Каспия границы останутся на своих местах. Геодезический раздел между прибрежными государствами проведен,

например, на пространствах усыхающих озер Чад и Мертвое море¹².

Если бы прикаспийские страны смогли договориться о неизменной отсчетной линии и о разграничении по правилу равного удаления от нее, то это могло бы стать прочной основой для урегулирования споров о разделе Каспия и вполне соответствовало бы общепринятым нормам международного права.

Однако воды Каспия до сих пор никак не разграничены.

Формально они равно открыты для судов России и Ирана.

Осталось перенести эту норму на 5 прикаспийских государств.

Тогда геодезические границы национальных участков Каспия разделяли

бы только его дно, ресурсы дна и недр под ним. Водное же тело Каспия со всеми населяющими его и не прикрепленными ко дну растениями и животными осталось бы общим достоянием.

“Правила сбережения этого бесценного достояния, правила управления им, неизбежно должны быть едины для всех прикаспийских стран”¹².

Ученые готовы выработать эти правила, опираясь на накопленные ими знания о природе Каспия. Разумеется, обеспечить их соблюдение будет очень сложно, но после решения пограничных вопросов все же возможно. Тогда нам удастся помочь Каспию пережить свою нефть.

Итак, до окончательного решения этой проблемы еще далеко.

Каждое прикаспийское государство вносит свою лепту в конфликт, возникший в ходе ее обсуждения, так как ориентиры и цели соседей различны, соперничество мешает прийти к компромиссу. Продолжающееся “государствообразование” на Кавказе, отсутствие стабильности и этнополитические конфликты также мешают сближению интересов сторон. Решение проблемы затрудняют и внешние акторы, стремящиеся найти выход к эксплуатации нефтегазовых и биоресурсов Каспия.

Глобальный экономический кризис, естественно, оказывает влияние на политические процессы на Кавказе. И хотя он отвлек внимание мировой общественности от конфликтогенного региона, падение мировых цен на энергоресурсы не снизило накала борьбы за них.

“Газовый” конфликт между Россией и Украиной в самом начале 2009 г. лишний раз подтвердил значение России как поставщика энергоресурсов в Европу. В то же время, многие политики и эксперты обвинили Москву в “использовании энергии в качестве геополитического оружия”, “инструмента внешней политики”, с помощью которого “оказывается давление на те страны, которые проводят курс, противоречащий национальным интересам России”¹³.

Подобные заявления западных политологов вызывают естественный вопрос: “А что у России нет права использовать свои природные ресурсы в национальных интересах?”.

Несмотря на активизацию внешней политики в Каспийском регионе, Россия пока не смогла сформировать принципиально новую геополитическую ситуацию. Конкретизация своей политики на постсоветском пространстве, более четкая формулировка национальных интересов и приоритетов пока не смогли резко изменить сложившийся расклад сил в регионе, а также уменьшить конфликтогенный потенциал в регионе.

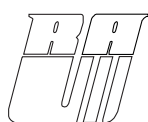
Проблема неопределенности статуса Каспия заставляет Москву постоянно корректировать свою политику в Каспийско-Кавказском регионе.

Разрешение экономических, политических, этнических проблем – это долгий путь.

Однако стабильность в регионе отвечает национальным интересам России, так как напрямую связана с безопасностью южных рубежей страны.

Примечания

- ¹ *Малышева Д.* Многостороннее соперничество на Каспии // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 2 (20). С. 25, 28, 29.
- ² *Шаймергенов Т.* Геополитика и энергетическая дипломатия в Каспийско-Центрально-Азиатском регионе // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 9.
- ³ *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 134–135.
- ⁴ Договор между Российской Социалистической Федеративной Республикой и Ираном (Персией) // Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., 1946. С. 74–82; Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном (Тегеран, 25 марта 1940 г.) // Сборник торговых договоров и соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству СССР с иностранными государствами (на 1 января 1977 г.). Т. 1. М., 1977. С. 301–313.
- ⁵ *Кушкумбаев С.* Каспий на перекрестке геополитических интересов: нефть, политика, безопасность // Caspian/Kazakhstan. Almaty. 1995. С. 15.
- ⁶ *Мамедов Р.* Современный международно-правовой статус Каспийского моря: политика, дипломатия и право // Право и политика. 2001. № 3.
- ⁷ *Коложный В.* Медлить с определением Каспия опасно // Независимая газета. 2001. 2 октября.
- ⁸ *Эжиев И.Б.* Геополитика Каспийского региона. М.: “Андалус”. 2007. С. 95, 100.
- ⁹ Конституция Азербайджанской Республики. Баку, 1997.
- ¹⁰ *Гнатовская Н.* Статус Каспия и геоэкономические интересы России // Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья. М., 2001. С. 91.
- ¹¹ *Панфилова В.* В Астане продолжают делить Каспий // Независимая газета. 2008. 23 декабря.
- ¹² *Чернявский Е.Б.* Что есть Каспий и как его поделить? // Природа. 2007. № 1.
- ¹³ *Коэн А.* Газовая война России // The Washington Times. 2009. 13 January. США // ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/246605>

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Дефицит водных ресурсов – угроза устойчивому развитию

Назгуль Кожакматова

Жизненные ресурсы всегда были той движущей силой, которая определяла миропорядок. Это простое, но общепринятое правило лежит в основе как геоэкономики, так и геополитики. Борьба за ресурсы диктовала логику расселения человеческого племени, вела первопроходцев и поднимала народы друг против друга. По мере того, как люди осваивали все новые ресурсы, возникали цивилизационные артефакты, определявшие смысл и базовый для определенной исторической эпохи характер отношений между народами.

В разные времена разные ресурсы становились вожаками экспансионистского инстинкта человечества. Пахотная земля, золото, обильные пастбища, лес. Последнее, за что идет схватка – это энергетические ресурсы, нефть и газ. Трудно, но вполне можно представить существование человечества и без нефти, и без леса, как источника технологической древесины, и даже без металла. Но есть два глобальных природных ресурса, без которых человеку не обойтись – это воздух и вода.

В конце XX – начале XXI вв. по мере интенсификации водопользования водная проблема начинает все больше представляться как экологическая: первоначально речь шла о загрязнении питьевых вод, крупных водоемов, морей, а затем и об угрозе полного исчезновения отдельных рек и озер.

Эта проблема многогранна и включает такие аспекты, как:

– дефицит пресной воды, ее загрязнение, а следовательно ухудшение качества воды;

– истощение мировых запасов грунтовых вод;

– проблемы, связанные с ирригацией и возведением дамб, наносящих ущерб окружающей среде;

– негативное воздействие изменения климата на водные ресурсы;

КОЖАКМАТОВА Назгуль Сатындыевна – аспирант Дипломатической академии МИД РФ.

Ключевые слова: водные ресурсы, водохозяйственная проблематика в документах ООН, Большая восьмерка, ЮНЕСКО, ВОЗ, дефицит пресной воды, водный стресс, водный кризис, загрязнение водных ресурсов, использование пресноводных экосистем.

– вопросы совместного использования трансграничных рек. И, как следствие – социально-экономические кризисы.

Поскольку все эти аспекты тесно взаимосвязаны, их следует рассматривать в комплексе.

Запасы мировых океанических и континентальных вод, составляют 1,5 млрд. куб. км.

Доля пресной воды в общем объеме мировых вод составляет 2,53% или 31–35 млн. куб. км. Но воды, заключенные в ледниках, в подземных морях, не доступны для освоения.

Таким образом, человечество условно располагает 0,3% или 93,0 тыс. куб. км. пресных вод, которые могли быть использованы для хозяйственно-экономических целей¹.

Все страны могут быть классифицированы по такому показателю, как водообеспеченность на душу населения (д. н.)². В соответствии с ним страну принято считать:

- бедной, если годовое потребление воды на д. н. меньше 1000 куб. м;
- недостаточно обеспеченной, если годовое потребление воды на д. н. меньше 2000 куб. м;
- богатой, если годовое потребление воды на д.н. превышает 2000 куб. м.

По подсчетам Канадского международного агентства по устойчивому развитию, в начале 50-х годов XX в. существенный дефицит пресной воды (менее 1000 куб. м/чел. в год) имел место в 15 странах мира (Бахрейн, Барбадос, Бурунди, Коста Верди, Кипр, Джибути, Израиль, Иордания, Кувейт, Мальта, Оман, Катар, Сингапур, Тунис, Йемен), большинство из которых находится на Африканском континенте.

К 1990 г. количество таких стран увеличилось до 30. В этом списке оказались Алжир, Египет, Гаити, Кения, Ливия, Мадагаскар, Малави, Марокко, Польша, Руанда, Саудовская Аравия, Сомали, Южная Аф-

рика, Южная Корея, Объединенные Арабские Эмираты.

Количество стран с большим дефицитом воды к 2025 г. увеличится до 51, захватив еще 21 страну (Буркина-Фасо, Китай, Камерун, Доминиканская Республика, Эфиопия, Гана, Индия, Иран, Луанда, Лесото, Мавритания, Нигерия, Пакистан, Перу, Судан, Сирия, Танзания, Того, Уганда, Зимбабве).

Следующий этап 2050 г. – еще 17 стран пополнят ряды нуждающихся в воде (Бельгия, Бенин, Кот де Вуар, Сальвадор, Ирак, Ямайка, Мали, Мавритания, Мозамбик, Нигер, Северная Корея, Сенегал, Шри-Ланка, Таиланд, Турция, Соединенное Королевство Великобритании).

Таким образом, проблема пресной воды становится глобальной, охватывая со временем все новые и новые страны.

Ситуация усугубляется еще и тем, что нарастание дефицита воды повсеместно сопровождается загрязнением располагаемых водных ресурсов из-за антропогенной деятельности человека.

В связи с крайней неравномерностью распределения водных ресурсов в мире и столь же неравномерным развитием экономики значительная часть стран испытывает недостаток воды. В современной науке о воде широко используются термины “водный стресс” (*water stress*) и “водный кризис” (*water crisis*).

Всемирная программа оценки воды (WWAP) дает определение **водного стресса** как нехватку воды удовлетворительного качества и количества для обеспечения нужд людей и окружающей среды, а **водного кризиса** – как текущий распространенный и хронический недостаток безопасного и достаточного количества питьевой воды и канализации с высоким числом случаев водообусловленных заболеваний, раз-

рушением ветландов* и деградацией качества воды в реках и озерах.

Примерно треть населения мира испытывает водный стресс и в качестве критерия стрессированности региона принята удельная (на душу населения) водообеспеченность менее 1700 куб. м в год³.

Во многих работах для оценки водного стресса используют отношение между двумя величинами: водозабором из водных источников и доступ-

ными возобновляемыми водными ресурсами.

Если это отношение менее 10%, то водного стресса нет; если от 10 до 20%, то существует слабая нехватка воды; если 20–40% – умеренная; более 40% свидетельствуют о водном стрессе.

Согласно данным Всемирной комиссии по воде, ожидается, что в 2025 г. более 4 млрд.чел. – половина населения Земли – будут испытывать водный стресс, в частности население стран Африки, Среднего Востока и Южной Азии⁴.

Таблица

Обеспеченность населения водой (по регионам)

Регионы	Обеспеченность водой, % от мирового запаса	Численность населения, % от мирового
Австралия и Океания	5	Меньше 1
Азия	36	60
Африка	11	13
Европа	8	13
Северная и Центральная Америка	15	8
Южная Америка	25	6

Источник: Веб-сайт Регионального представительства ЮНЕСКО и Международной гидрологической программы (МГП) в Латинской Америке и Карибском бассейне.

По данным ЮНЕСКО, обеспеченность населения пресной водой выявляет неравенство регионов, в частности трудное положение в Азии (табл.).

В то же время совокупного количества пресноводных ресурсов теоретически достаточно для жизнедеятельности населения планеты. Таким образом, главный вопрос заключается не в количестве воды, а в управлении ею.

Многие страны испытывают кризис управления в большей степени, чем водный кризис.

Вода затрагивает все сферы человеческой жизнедеятельности – от сельскохозяйственного и промышленного развития до культурных и религиозных ценностей общества. Спрос на воду был и остается движущей силой в истории человечества. Его будущее, без сомнения, связано, прежде всего, с обеспечением беспрепятственного доступа каждого к безопасной для здоровья воде – условию устойчивого развития.

На 58-й сессии Генеральной ассамблеи ООН (декабрь 2003 г.) 2005–

* Ветланд (*wetland*) – болотистая местность.

2015 г. объявили международным десятилетием действий *“Вода для жизни”*. Это важнейшая международная инициатива направлена на достижение Целей Развития, провозглашенных в Нью-Йорке в 2000 г. в Декларации тысячелетия, предусматривающей к 2015 г. сократить наполовину долю населения, не имеющего доступа к чистой питьевой воде, и обеспечить экологически устойчивое управление водными ресурсами.

Многим странам придется провести преобразования институционального, правового, организационно-экономического характера, а также выработать водохозяйственную политику, способную поддержать развитие инфраструктуры водного сектора на различных уровнях управления и сотрудничество в бассейнах трансграничных рек.

Вода – это существенная часть любой экосистемы как с количественной, так и с качественной точки зрения. Сокращение количества и ухудшение качества воды наносит ущерб экологии и неизбежно влечет за собой рост природных катастроф, причем количество наводнений возрастает в тех местах, где обезлесение и эрозия почвы разрушают природные механизмы удержания воды. Осушение заболоченных территорий для нужд сельского хозяйства (в прошлом веке было потеряно 50% земель) и снижение суммарного испарения (в результате расчистки земель) приводят к дальнейшему разрушению природных систем. В будущем это отрицательно скажется на объеме водных ресурсов.

Широкий диапазон видов использования человеком пресноводных экосистем и трансформация пресноводной и наземной сред обитания могут нарушать, порой необратимо, целостность этих экосистем.

К примеру:

- рост населения увеличивает отбор воды и площадь обрабатываемых земель за счет осушения болот;

- развитие инфраструктуры (плотины, дамбы, причалы, обводные каналы и т.д.) изменяет целостность, временной режим и объем речных стоков, температуру воды, перенос питательных веществ и осадков, а, следовательно, и наполнение дельты, затрудняет миграцию рыб;

- выбросы загрязняющих веществ в почву, воздух или воду изменяют химический состав водных объектов и экологию рек, озер и болот;

- выбросы парниковых газов резко изменяют характер стока и количественного распределения осадков.

Сельское хозяйство, включающее в себя земледелие, животноводство, аквакультуру и лесное хозяйство, является главным потребителем водных ресурсов.

Сельскохозяйственные угодья составляют приблизительно 1500 млн. га: из них около 1100 млн. га (73%) возделывают без использования водохозяйственной системы; на 210 млн. га имеется ирригационная система, на 60 млн. га – ирригационная и дренажная, а на 130 млн. га только дренаж.

Орошаемое земледелие использует 70–90% водозаборов из поверхностных или подземных источников воды⁵.

В настоящее время на ирригацию приходится 70% всего отбора воды. В следующие 30 лет объем потребляемой воды увеличится на 14%, поскольку площадь орошаемых земель возрастет еще на 20%.

К 2030 г. будет использоваться 60% всех потенциально пригодных для орошения земель. Из 93 развивающихся стран, исследованных ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), 10 уже используют 40% своей возобновляемой пресной воды для ирригации. Это тот предел, на котором может возникнуть выбор между сельским хозяйством и другими пользователями.

Промышленность, которая играет важную роль в достижении “Целей развития на тысячелетие”, поставленных ООН, требует достаточного количества качественной воды как ключевого сырьевого материала.

Годовое потребление воды на промышленные нужды в мире предположительно увеличится с 725 куб. км в 1995 г. до 1170 куб. км к 2025 г. и составит примерно 24% суммарного водопотребления. Большая часть этого роста придется на развивающиеся страны, где в настоящее время происходит быстрый промышленный рост.

Другой важной проблемой, особенно в развивающихся странах, является *обеспечение населения канализацией* – отводом бытовых сточных вод с территории населенных пунктов.

В городах на 2007 г. проживало половина мирового населения, а к 2030 г. этот показатель вырастет до 2/3, что значительно увеличит потребность городов в воде. При этом примерно 2 млрд. чел. будут проживать в стихийно возникших поселениях и трущобах⁶.

Отсутствие канализации ведет к росту фекального загрязнения поверхностных и подземных вод, снижению качества воды в источниках питьевого водоснабжения, нарушению элементарных санитарно-гигиенических норм.

Вода имеет жизненно важное значение для *выработки энергии* во многих областях, но два важнейших направления ее применения – это выработка гидроэлектроэнергии и использование для охлаждения на тепловых электростанциях (ТЭС). Другие области применения воды, помимо гидроэнергетики, включают использование энергии приливов и отливов, энергии волн и геотермальных источников.

По данным Международного журнала по гидроэнергетике и плотинам, к 2010 г., в сравнение с 1995 г., развертывание гидроэнергетических установок будет расширяться во всех регионах и, в частности в

Африке (в 2 раза – 147 ТВт·ч/год), Азии (в 3 раза – 1000 ТВт·ч/год) и Латинской Америке (в 2 раза – 900 ТВт·ч/год)⁷.

Климат и гидросфера тесно связаны между собой, поэтому изменения в одной из этих систем приводят к изменениям в другой системе. Важной проблемой, связанной с глобальным потеплением, становятся оценки изменений частоты и масштаба опасных явлений (паводков, засух и маловодий), связанных с водными объектами.

Глобальное потепление может повлечь за собой подъем уровня Мирового океана. На его берегах обитает до трети населения Земли, причем большая часть соответствующих поселений размещена в устьях рек, в том числе в дельтах. Уже сейчас в этих районах наблюдаются усиление процессов подтопления и эрозии берегов, более интенсивное проникновение вверх по реке соленой воды из-за повышения уровня приливов и ее вторжения в прибрежные водоносные горизонты.

При повышении уровня океана все эти процессы активизируются. Возрастает риск катастроф и ущерба населению и хозяйству, потребуются разработка мероприятий по защите дельт и побережий.

Важную роль в устойчивом водопользовании играет *правовое регулирование вопросов совместного использования трансграничных рек*, водоразделы которых не совпадают с существующими административными границами.

Межгосударственное использование водных ресурсов имеет достаточно длительную историю.

На высоком международном уровне эти проблемы были подняты во время Венского конгресса 1815 г. и закреплены в его Заключительном Генеральном акте.

Специальные статьи устанавливали правила сбора пошлин и судоходства по пограничным и международным рекам Мозелю, Маасу, Рейну и Шельде; определяли принципы свободного судоходства.

Защите пресноводных бассейнов посвящен ряд конвенций и международных договоров⁸.

В настоящее время в мире насчитывается 263 международных бассейна, которые пересекают политические границы двух или более государств. Эти бассейны, на территории которых проживает около 40% населения планеты, занимают почти половину поверхности земли и содержат около 60% запасов пресной воды. В пределах международных речных бассейнов частично находятся территории 145 государств, а полностью – 21 государство.

Многие регионы и страны, расположенные в низовьях рек, зависят от пользователей, находящихся выше по течению. В свою очередь, страны расположенные в верховьях, могут испытывать трудности в связи с запросами соседей, находящихся ниже по течению.

Справедливое и устойчивое управление совместными водными ресурсами требует наличия институтов, которые способны обеспечить целостный подход к этой проблеме и эффективные методы ее разрешения. Несмотря на возможные трудности, опыт показывает, что при совместном использовании бассейна конфликты, как правило, уступают место сотрудничеству.

Решить проблему дефицита водных ресурсов можно только совместными усилиями. С одной стороны, развивающиеся страны, которые наиболее остро испытывают недостаток водных ресурсов, не могут справиться с этой ситуацией самостоятельно, а с другой – международная дестабилизация, к которой, несомненно, приведет обострение кризиса гидроресурсов, негативно повлияет на развитие и водообеспеченные государства.

Международное сотрудничество является необходимым условием решения глобальной проблемы, обусловленной дефицитом пресной воды.

Начало глобальным мероприятиям по водным ресурсам было положено еще в 1977 г. на конференции в Мардель-Плата (Аргентина). В 1980–1989 гг. проходило Международное десятилетие питьевого водоснабжения и санитарии. Результат этого мероприятия – доступ к чистой пресной воде был упрощен для половины тех жителей планеты, которые страдают от ее недостатка.

В 1992 г. в Дублине (Ирландия) состоялась международная конференция по водным ресурсам и окружающей среде, которая предложила человечеству 4 так называемых Дублинских принципа:

- пресная вода – ограниченный и уязвимый ресурс, необходимый для сохранения жизни, развития и окружающей среды;

- улучшение состояния водных ресурсов и управление ими должно опираться на совместные усилия пользователей, разработчиков планов и политиков на всех уровнях;

- женщины играют главную роль в снабжении водой, управлении водными ресурсами и их защите;

- вода имеет большую ценность для экономики во всех ее конкурирующих областях и должна признаваться экономическим благом.

Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) определила решение водных проблем в качестве необходимого условия устойчивого развития. Этому положению в основной документ конференции – *“Повестка дня на XXI век”*.

Второй Всемирный форум по водным ресурсам в Гааге (2000 г.) и Международная конференция в Бонне (2001 г.) намети-

ли пути улучшения управления водными ресурсами в целях устойчивого развития.

Первостепенное внимание было уделено водным проблемам на Саммите тысячелетия (сентябрь 2000 г.), на который собрались руководители 189 стран-членов ООН.

Среди сформулированных на этом форуме целей развития на ближайшие десятилетия отмечена необходимость “к 2015 году сократить наполовину число людей, не имеющих доступа к доброкачественной питьевой воде, а также к санитарному обслуживанию”.

К Всемирному саммиту по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 г.) Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан сформулировал пять ключевых проблем перехода человечества к устойчивому развитию: вода и канализация, энергия, здоровье, сельское хозяйство, биоразнообразие. В англоязычной литературе используют аббревиатуру *WEHAB (Water and Sanitation, Energy, Health, Agriculture, Biodiversity)*.

Вода здесь поставлена на первое место, так как она является ключевым фактором для решения и всех остальных проблем.

2003 г. был объявлен ООН *Международным годом пресной воды*, в рамках которого было проведено множество национальных и международных мероприятий (научных, общественных, экономических конференций и семинаров).

Необходимо отметить особую роль Всемирного Водного Форума, крупнейшего мероприятия в мире, связанного с водой.

Форум, рассматривая воду как комплексный вопрос, признает, что решение проблем, связанных с ней, требует не отраслевого, а более широкого подхода. Более того, Всемирный Водный

Форум является глобальным мероприятием, нацеленным на тематические и критические водные вопросы и сопутствующие им проблемы.

Уникальность Всемирного Водного Форума также заключается в том, что он позволяет перевести обсуждения между заинтересованными сторонами в обязательства на политическом уровне еще во время подготовки и недели Форума.

На протяжении нескольких лет на Форуме звучали доклады ООН о развитии водных ресурсов в мире. Третий доклад ООН должен был быть представлен в Стамбуле в марте 2009 г.

Интерес к Форуму растет, он становится наиболее признанным мировым событием в своей области: 500 участников в Марракеше (1997 г.) и 2000 участников в Мехико (2006 г.).

Несмотря на достигнутый прогресс, мы далеки от достижения идеала – мира, и поэтому работа Всемирного Водного Совета и Форума должна продолжаться. Форум сосредоточен на критических водных проблемах и если в 2006 г. основной вопрос касался “местных властей”, то сегодня это устранение границ, разделяющих воду – собрать вместе людей из разных отраслей, чтобы сообща найти решения по улучшению доступа к воде и средствам санитарии для всех.

5-й Всемирный Водный Форум (Стамбул, 2009 г.) направлен на “наведение мостов” между всеми регионами, а также научно-техническими и политическими кругами на всех уровнях. По существу, для обеспечения успеха Форума главное – сбалансированное участие молодежи, НПО, женщин и т.д. в обсуждении важных проблем и принятии общих решений.

Основные темы 5-го Форума:

1. Глобальные изменения и управление рисками – адаптация к изменению климата; миграция и изменение земле-

пользования; образование новых населенных пунктов, связанное с потреблением водных ресурсов; смягчение последствий стихийных бедствий.

2. Содействие развитию человека – обеспечение водоснабжения, санитарии и гигиены для всех; создание соответствующей инфраструктуры и общественного здравоохранения в ближайшем будущем; вода для энергии, энергия для воды; вода и продовольствие для искоренения нищеты и голода; разные виды водопользования.

3. Управление и охрана водных ресурсов и системы водоснабжения для обеспечения потребностей людей и природы – управление бассейном и трансграничное водное сотрудничество; обеспечение водой и инфраструктурой ее аккумулирования для удовлетворения потребностей сельского хозяйства, энергетики и городов; охрана естественных экосистем; управление и охрана поверхностных, подземных и дождевых вод.

4. Руководство и управление – реализация права на воду и санитарии для расширения доступа; повышение эффективности с помощью регулятивных подходов; этика, прозрачность и расширение возможностей заинтересованных лиц; институциональные механизмы эффективного управления водой.

5. Финансирование – устойчивые источники финансирования местных водохозяйственных органов и систем; стратегии ценообразования для обеспечения справедливости и устойчивости; политика и стратегии по улучшению положения бедных слоев населения.

6. Образование, знания и развитие потенциала – стратегии образования и развития потенциала; наука и техника по воде: соответствующие и инновационные решения для XXI в.; использование профессиональных сетей и ассоциаций для укрепления водного сектора.

Проблемы, связанные с потреблением воды и ее дефицитом, настолько обострились в последние десятилетия, что стали одним из самых значимых свидетельств общего кризиса цивилизации. Они являются фактором, сдерживающим развитие многих стран, источником межгосударственных конфликтов и нестабильности.

Дефицит воды снижает качество жизни и наряду с бедностью становится причиной антисанитарии и роста заболеваемости населения. Деграция многих водных объектов – это, может быть, самый яркий индикатор общего экологического неблагополучия на планете.

Мировое сообщество должно разработать и использовать меры по интернализации внешних эффектов, прежде всего экологических, связанных с потреблением воды в мировой экономике. Без этого значительная часть стран третьего мира не преодолеет стагнации и останется источником глобальной неустойчивости.

Примечания

¹ Вода для людей, вода для жизни. Доклад ООН о состоянии водных ресурсов мира. Обзор (Программа оценки водных ресурсов мира). М.: “Весь мир”. 2003.

² Republic of Turkey, Ministry of energy and natural resources. General directorate of state hydraulic works (DSI), 1954–2005 DSI in brief. Ankara, 2005.

- ³ Entekhabi D., Asrar Ch., Betts A.K. et. al. An Agenda for Land Surface Hydrology Research and Call for the Second International Hydrological Decade // Bull. Amer. Meteorol. Society. 1999. 80. № 10. P. 2043–2058.
- ⁴ Water Resources Sector Strategy. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, 2004. P. 5.
- ⁵ Зиммер Д., Шульц Б., Хофвеген П., ван, Рено Д. Сельское хозяйство, продовольствие, вода. Концепция для подготовки к 5-ому Всемирному Водному Форуму 16–22 марта 2009. Стамбул, Турция // http://www.cawater-info.net/5wwf/agriculture_food_water/index.htm
- ⁶ Water a shared responsibility – 2006. The United Nations World Water Development Report 2 // Вода – общая ответственность. Второй доклад ООН об освоении водных ресурсов мира – 2006 год. (Публикуется один раз в три года, следующий выпуск в марте-апреле 2009 г.).
- ⁷ Water Power and Dam Construction, 1995 // International Journal on Hydropower and Dams. 1997.
- ⁸ Литувев В. Проблемы регулирования использования водных ресурсов // Обозреватель–Observer. 2008. № 1(216). С. 111–117.

**Подписка на 2009 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге “Газеты и журналы”
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Является ли глобализация началом новой эры человечества?

Иван Дзуриндин

Феномен глобализации в нынешней форме является дальнейшей эволюционной ступенью развития человеческого общества, несущей печать империализма и неолиберальной демократии. Это объективный диалектический процесс превращения транснационального капитала в более широкую, глобальную форму. Внутри этого процесса одновременно возникают противоречивые силы протеста самых различных модификаций, согласно разнообразному характеру формирующихся цивилизаций, то есть собственной европейской интеграции, России, Китая, стран АСЕАН и др.

В рамках этого пестрого развития все более явной становится преобладающая тенденция по-новому перекроить геополитическую карту планеты. Однако это не должно происходить под исключительным руководством США, а только во взаимодействии новых субъектов международного права и, естественно, не в ущерб более 150 прочим малым и средним странам.

Для относительно слабых государств глобализация проявляет себя как возможность укрепить свою незначительность общим авторитетом интегрированного сообщества в рамках делегированного (отданного) суверенитета (или его части), как декларируемая возможность удовлетворить в

координации с прочими и свои собственные законные притязания.

Определенные признаки глобализации, или объединение человеческих сообществ в более крупные формирования, известны с первоначальных форм цивилизационного развития человечества.

ДЗУРИНДИН Иван – журналист-международник (Братислава, Словакия).

Ключевые слова: глобализация, военное доминирование США, суверенитет, цивилизация, насилие.

В настоящий момент этот процесс “объединения” вырастает до всемирного масштаба. Происходит это благодаря повсеместному присутствию транснациональной инфраструктуры империалистического капитала, а также в результате информационно-коммуникационной революции.

Глобализация ныне создает новую арену для продолжающейся борьбы между США и прочими существующими или зарождающимися державами.

Согласно некоторым авторам, глобализационные процессы должны были в конечном итоге привести к созданию единой системы, если бы роль государств взяли на себя межгосударственные институты, главным образом, транснациональные корпорации.

Системное равновесие обеспечивалось бы не равновесием власти государств, а густой сетью взаимосвязей и взаимозависимостей. Политической целью новой системы должен был стать рост благосостояния населения планеты через экологически и социально сбалансированное развитие всех регионов.

Но, как говорит другой автор¹, “национальные государства никогда не демонстрировали чрезмерное желание отказать от суверенитета в пользу глобальных институтов”. “Поэтому мы не находим свидетельств того, что должно возникнуть некое всемирное правительство, некое всемирное управление планетой, несмотря на то, что многие визионеры считают такое направление развития мировых процессов неизбежным”².

“Освобождение рынка от политического надзора привело бы к катастрофе. Последовавшие вслед за этим экономические действия, которые бы не были ничем ограничены, растратили бы все – окружающую среду, культурное наследие и человеческие взаи-

моотношения”, и утвердили бы “глобальную систему с неолиберальной экономикой, с абсолютным правлением олигархических монополий, в которой государство бы полностью слилось с абсолютной властью свободного рынка, а неолиберальная демократия регулировала бы общественные отношения”, – говорит А.Гельнер³.

Естественно, это является мечтой олигархов, но объективно звучит как нонсенс. Такая явная игра диалектических законов в одни ворота исторически невозможна.

Однако мы встречаемся и с другими точками зрения на глобализацию.

Будет ли это “объединение мира” под руководством одной сверхдержавы с ее интересами и соответствующими негативными сторонами, или это будет “глобальный конгломерат” крупных региональных формирований или “цивилизаций” с сохранением собственного государственного суверенитета и особенностей, или это будет единая конфедерация государств под управлением ООН?

Нам кажется, что политологи видят в будущем скорее мультивекторный (но определенно не биполярный) мир, в котором все будут объединены не только глобальной экономикой и коммуникационной инфраструктурой, но, прежде всего, общей борьбой с глобальными экологическими и гуманитарными проблемами. Сегодня такой проблемой стал всемирный финансово-экономический кризис, обозначенный как *made in USA*.

Авторы-оптимисты утверждают, что в будущем нас ждет ослабление международного напряжения, потому что “государства постепенно будут принимать принципы либеральной демократии”^{*} и будут объединены глобализационным процессом (Т.Фридман).

^{*} Концепция “Конца истории как победы либерализма” принадлежит Ф.Фукуяме.

Политологи-реалисты утверждают, скорее, противоположное. Они говорят об угрозе всемирной конфронтации между обществами на основе культурно-цивилизационных⁴, социально-экономических⁵ или властных интересов (Р.Купер).

Я склоняюсь к мнению, что представления о том, будто глобализационный процесс создаст предпосылки для новой, доселе неизвестной идеальной формы управления миром, не имеет под собой оснований не только потому, что они потребовали бы тотального экономического и идеологического отстранения империализма, но и потому, что это противоречит извечному принципу борьбы противоположностей и закону неравномерного развития.

Здесь также действует диалектический принцип, согласно которому “ведущие элиты национальных государств добровольно никогда не откажутся от своего положения в пользу неких глобальных институтов, если только сами они не будут являться их частью”. Но они совершенно точно не возражают против распространения морального нигилизма и космополитизма, которые являются благоприятной почвой для идеологии неолиберальной демократии или условием для вечного разделения общества на “богатых и тех, кто на них будет работать”.

Представление о некоем линейном развитии по направлению к коллективной безопасности не отвечает характеру международных отношений и в долгосрочном глобализационном плане, потому что не существует всеми признаваемого общего центра, который бы мог, пользуясь поддержкой абсо-

лютного большинства, диктовать коллективные правила игры.

Сегодня, впрочем, как и в будущем, миру угрожают экологические катастрофы и кризисные волнения планетарного масштаба.

Эти проблемы вызваны огромной социальной разницей между сверхбогатой транснациональной олигархией и массой всех прочих творцов материальных и духовных ценностей.

Ширится угроза религиозного и этнического терроризма и социальной чумы.

иися условия глобальной окружающей среды с недостатком чистой питьевой воды, воздуха и продовольствия, опасную демографическую кривую с преобладающей тенденцией вытеснения существующих цивилизаций массами асоциальных элементов (целым набором преступных группировок, мафии, коррупции, торговли наркотиками и проституцией), постоянное проникновение криминальных структур в органы госуправления – действительно, наиболее сильные государства должны опомниться и начать использовать свой авторитет и огромный экономический потенциал для борьбы с этой глобальной раковой опухолью. Но все свидетельствует о том, что это еще весьма отдаленная перспектива.

Противоречивое развитие человечества свидетельствует о том, что мир скорее идет по пути дальнейшего внутреннего дробления, нежели объединения, так что в ближайшем будущем вряд ли дело дойдет до подлинного глобального единения, даже если бы мы ждали, что оно должно произойти под диктовку одной страны, которая, как мы знаем, уже не в состоянии удерживать свое доминирующее положение.

* Это концепт Ф.Фукуямы “конца истории как победы либерализма”.

ние сильной и притягательной сверхдержавы.

Мир снова переживает перегруппировку на большое число национальных или интегрированных цивилизаций по типу США, ЕС, России, Китая, Индии, арабско-исламской цивилизации, некоего африканского объединения или латиноамериканской интеграции.

Об этом пишет С.Хантингтон, добавляя, что “наиболее значимое разделение мира уже сегодня не имеет форму трех блоков, как это было в период холодной войны, скорее, можно выделить семь или восемь главных цивилизаций”⁴.

Однако мнение о том, что американская гегемония еще продлится некоторое время, имеет под собой основание, хотя бы по причине раздробленности остального мира и его неспособности самостоятельно вести борьбу с проблемами общепланетарного характера. Это определяет продолжающуюся зависимость от все еще более компактной и более сильной Америки.

На данном этапе развития, без сомнения, США удерживают ведущие позиции в мире. Там власть находится в руках сильнейшего международного олигархического капитала и хорошо организованного военно-экономического комплекса.

История нас, впрочем, учит, что ни одно государство не существует вечно и что “продолжительное доминирование экономической, военной и политической силы в процессе неравномерного развития человеческих сообществ и общественных формаций зависит не только от убедительной текущей экономической и военной мощи, но также от технологического, экономического и демографического развития, как и от культурно-психологических предпосылок данного общества принимать инновации и реформы”⁶.

Возникновение нынешней американской гегемонии определили такие факторы, как:

- распад СССР;
- разрушение социалистического лагеря;

- прекращение международного коммунистического движения с его неубедительной теорией диктатуры пролетариата;

- прекращение действия Варшавского договора;

- роспуск СЭВ;

- проигрыш социалистической системы управления экономикой и обществом в состязании с тогдашней либеральной моделью;

- одновременное глубокое падение экономической и политической мощи Москвы и всех ее бывших союзников на мировой арене.

В то же время США остались практически не задеты кризисом.

Мы можем вспомнить:

- о сохранении и дальнейшей экспансии агрессивного неолиберализма;

- о расширении деятельности НАТО;

- об укреплении власти транснациональных монополий;

- о сохранении военно-экономического преимущества;

- о значительном усилении связей с Европой и союзниками на других континентах.

Существующее положение дел таково, что в данный момент никто не может серьезно противостоять деятельности США.

Идеалы коллективной безопасности, воплощенные в Уставе ООН, таким образом, пришли в противоречие с реальностью равновесия власти, основанного на доминировании уже только одной сверхдержавы.

После распада СССР американский транснациональный капитал целенаправленно стремился к полной дегра-

дации ослабленной России, чтобы свести ее роль к уровню государств третьего эшелона. Он:

- способствовал дезинтеграции его практически независимых субъектов Федерации;

- поддерживал полную либерализацию и приватизацию огромного экономического богатства страны, особенно ее важнейших энергетических ресурсов;

- добивался ослабления военно-стратегического комплекса;

- способствовал укреплению связи влиятельных нуворишей из центра и регионов России с собственным транснациональным капиталом.

Одновременно с этим американский капитал постоянно стремится принудить многонациональное русское общество отказаться от глубоко укорененных связей в рамках традиционной коммунальной демократии и солидарности, которые исторически подтверждают духовную силу русского общества, и навязать ему свою деструктивную неолиберальную американскую демократию с ее псевдоценностями, которые самобытная русская культура никогда не сможет понять и уж тем более принять.

И здесь современная Россия встречается с феноменом чуждого ей “третьего сектора”, с политическими НПО, которые в большом количестве хотели организовать их мировые неолиберальные штаб-квартиры с одной единственной целью: развратить русскую централизованную систему власти и оставить “суверенные децентрализованные субъекты Федерации” с ориентацией капитала на существующие транснациональные монополии США.

Сюда же логически относится и так называемая “доктрина Буша”, известная под названием “Национальная стратегия безопасности США”.

Это программа использования собственных сил для расширения американских ценностей, борьбы с террориз-

мом и государствами, стремящимися получить оружие массового уничтожения. Коротко, смысл ее в том, что они сами хотят принимать решения об использовании своей военной мощи⁷.

Однако США уже явно не хватает собственных сил для насаждения неолиберальной модели во всем мире. Поэтому они стремятся включить в этот процесс и дружественные “демократии” прочих неолиберальных государств, включая молодые “демократии” на постсоциалистическом пространстве. Чтобы они действовали не от имени иностранного транснационального капитала, а от имени собственной идеологии “демократии и прав человека” посредством неолиберальной “гуманитарной интервенции” против “диктаторских” режимов государств, которых так заклеили центры властно-стратегического капитала.

Список неблагоприятных режимов меняется и дополняется по мере того, как развивается конкретная ситуация в конкретном стратегическом пространстве. Сегодня это Ирак и Афганистан, где идет горячая война, а также Россия, Китай, Белоруссия, Куба, Венесуэла, Вьетнам, а также режимы в иных странах, где мировая неолиберальная демократия проводит свою “гуманитарную интервенцию” под разного рода лозунгами.

Завтра это могут быть совсем другие государства, которые захотят выйти из-под влияния транснационального капитала в стремлении сохранить свои природные ресурсы и экономику, а возможно, и вступить в совсем другие союзы.

Учитывая то, что Совет Безопасности ООН не слишком желает одобрять односторонние военные акции западных неолибералов против мифических целей, крупный капитал стремится расцветить свои интервенции флагами дополнительно завербованных сторонников.

Могущество Америки выросло, прежде всего, в многолетнем состязании двух сверхдержав – СССР и США, причем СССР в результате потерпел поражение.

Но, как пишет Р.Купер, этому способствовали: “утрата тоталитарной идеологией (коммунизмом) влияния, триумф либеральной секулярной демократии, связанной с идеей рыночной экономики, и наступление исламского фундаментализма”⁸.

Американский автор говорит о концепции создания новой либеральной империи, которая могла бы установить порядок во всем мире. Он имеет в виду, естественно, что такой империей могут быть в нынешней ситуации только США!

Но смена биполярного мира на мировое господство капиталистической олигархии с США во главе и формальное окончание холодной войны вовсе не означает, что эта аномалия продлится долго.

Последствия диалектического закона на неравномерности развития не заставят себя ждать.

Россия после перестановок в Кремле относительно быстро вышла из отчаянного общественного кризиса и угрозы полной дезинтеграции и сегодня постепенно набирает силу не только вследствие улучшений в макроэкономике и военном комплексе, но, прежде всего, благодаря растущей независимости от деструктивной деятельности неолиберальных концепций иностранных советчиков.

Если сегодня еще не все считаются с возвращением России на позиции, сравнимые с США, то нынешние тенденции выхода из глубокого кризиса не только финансового, но и общественно-морального являются важным производственным того, что время абсолютного доминирования США постепенно отходит в прошлое.

Здесь можно только вспомнить старую истину, что “Рим погиб из-за капризного богатства, показной мощи на чужой территории и горделивого превосходства своих правителей”. Я убежден, что те же самые исторические пороки приведут к упадку США!

Военное доминирование США подтверждается сравнением расходов на армию и вооружение.

Во второй половине 90-х годов на США приходилось примерно 37% мировых военных расходов, на втором месте была Россия с примерно 6%, на Францию, Японию, Великобританию приходилось по 5%⁹.

Данная статистика подтверждает, что США и в 2005 г. оставались ведущей военной силой, поскольку их расходы на ВПК составили 47% мировых военных бюджетов.

Но текущие кризисные явления предупреждают нас о совершенно ином развитии в будущем.

США будет трудно совладать с реальным спадом американской экономики, равно как и с падением морального и военного авторитета, связанного с неизбежным снижением уровня жизни, внутренней безопасности и раздутого социального обеспечения. Подобные спады всегда вели к росту социального напряжения и волнений, недоверия к собственным руководителям и все более слышным требованиям смены общественной системы.

В этой ситуации в течение ближайших 20 лет совершенно реально можно предполагать, что к США по показателям ВВП и экономической силы могут приблизиться Китай, Россия и прочие крупные государства, причем интегрированная Европа уже сегодня догоняет Америку по уровню жизни.

Современная тенденция развития международных отношений свидетельствует о том, что американская монополия власти определенно вступи-

ла в фазу постепенного разложения, и это влечет за собой глобальные последствия.

При этом американская внешняя политика продолжает, как ни в чем ни бывало, преследовать чисто американские представления о неолиберальных моральных ценностях, которые она навязывает всем прочим¹⁰.

“Это не означает, что американские приоритеты всегда враждебны по отношению к прочему миру. Однако подобная негибкость и неуважение к правилам, признаваемым другими государствами, которые коренятся в глубоком убеждении о моральном превосходстве Америки, должны закономерным образом восприниматься другими государствами как проявление некооперативности, безответственности и угроза”¹⁰.

Американские политики по-прежнему стремятся сами определять мировую политику – в лучшем случае с учетом сильнейших партнеров по НАТО, потому что их “различные военные, политические и экономические альянсы часто служат лишь инструментом для сохранения доминирования Америки”¹¹. Они не желают признать, что американский исключительный интерес по превращению НАТО в сильную военную организацию с включением всех развитых “демократических стран” сохраняется, естественно, только до тех пор, пока НАТО будет поддерживать США во всех их стратегических задачах и предпринимаемых действиях. Иначе НАТО может превратиться в бездейственный клуб генералов-ветеранов.

Однако было бы весьма некорректно и несправедливо по отношению к самой Америке, к ее многонациональному, многорасовому, мультикультурному и мультисоциальному обществу не вспомнить тот факт, что Америке было всего 10 лет, после объявления независимости в 1776 г., когда она ста-

ла маяком демократии и прибежищем для миллионов бесправных переселенцев, опорой множества народно-освободительных движений на всех континентах и вдохновляющей силой для развития всесторонней креативной человеческой инициативы. И это несмотря на то, что американская демократия родилась в серьезных противоречиях между провозглашаемыми лозунгами, кровью и огнем.

Демократическая Америка дала миру в некоторых областях человеческой деятельности больше образцов, чем все прочие континенты вместе взятые.

Но Америка никогда не была культурно-социальным монолитом; скорее, она представляла собой многоуровневое общество с множеством достоинств и недостатков, с сильными идеями солидарной помощи всем нуждающимся. Америка была оплотом свободы, демократии и либерализма, и до сих пор она привлекает людей развитостью своих социальных и общественных институтов.

К сожалению, в послевоенные годы, когда вместе с неолиберальной демократией к власти пришел хищный монополистический империализм, имидж страны изменился.

Сегодня рядовые американцы сами чувствуют, что ее экономика ослаблена, а внешнеполитическое и военное преимущество практически исчерпано.

Кое о чем свидетельствуют и нынешние президентские выборы, в которых оба кандидата признали, что США не могут и дальше односторонне решать глобальные международные проблемы и вынуждены искать партнеров.

Кроме того, одновременно поднимают голову новые державы, которые несут на себе печать бывшей империалистической большой политики и могут более действенно концентрироваться на собственном развитии и гармоничном сотрудничестве с прочим миром.

США будут все больше зависеть от широкого сотрудничества с равноценными партнерами, если они хотят успешно противостоять глобальным мировым проблемам. Чем скорее они это поймут, тем более успешным может быть их сотрудничество с остальным миром.

Самой важной актуальной миссией наблюдателей за американскими реалиями станет тогда объективный критический анализ диалектического преобразования: либеральная демократия и либеральная экономика, развитие которых вывело США на уровень мировой сверхдержавы, вступив сегодня (как исторические категории) в форму империалистического неолиберализма, утратили исходную движущую силу и стали причиной эволюционного разворота, схода с пьедестала образцовой сверхдержавы.

Сегодняшний кризис американского авторитета начался с проигрыша кровавой войны во Вьетнаме и продолжился потерпевшими неудачу авантюрами против Кубы и Никарагуа, провалом высадки в Иране, контрпродуктивными действиями в Африке, Латинской Америке и в юго-восточной Европе, сомнительной деятельностью большой коалиции в Ираке, финансовым кризисом в юго-восточной Азии и т.п.

Мы видим это и сегодня – в опасном непонимании сущности противостояния в Афганистане и в Ираке, в постоянном разыгрывании “гуманитарной интервенции” против России, Китая, но особенно против Кубы, Белоруссии, Вьетнама и Венесуэлы.

К сожалению, в данных вопросах США все-таки нашли способ заручиться поддержкой неолиберальных НПО и их “специалистов” в бульварной прессе, а также некоторых европейских политиков, в том числе отдельных представителей словацкого парламента, что особенно поражает.

Миру становится ясно, что сегодняшние международные финансово-экономические потрясения коренятся в неконтролируемом росте транснациональных корпораций и в переоценке американского финансового капитала. Именно он своим многолетним вмешательством вызвал несколько менее крупных, локальных финансовых потрясений в Латинской Америке и в Африке, а также спровоцировал крупный азиатский финансовый кризис 1994–1995 гг., когда особенно “отметились” такие институты, как Всемирный банк и Международный валютный фонд.

Сегодняшний кризис на американском финансовом небосклоне ширится по всему миру, как раковая опухоль.

Сейчас мы можем видеть, как глубоко транснациональный капитал пустил корни по всей мировой финансовой инфраструктуре.

Именно частные монополии, которые десятилетиями обвиняли “государство” в некомпетентном регулировании высших финансовых институтов и крупных государственных предприятий, стоят на коленях и умоляют то самое “государство” о спасении.

Естественно, это все притворство.

Олигархический финансовый капитал давно уже связан с американским государством, так что в случае “нужды” они знают, к кому обратиться! То же самое делают и лидеры Европы и Азии, спасая “свои” финансовые общества.

Этот кризис, как нам кажется, определенно понизил столетний авторитет доллара и стабильность американского неолиберального рынка, а также связанной с ним международной финансовой системы.

Другой причиной нынешнего (явно не последнего) американского кризиса является гордыня и ненасытность американской финансовой олигархии и ее

менеджмента, пожирающего своими зарплатами, бонусами и праздной роскошью не только дутую прибыль, но и сам капитал.

Сыграла свою роль, как мне кажется, и мещанская болезненная привычка большей части американского населения поддерживать свой высокий жизненный уровень за счет крайне доступных потребительских кредитов и ипотеки, то есть жить за пределами возможностей собственных реальных источников дохода!

Если к этому добавить тот факт, что подобная мораль характерна для всего, а не только американского, финансового мира, легко можно себе представить последствия кризиса для прочих неолиберальных государств.

Известно, что экономический рост является одним из главных инструментов сохранения внутривластного мира.

Благосостояние, однако, имеет склонность концентрироваться, и при торможении экономического роста бремя компенсации перекладывается на плечи представителей менее обеспеченных слоев.

По мере усиления эксплуатации это может легко перейти в глубокое социальное напряжение или даже спровоцировать общественный кризис, последствия которого никто даже представить себе не может!

Огромные денежные “инъекции”, которые использовали отдельные государства и ЕС для помощи частному финансовому сектору, не уничтожат саму бактерию финансовой заразы,

они могут лишь смягчить кризис или отдалить его на время, но совершенно точно тяжелым грузом лягут на плечи налогоплательщиков.

Видный словацкий экономист Станек так скептически выразился в вечернем ток-шоу 12.10.2008 г. на словацком телевидении: “Нынешний кризис банковского капитала не решить правительственными долларовыми вливаниями.

Кризис не ослабляется, но лишь начинает развиваться, потому что в него вступают и прочие сегменты безответственной финансовой политики, каковыми являются потребительские кредиты, кредитные карты и огромные расходы на менеджеров”.

Совершенно оправданно мы можем ожидать, что одним из позитивных результатов ослабления США будет возврат к реальному взгляду на остальной мир и на право других наций и государств жить в соответствии с собственными традициями и собственными историческими ценностями!

Это значит, натиск ослабнет, но полностью ли прекратятся “гуманитарные интервенции”?

В конце статьи я хочу заметить, что нынешняя неолиберальная Америка уже теряет моральное, да и реальное право с помощью насилия утверждать собственную модель в качестве единственного образца для всего мира, особенно в области “неолиберальной демократии” и “прав человека”.

Но американская гегемония кончится не раньше, чем остальные страны в своем развитии приблизятся к ее силе и размаху – по отдельности или объединившись.

Примечания

¹ Фальк Р. Возрождая международное право. Эймс, Айова: Изд-во государственного университета Айовы, 1989.

² Хмелар Э. Рассказ об объединении человечества. Изд-во Союза словацких писателей, 2001.

³ Гельнер А. Условия свободы. Брно: Центр исследования демократии и культуры, 1997.

- ⁴ Хантингтон С. Встреча цивилизаций. Прага: Рыбка Паблишер, 2001.
- ⁵ Кеннеди П. Мир в XXI веке. Прага, 1993.
- ⁶ Даймонд Д. Судьбы человеческих сообществ. Прага: Колумбус, 2000.
- ⁷ Сборжил З. Стратегия национальной безопасности США // Международная политика. 2003. № 1. Прага.
- ⁸ Кулер Р. Новый либеральный империализм // Обсервер. 07.04.2002.
- ⁹ Крейчи, 2001. Сноска 89. С. 426.
- ¹⁰ Шмигула Д. Использование силовых методов в международных отношениях. Братислава, 2007. С. 94.
- ¹¹ Матцнер Э. Однополярный мировой порядок. Сомбатхей: Савария Университи Пресс, 2000.

**Подписка на 2009 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Ближний Восток: тяжелое наследие для Барака Обамы

Александр Вавилов

В ряду множества трудных проблем, доставшихся новому президенту США Б.Обаме от его предшественника, ближневосточные по своей сложности, запутанности и многообразию занимают особое место.

В этом регионе, как нигде, рельефно проявились геостратегические и политические просчеты и провалы прежней республиканской администрации, бесславно сошедшей с арены мировой политики и рискующей стать, по оценкам многих американских политологов, самой неудачной администрацией в истории США. Не случайно две сотни американских ученых с различными политическими симпатиями и предпочтениями, подводя неутешительные итоги восьмилетнего пребывания Дж.Буша у кормила власти, единодушно поместили его в конец цепочки американских президентов, умозрительно выстроенных в порядке их значимости и вклада в наращивание могущества и влияния США в мире.

Еще более удручающими оказались результаты опросов, проведенных ведущими телеканалами США накануне инаугурации 44 президента.

Положительно деятельность его предшественника оценили лишь рекордно низкие 22% опрошенных, тогда как 72% – однозначно выразили свое отрицательное отношение¹.

Туманные горизонты Ирака

Одним из убедительных примеров неудач ближневосточной, да и всей внешнеполитической стратегии администрации Дж.Буша является трагедия Ирака. Американцы правдами и неправ-

дами сумели сравнительно легко свергнуть диктаторский режим С.Хусейна, но не смогли заложить основ для построения новой страны, оставив ее в разрушенном состоянии.

ВАВИЛОВ Александр Иосифович – доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор.

Ключевые слова: ближневосточная политика Дж.Буша, задачи администрации Б.Обамы по решению региональных и общемировых проблем.

Уходя с политической сцены, Дж.Буш не зря сокрушался о своем опрометчивом появлении на борту американского авианосца, возвращавшегося 1 мая 2003 г. из зоны Персидского залива с хвастливой надписью на растяжке “Миссия выполнена”. Конца ей до сих пор не видно.

Неслучайно поэтому новый президент в первый же свой рабочий день призвал в Белый дом военных руководителей для обсуждения далекого от нормализации положения в захваченной стране.

Многое по этому поводу ему смог поведать Р.Гейтс, сохранивший в новой администрации пост министра обороны и весьма осторожно оценивающий перспективы скорого ухода из Ирака.

Под финиш своего пребывания на президентском посту Дж.Бушу и его соратникам с немалым трудом за долгие 8 месяцев сложных переговоров удалось протолкнуть соглашение с ими же назначенными властями Ирака о статусе американских войск в этой стране, предусматривающее их вывод из ее городов к середине лета текущего года и окончательный уход к концу 2011 г.

Отметим в этой связи, что американцам, в конечном счете, пришлось таки определяться с графиком пусть постепенного и с многочисленными оговорками, но вывода войск, на необходимость которого как одного из главных факторов нормализации положения в Ираке с самого начала оккупации неизменно указывала Москва.

Это соглашение было с помпой подано американской официозной пропагандой как успешное завершение “демократизаторского похода” в Ирак, начавшегося в марте 2003 г. и неожиданно для Вашингтона затянувшегося на долгие годы.

Однако, когда стихли триумфальные фанфары и литавры, все более явно стали слышны более взвешенные и реалистичные оценки его перспектив со стороны трезвомыслящих американских и зарубежных политологов, в особенности ближневосточников.

Оптимизма поубавилось и после осторожных прогнозов некоторых иракских официальных лиц, к примеру правительственного представителя А.ад-Даббага, который в одном из своих публичных выступлений в пику всем графикам и прикидкам аккуратно намекнул на возможность сохранения американского военного присутствия в Ираке и после 2011 г. еще лет на 10 (!) из-за тяжелой разрухи и расстройств всех сторон жизни общества в результате многолетней иностранной оккупации².

На не в меру разговорившегося иракца, разумеется, зашикали, заявив, что он выразил лишь свое личное мнение, ему даже самому пришлось письменно отречься от пессимистических прогнозов.

Но тут его неожиданно поддержал никто иной как сам командующий американскими войсками в Ираке генерал Р.Одиерно, предположивший, что им придется оставаться в иракских городах и после июня 2009 г. из-за сложности обстановки и сохраняющихся угроз безопасности как для американцев, так и для иракцев³.

Опровержений мрачным прогнозам генерала с американской стороны не последовало.

Перспективы развития ситуации в истерзанной стране после эвентуального ухода американцев (Б.Обама в ходе предвыборной риторики обещал осуществить его еще раньше – за 16 месяцев) выглядят весьма мрачными и неопределенными.

Симптоматично в этой связи, что, ознакомившись поподробнее с положением дел в Ираке, Б.Обама устами своего госсекретаря, экс-первой леди Х.Клинтон, кстати, рьяно ратовавшей в свое время за вторжение в Ирак, обозначил вывод американских войск оттуда своей приоритетной задачей, которая будет осуществляться, однако, в строгом соответствии с заключенным соглашением, то есть в лучшем случае через 36 месяцев⁴.

Обстановка заставила Б.Обаму в случае с Ираком отойти от благоразумно занятой до инаугурации несколько отстраненной позиции (“в Белом доме должен быть один президент”) и еще 12 января направить с заранее необъявленным визитом в Афганистан и Ирак будущего вице-президента Дж.Байдена для более подробного ознакомления с запутанной ситуацией на месте⁵.

Об этом деятеле в Ираке были наслышаны.

Еще в 2006 г., в разгар кровопролитной и ожесточенной войны “всех против всех”, он выдвинул в качестве панацеи пресловутый план кантонизации страны, предусматривавший ее фактический развал на три части – шиитскую (юг), суннитскую (центр) и курдскую (север).

Родившийся за океаном замысел, грозивший внести существенные и опасные изменения в сложившийся баланс сил в регионе, вызвал резкое неприятие как в Ираке, так и по всему арабскому миру. Иракцы не преминули это припомнить будущему вице-президенту, и в ходе встреч и бесед пришлось неоднократно открещиваться от своих недавних рискованных планов.

Нынешний заметный спад террористической активности вполне может оказаться лишь обманчивым затишьем перед очередным порывом бури.

Терракты, несмотря на все победные реляции оккупационного командования, продолжаются, унося все новые и новые жизни. Более того, к их осуществлению все чаще “Аль-Каида” и другие террористические организации, расплодившиеся в многолетнем хаосе, вызванном оккупацией и параличом госаппарата, привлекают женщин и детей, вызывающих меньше подозрений.

Отнюдь не случайно поэтому в иракских силах безопасности формируются специальные женские подразделения для беспрепятственного (в глазах мусульманского общественного мнения) досмотра подозрительных женских фигур, закутанных по местным обычаям с ног до головы в черное.

В ряде городов американцы запретили ношение любого, даже игрушечного (!) оружия, которое на расстоянии можно принять за настоящее.

Такие “превентивные” меры свидетельствуют о сохраняющемся высоком градусе напряженности обстановки и нервозности “освободителей”⁶.

Об этом можно судить и по кровавому инциденту, произошедшему в первый день 2009 г., когда вступило в силу американо-иракское соглашение о статусе войск.

На мосту в центре Багдада среди бела дня американские солдаты открыли огонь по приближавшей к ним женщине, оказавшейся сотрудницей одной из столичных телестанций.

В результате проходная была тяжело ранена и инцидент, разумеется, получил широкий негативный резонанс.

Американская сторона не потрудилась подробно объяснить местным властям и общественности причины случившегося, сославшись лишь на “подозрительное поведение” женщины и на то, что “военнослужащие действовали в пределах необходимой самообороны”⁶.

По сути дела, все взрывоопасные проблемы, всплывшие на поверхность

после свержения прежнего режима, за 6 лет американской оккупации решить не удалось, что грозит новыми вспышками ожесточенного и кровопролитного противоборства.

Многолетнее хозяйничанье США “огнем и мечом” в покоренной стране привело лишь к еще большему обострению и укоренению старых и появлению новых конфликтов. Американцы по существу стали в Ираке, как и повсюду на Ближнем Востоке, да и в мире в целом заложниками пороков политики Белого дома на протяжении 8 лет правления Дж.Буша.

В Ираке Б.Обаме и его команде придется распутывать целый клубок накопившихся проблем.

Одна из них: как примирить или хотя бы сгладить *конфессионально-политические противоречия между суннитами и шиитами*, уходящие корнями в раннесредневековое прошлое?

Об их остроте даже на бытовом уровне свидетельствует хотя бы инцидент в парламенте, когда по приказу его спикера (суннита) охранники набросились с кулаками на помощника одного из депутатов-шиитов, так как его мобильный телефон стал наигрывать шиитскую религиозную мелодию⁶.

Столица страны, древний Багдад (что значит, Город мира), обезображен многометровыми бетонными стенами хотя бы частично защищающими жителей и сдерживающими межконфессиональные и межэтнические столкновения.

А ведь в недавние, хоть и деспотические, времена С.Хусейна, которые в Ираке хорошо помнят и волей-неволей сравнивают с нынешними, смешанные суннитско-шиитские браки были делом вполне обыденным.

Попытки стратегов Пентагона привлечь суннитские вооруженные отряды (около 100 тыс. бойцов) к проплачива-

емому США сотрудничеству с оккупационными силами в антитеррористической борьбе дали положительные результаты, которые, однако, легко могут оказаться временными.

Содержать эти отряды, получившие претенциозное название “Сыны Ирака”, американцам, собравшимся уходить, явно не с руки, а поставленные ими у власти в Багдаде шииты брать на себя такое бремя не горят желанием, видя в каждом из вооруженных суннитов бывшего или потенциального врага.

Интегрировать “сынов” в нормальную повседневную жизнь тоже трудно: экономика разрушена, 40% населения живут на 1 долл. в день, без света и воды. Далеко не каждому шииту найдется в ней место, не говоря уже о “подозрительных” суннитах.

По разным оценкам, безработица в Ираке достигает 40–60 % и перспектив улучшения положения с занятостью населения пока не видно.

Безработица – это прямой путь к возобновлению антиправительственных выступлений суннитских боевиков, тем более опыта по этой части и оружия им не занимать. Предвидя такой опасный поворот в развитии внутренней обстановки, шиитские деятели поспешили провести ряд превентивных арестов руководителей суннитских отрядов, что еще больше осложнило межконфессиональные отношения.

К тому же местные органы правопорядка, несмотря на все старания и финансовые вливания американцев, пока не на высоте. В их рядах процветают коррупция, кумовство и трайбализм.

Как заявил министр внутренних дел Ирака, в минувшем году из органов МВД пришлось уволить свыше 26 тыс. сотрудников, принадлежавших, как обнаружилось, к тем или иным неофициальным “милициям”, сформированным за годы оккупации различными религиозными группировками⁶.

О какой эффективности и непредвзятости органов безопасности в таком случае можно вести речь?

К шиитско-суннитским противоречиям вплотную примыкает *баасистский фактор*.

Сразу после захвата Ирака американцы поспешили (и как оказалось, опрометчиво) распустить десятилетия правившую в стране Партию арабского социалистического возрождения (Баас), члены которой – по большей части сунниты – занимали все мало-мальски значимые посты в социально-политической структуре Ирака, от президента до сельского учителя.

Затем последовала, как водится, люстрация. Тысячи квалифицированных, в том числе и подготовленных в СССР, кадров (военных и гражданских) оказались выброшенными на обочину общественной и хозяйственной жизни, что фактически ее и парализовало.

Позднее шиитское правительство премьера Н.аль-Малики спохватилось и предприняло ряд шагов по частичной реинтеграции бывших баасистов в новые иракские структуры, однако, они оказались запоздалыми: слишком много к тому времени уже было пролито крови.

В результате бывшие баасисты и армейские работники составили ценный резерв для антирежимных сил.

Тревожным сигналом в этом контексте для иракских властей и их американских патронов послужил арест в середине декабря прошлого года многочисленной (не менее полусотни участников) группы заговорщиков-баасистов. Раскрытая ячейка состояла из сотрудников полиции и других спецслужб и была связана с подпольной организацией, возникшей вскоре после захвата Ирака и носящей весьма привлекательное для ее членов название "Аль-Ауда" ("Возвращение")⁸.

По мере ослабления американского присутствия не исключена активиза-

ция оппозиционных сил и в шиитском лагере.

Заклятый враг американцев имам М. ас-Садр со своей "Армией Махди" (40 тыс. штыков), пользующийся значительным влиянием в Ираке и наносивший еще в 2004 г. весьма болезненные удары по оккупантам, на время отошел (и, видимо, не без подсказки из Тегерана) от активной вооруженной и политической деятельности, создав однако "специальные отряды" для продолжения борьбы с американской оккупацией. В подходящих условиях эта оппозиционная сила может вновь выйти на политическую арену Ирака.

Нарастают противоречия в борьбе за власть и влияние в преддверии грядущих в 2009 г. провинциальных и парламентских выборов и внутри правящего шиитского блока: между партией премьера Н.аль-Малики "Ад-Дава" ("Призыв") и созданным Ираном Высоким исламским советом Ирака (ранее Верховный совет исламистской революции в Ираке), название и происхождение которого говорят сами за себя. Этот совет был бы не прочь придать шиитскому югу страны статус автономии со всеми вытекающими из него привилегиями.

Кстати сказать, идею передачи провинциям более широких полномочий в свое время иракцам подсказали американцы, опасавшиеся возникновения на развалинах баасистского режима новой автократии с сильным лидером.

Все более трудной и взрывоопасной проблемой становится *обустройство беженцев*, которых за годы оккупации набралось свыше 4 млн. чел. Половина из этого числа предпочла бежать от ежедневных убийств и гонений в менее опасные места, другая отправилась за границу, где не встретила радушного приема, а главное – вакантных рабочих мест.

На Западе, в том числе и в США, иракцев, даже сотрудничавших с оккупантами и бежавших под страхом расправы с предателями, тоже встречали холодно и настороженно.

По мере снижения интенсивности террористических атак беженцы с чадскими и домочадцами мало-помалу стали возвращаться в родные места, где обнаружили, что там их никто не ждет. Более того, имущество многих, и, прежде всего, дома, обрело новых хозяев, которые расставаться с ним никак не желают.

Если не заняться этой проблемой сейчас, с тревогой предостерегал автор одного из комментариев в американской печати, “то иракские беженцы могут пойти по пути беженцев палестинских, которые превратились в террористов”⁹.

На глазах *обостряются отношения центральных шиитских властей с курдами* (свыше четверти населения страны), издревле обитающими в богатейших по запасам нефти северных районах Ирака (гг. Киркук, Мосул, Эрбиль) и испокон веков стремящихся к обретению собственной государственности.

Для их умиротворения американцы даровали им достаточно широкие автономные права и даже впервые в истории Ирака усадили в президентское кресло курда Дж.Талабани.

Вкусив автономных льгот и свобод, курдские лидеры, вполне естественно, выступают за их закрепление и расширение, прежде всего, разумеется, в распоряжении нефтяными богатствами, что не может не вызывать нарастающего раздражения и подозрений у шиитов и центрального правительства в Багдаде.

В борьбе с курдским сепаратизмом режим С.Хусейна предпринял силовые действия по “арабизации” Киркука, многие курдские жители этого города

были насильственно выселены, а их место заняли арабы.

Сейчас курды возвращаются и хотели бы восстановить свои прежние позиции. Власти автономии поддерживают эти устремления своих соплеменников, а центральное правительство относится к ним настороженно.

После ухода американцев противоречия и по этой линии, наверняка, обострятся.

Неслучайно поэтому Дж.Байден во время своего ознакомительного близк vizита в Ирак посетил Киркук и встретился с местными деятелями.

Нельзя сбрасывать со счетов и *фактор внешнего воздействия на иракский муравейник*.

Соседний единоверный шиитский Иран спит и видит очищенное от иностранного военного присутствия стратегически важное со всех точек зрения иракское геополитическое пространство.

Нарастанию влияния Тегерана будет способствовать и конфессиональная идентичность с правящими кругами в Ираке, и их признательность за содействие и приют на иранской земле в годы жесточайших саддамовских репрессий, и надежды на политическое, экономическое и иное покровительство во взаимоотношениях с настороженными суннитскими режимами в соседних “братских” арабских странах.

О вполне объяснимой тяге к Ирану свидетельствовало хотя бы отсутствие Н.аль-Малики на торжественной церемонии открытия 5 января 2009 г. в Багдаде нового крупнейшего в мире посольского комплекса США.

Это сооружение, скорее похожее на военную крепость (площадь около 100 акров, 21 здание, свыше 1000 сотрудников), обошлось в 700 млн. долл., что отнюдь не свидетельствует о стремлении американцев “с миром уйти из Ирака” и отпустить своих подопечных в свободное плавание.

Премьер считал более важным и главное перспективным в четвертый раз отправиться с визитом в Тегеран, чтобы обстоятельно поговорить о наращивании связей с влиятельными и единоверными восточными соседями во всех сферах послеоккупационной жизни⁶.

Если арабские лидеры не спешили в сотрясаемый взрывами Багдад, то иранские руководители во главе с ненавистным американцам президентом М.Ахмадинежадом были там желанными гостями.

В отличие от глубоко законспирированных блиц-заскоков Дж.Буша и его соратников на “демократизируемую” территорию иранских визитеров принимали там в открытую и со всеми подобающими почестями. В свою очередь иракцы и, прежде всего, премьер Н.аль-Малики охотно посещали Тегеран.

“У нас нет иного выбора, – вполне резонно объяснил такое пристрастие А.Даббаг, – как поддерживать дружественные отношения с соседями. И мы не хотим, чтобы нас столкнули в конфликт с такой страной, как Иран”¹⁰.

Оснований опасаться спровоцированных американцами конфликтов с соседями иракское руководство имело за годы оккупации предостаточно.

Взять, к примеру, неожиданный налет в конце октября минувшего года американских командос на “подозрительную” ферму в приграничной полосе на сопредельной сирийской территории, который повлек за собой человеческие жертвы, вызвал резкую реакцию Дамаска и неприятие иракцев.

Отнюдь не случайно поэтому Багдад настаивал и добился включения в соглашение о статусе американских войск специального положения, запрещающего нанесение ударов с иракской территории по соседним странам.

Таким образом, наряду с ядерной проблемой в отношениях с Тегераном

(и без того донельзя испорченных администрацией Буша) Б.Обаме придется искать *modus vivendi* с Ираном и на иракском направлении.

Эта задача осложняется непрекращающимся давлением на Вашингтон со стороны Тель-Авива, который всерьез воспринимает несущиеся из Тегерана угрозы “стереть сионистское образование с лица земли”.

Как поведали высокопоставленные анонимные источники в администрации Дж.Буша, тому в свое время пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать своего стратегического союзника и клиента от авиаударов по ядерным объектам в Иране¹¹.

А в отношении другого по американской терминологии “государства-изгоя” на Ближнем Востоке – Сирии Тель-Авиву согласия Вашингтона не потребовалось.

В сентябре 2007 г. израильские самолеты на основе полученных от американской разведки данных, нарушая все мыслимые нормы международного права, разбомбили “ядерный объект” на сирийской территории, хотя последующим инспекциям МАГАТЭ ядерных следов на руинах обнаружить пока не удалось.

Навык произвольных и безнаказанных операций подобного рода Израилем наработан порядочный.

Еще в 1981 г. он разбомбил, к примеру, иракский ядерный реактор и под американским зонтиком все сошло с рук.

Как убедительно показал весь период оккупации, без участия соседей Ирака (Сирии и Ирана), объявленных Вашингтоном “государствами-изгоями”, об устойчивом урегулировании в этой несчастной стране говорить весьма проблематично. Об этом неоднократно напоминала и Россия.

Вот почему администрации Дж.Буша, несмотря на все гневные филиппи-

ки в адрес Дамаска и Тегерана и упреки в поддержке терроризма, пришлось обсуждать с ними пути сдерживания его разгула в Ираке. Отсюда, думается, и декларированное Б.Обамой намерение искать новые подходы к отношениям с этими “проблемными” государствами.

Курдская автономия на севере Ирака весьма беспокоит руководство соседней Турции, которая долгие десятилетия ведет борьбу с сепаратизмом своих собственных курдов.

Турецкая армия при разведывательном содействии американских союзников по НАТО неоднократно предпринимала карательные рейды на иракскую территорию для нанесения ударов по базам курдских боевиков, несмотря на недовольство и прямые протесты руководителей иракского Курдистана.

Багдад же сдержать *турецких сепаратистов-курдов*, базирующихся в горах Курдистана, без обострения отношений с собственными курдами просто не в состоянии. Можно ожидать, что и эти противоречия также неминуемо станут предметом озабоченности новой администрации США.

Тяжелый опыт оккупации Ирака выявил и еще одну непростую скорее внутриамериканскую проблему – *беззастенчивое лихоимство и прямое казнокрадство административно-бюрократического аппарата и частного капитала*, делающего весьма прибыльный бизнес на трагедии Ирака.

Захваченная страна была фактически отдана на заклатие бюрократам всех мастей и фирмачам, которые за 6 лет оккупации смогли неплохо поживиться на горе и страданиях иракцев. По крупнейшей в истории США, после плана Маршалла, программе реконструкции иностранного государства Ираку за счет американских налого-

плательщиков было выделено около 50 млрд. долл.

В конце минувшего года в печать просочились данные из доклада, подготовленного специальным проверочным бюро, образованным конгрессом.

На более чем 500 страницах документа озаглавленного “Тяжелые уроки: опыт восстановления Ирака”, подробно описывались выявленные злоупотребления и прямые преступления, а в заключение делался неутешительный вывод о провале всей программы и “по большей части неадекватном использовании ассигнованных средств”.

В результате вместо выделенных 50 млрд. долл. расходы на восстановление Ирака составили к 2009 г. вдвое большую сумму (свыше 100 млрд.) и конца им не видно⁶.

Среди многочисленных примеров явной “некомпетентности” и злоупотреблений, допущенных в Ираке, контролеры привели предложенный посольством США в качестве “ключевого объекта в целях внутрииракского национального примирения” проект сооружения водоочистных сооружений в Фаллудже для обслуживания 180 тыс. жителей.

Строительство было рассчитано на полтора года и из федерального бюджета США на него выделили 32,5 млн. долл. На деле объект обошелся в 100 млн. (оказывается, пришлось заключить 45 дополнительных контрактов, надо же было кое-кому пожить) и вступил в строй через три года. Его мощность составила одну треть от запланированной⁶.

Отличились и “специалисты из Пентагона”: после захвата Ирака они, по признанию бывшего госсекретаря США К.Пауэлла, “каждую неделю прибавляли по 20 тысяч” к численности создаваемых американцами новых иракских сил безопасности и соответственно запрашивали дополнительные ассигнования на их подготовку и содержание, которые вылились, по неполным данным, в кругленькую сумму в 8 млрд. долл., а их боеготовность оценивалась всего в 10% от необходимого уровня⁷.

Отрицательный резонанс в США летом минувшего года получили сообщения о ги-

бели в Ираке нескольких военнослужащих, получивших смертельные удары электрическим током из-за недобросовестного выполнения строительно-монтажных работ одной из американских частных компаний⁷.

Не лучше дело обстояло и на региональном уровне. Проведенная в прошлом году проверка сделок Пентагона выявила более 10 млрд. долл. “подозрительных” расходов.

Обнаружилось, что фактически ни один из 183 тыс. контрактов, заключенных этим ведомством на Ближнем Востоке, не отвечал требованиям американского законодательства. В 2001–2006 гг. только на подрядчиков в Египте, Кувейте и Ираке Пентагон, к примеру, потратил 8,2 млрд. долл., из них 6,3 млрд. – без соблюдения требований бухгалтерской отчетности.

И это только малая толика нарушений и злоупотреблений, которые продолжают всплывать в ходе проверок¹².

Воровские схемы широко использовались американскими лихоимцами в Ираке.

Мои иракские друзья следующим образом формулируют их суть: американская компания получает, к примеру, подряд на восстановительные работы на 8 млн. долл., затем она заключает контракт с фирмой в Кувейте, та в свою очередь находит еще одного мелкого и послушного субподрядчика в Ираке, по заданию которого несколько парней, допустим, красят школу, конечно же, не за 8 млн. долл., которые те за всю жизнь вряд ли в глаза-то увидят.

“Наш ответ Бушу”

Э тот осовремененный слоган из советского политического обихода далеких 20-х годов прошлого века невольно приходит на ум, когда вспоминаешь о казусе, который приключился 14 декабря 2008 г. во время “прощального” и как всегда заранее не объявленного (безопасность, прежде всего!) блиц-визита Дж.Буша в захваченный

Показательна эволюция позиции Б.Обамы в отношении выявленных злоупотреблений и нечистых на руку лиц.

В ходе предвыборной гонки он не скупился на заверения, что у него не будет деятелей, “стоящих над законом”. Однако по мере приближения срока переезда в Белый дом, избранный президент все чаще стал убеждать слушателей в своем желании смотреть в будущее и начать дела “с чистого листа”. Оно и понятно: по мнению многих американских экспертов, разбирательства, в том числе и судебные, с выявленными злодеями, ловкачами и правонарушителями всех мастей, если когда-либо и состоятся, то займут долгие годы.

Однако суть проблемы, наследуемой администрацией Б.Обамы, не сводилась лишь к вульгарному воровству дельцов и чиновников.

Как отмечал министр иностранных дел России С.В.Лавров, “национальные интересы США и частные интересы американского бизнеса в Ираке находятся в довольно странной диалектической взаимосвязи. Фирмы, которые там делают деньги, не заинтересованы в конечном результате американского предприятия: само присутствие американских войск достаточно для их ограниченных целей. Тот факт, что эта ситуация способствует разрушению международного положения Америки и доверия к ней, их нисколько не беспокоит. Они даже могут иметь счета в евро. Разве это не абсурд?”¹³.

по его воле Ирак. Во время его пребывания в Багдаде состоялось символическое подписание соглашения о статусе американских войск в Ираке. Чтобы не создавать себе лишних проблем и избежать кривотолков республиканская администрация решила не направлять его проект на утверждение конгресса.

Впечатление от визита было изрядно подпорчено под занавес. В ответ на традиционно напыщенные рассуждения Буша о “достижениях” в Ираке во время заключительной пресс-конференции журналист (шиит) спутникового телеканала “Аль-Багдадия” М.аз-Зейди в порыве патриотического негодования запустил бвшмаком в голову виновника многочисленных несчастий своей страны и страданий сограждан, что в арабском социуме считается демонстрацией высшей степени презрения и оскорбления. Не зря мусульмане перед входом в мечеть непременно разуваяются.

Свой бросок корреспондент сопроводил весьма откровенным возгласом, объяснившем переполнявшие его чувства: “Это тебе подарок от иракцев, это тебе, пес, прощальный поцелуй”. Кстати, собака у мусульман считается нечистым животным, которому нет места в доме, и ее образ нередко используется в бранной лексике.

Неслучайно, одним из излюбленных издевательств американских тюремщиков над заключенными-мусульманами было затравливание их, да еще в голом виде, сторожевыми псами.

Высокопоставленная мишень, проявив чудеса изворотливости, сумела уберечь голову от прямого попадания. Тогда на глазах у остолбеневших зрителей этой, ставшей сразу же мировой сенсацией, сцены в сторону американского визитера полетел ботинок с другой ноги того же журналиста со словами: “А это тебе от вдов и сирот, от всех, кого ты убил здесь”.

На этот раз на защиту Буша подоспел Н.аль-Малики.

На дерзкого журналиста набросилась опомнившаяся охрана, в начавшейся потасовке ему сломали руку и несколько ребер. В свалке ненароком пострадала и пресс-секретарь Белого дома Д.Перино, которой падающая микрофонная стойка поставила синяк под глазом.

Обозленные охранники Буша потом мрачно шутили, что отныне будут допускать к президенту лишь босых журналистов.

Заключенный под стражу “хулиган” претерпел немало физических страданий от пыток, которым его подвергли дознаватели. Причем они поразительно напоминали инструментарий американских заплочных дел мастеров в позорно знаменитой багдадской тюрьме Абу-Грейб, которая, по мнению многих американских политиков, останется несмываемым пятном на репутации США в мусульманском мире. Его тело прижигали сигаретами, окунали нагого в холодную воду, имитируя утопление, и прочая, и прочая...¹⁴.

В компенсацию за полученные серьезные телесные повреждения и мучительное тюремное заключение М.аз-Зейди в одночасье стал героем не только арабских, но и общемировых СМИ, а также Интернета. А Буш превратился в персонажа бесчисленных баек, карикатур и анекдотов.

В Багдаде и других иракских городах в поддержку смельчака прошли многотысячные демонстрации, участники которых на своих флажках и транспарантах несли рваные башмаки, ставшие, по меткому выражению газеты “Аш-Шарк аль-Аусат”, “коронай для всех агентов и преступников”⁵.

Лозунги митинговавших говорили сами за себя: “Свободу герою иракского народа!”, “Где демократия, о которой вы болтаете?”, “Арест М.аз-Зейди – первый результат соглашения с США”.

По заключению многих непредвзятых наблюдателей, “ботинки для Буша” стали фактором объединившим население Ирака впервые за тяжкие годы оккупации. О накале эмоций и страстей можно было судить по ожесточенной потасовке, вспыхнувшей в парламенте Ирака при обсуждении

вопроса об освобождении М.аз-Зейди¹⁵. Спикер парламента М.Машхада-ни (суннит) назвал его “гордостью Ирака” и в знак протеста против его задержания ушел в отставку, которая у многих политических наблюдателей в стране и за ее пределами вызвала опасения новой вспышки межконфессиональной и межэтнической войны⁷.

Сотни юристов, в том числе и бывший адвокат С.Хусейна, выразили готовность защищать храбреца на ожидавшем его суде. Союз арабских адвокатов сформировал специальный международный правозащитный комитет “для превращения процесса по делу журналиста в суд над самим Дж.Бушем за его преступления против иракского народа”⁸.

В знак солидарности со своим сотрудником базирующийся в Каире телеканал “Аль-Багдадия” потребовал от иракских властей его немедленного освобождения, выделил для его семьи отдельный жилой дом и материальную помощь.

Другой телеканал, на этот раз ливанский, “Аль-Джадид” зачислил М.аз-Зейди в свой штат и на полное денежное довольствие с “момента броска первого ботинка” в ненавистного араба Буша.

В прямом телефонном разговоре с близкими “узника совести” президент Венесуэлы У.Чавес предложил им постоянное жительство и материальное обеспечение в своей стране.

Скорейшего освобождения журналиста не преминул официально потребовать Иран, вступившись за своего единовеца⁵.

О реакции в широких народных кругах можно судить по предложению

египтянина С.Гумаа выдать за иракского патриота свою дочь-студентку¹⁵.

Студенты иракского и иранского университетов провели собравшие множество участников и зрителей показательные соревнования по точности метания башмаков в портреты американского президента и своих однокашников, которые комично изображали увертывавшегося Буша, вынужденного в итоге позорно бежать со сцены.

Благотворительная организация *Wa Attassimou*, патронируемая дочерью лидера ливийской революции М.Кадафи, наградила аз-Зейди медалью за смелость.

Один из саудовских богачей предложил 10 млн. долл. за его легендарные ботинки, а итальянские торговцы обувью назвали его именем новую модель, пользующуюся большим спросом у покупателей⁵.

Этот красноречивый эпизод во время итогового турне Буша и особенно резонанс на него как в регионе, так и во всем мире весьма наглядно демонстрирует глубину антиамериканских чувств, порожденных недальновидной политикой предшественника Б.Обамы.

Как отмечала в те дни выходящая в ОАЭ газета “Эрэб Ньюс”, “многократно транслировавшиеся по арабским спутниковым каналам сюжеты с увертывающимся от летящих в него ботинок Бушем стали своего рода катарсисом для многих на Ближнем Востоке, так как они видели, как годами прогибались перед американским президентом их собственные лидеры”⁸.

Именно с этими укоренившимися негативными эмоциями новой американской администрации волей-неволей придется считаться.

Примечания

¹ Первый канал. 17.01.2009.

² The Miami Herald. 16.12.2008.

³ www.iimes.ru. 8–14.12.2008.

⁴ Интерфакс. 14.01.2009.

⁵ Asharq Alawsat. 13.01.2009; 18.12.2008; 17.12.2008; 24.12.2008.

⁶ The Washington Post. 17.12.2008; 04.01.2009; 09.01.2009; 05.01.2009; 15.12.2008.

⁷ The New York Times. 24.12.2008; 01.07.2008.

⁸ Arab News. 19.12.2008; 18.12.2008; 16.12.2008.

⁹ The USA Today. 01.07.2008.

¹⁰ The Los Angeles Times. 05.05.2008.

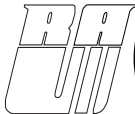
¹¹ РИА. 11.01.2009.

¹² Русский репортер. 5–12.06.2008. С.44.

¹³ Лавров С.В. Лицом к лицу с Америкой: между неконфронтацией и конвергенцией // Профиль. № 38. 2008.

¹⁴ The Boston Globe. 23.12.2008.

¹⁵ The Daily Mail. 19.12.2008.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Киевская Русь и возвышение Москвы

Взгляды В.О.Ключевского и Л.Н.Гумилева

Виктория Павленко

Говорят, что история – это политика, обращенная в прошлое, ибо любое политическое событие, каким бы важным ни казалось оно современникам, неизбежно превращается в историю.

Когда становятся ясны последствия того или иного события, многое встает на свои места. Например, многочисленные свидетели Февральской революции и распада СССР восприняли случившееся если не как торжество демократии, то в целом положительно¹. Со временем же стало очевидно, что главный смысл произошедшего заключался в распаде единой страны. После 1917 г. Россию по частям собрали большевики. После 1991 г. заняться этим оказалось некому. Пока некому.

Кто-то этому рад. Я – не очень.

Значит, историческая оценка тех или иных событий зависит не только от фактов, но и от суждений, а значит, идей и взглядов ученого, исследующего этот период.

Между Ключевским и Гумилевым

Знаменитые историки Ключевский и Гумилев говорят об одних и тех же фактах и событиях, однако их видение и оценка очень разнятся из-за взглядов, которых они придерживались.

В российской общественно-политической мысли до сих пор противостоят друг другу сторонники Запада,

считающие нашу страну его частью, и те, кто настаивает на самостоятельности России.

Противоречия Ключевского и Гумилева лежат в этой плоскости.

В.О.Ключевский – западник, поклонник Киевской Руси, которая, как известно, являлась частью Европы. Московская же Русь, как вытекает из

Ключевые слова: варяги, области и княжества, очередной порядок, удельный порядок, возвышение Москвы.

его позиции, обязана своим возвышением лишь татаро-монголам, которых он считает “варварами”.

На чем основана такая позиция?

Население Киевской Руси составляли славяне и призванные ими варяги. То есть, европейцы с юга и из Балтики.

В Московской Руси дела обстояли немного иначе. Здесь перемешались десятки народов.

Разница между Ключевским и Гумилевым – в оценке этих фактов. Они просто по-разному к ним относятся.

Л.Н.Гумилев, в отличие от Ключевского, считается не западником, а “последним евразийцем”^{*}.

Основы евразийства были заложены в середине первой половины XX столетия русскими эмигрантами – Н.С.Трубецким, П.Н.Савицким, Н.Н.Алексеевым, а также Г.В.Вернадским и Л.П.Карсавиным².

Гумилев выказывает свою симпатию к азиатам в основном потому, что в случае завоевания европейцами Руси произошло бы принудительное обращение русских в католическую веру³. А вот азиатские народы, каковыми действительно являлись татаро-монголы, ломать веру наших предков не стали, ни будучи язычниками, ни обратившись в ислам.

Главные вопросы, которые изучает история как наука – это отдельные события и человеческое общежитие, а также жизнь человека: его духовный мир и его влияние на общежитие.

История России – это история страны, которая многие века все свои силы направляла на освоение новых пространств и территорий.

Но это освоение или колонизация, как называет его Ключевский⁴, происходило размеренно и в одном направлении – на восток (северо-восток). На Запад Россия шла только тогда, когда ее к этому вынуждали агрессоры – будь то Наполеон или Гитлер. Но долго на Западе Россия не оставалась, каждый раз возвращалась в свои исторические пределы.

История нашей страны, по Ключевскому, разделена на четыре периода⁴.

Первый период – днепровский, продолжавшийся с VIII по XIII вв., связан с Киевской Русью.

Второй – верхневолжский – длился с XIII по XV вв. Это время становления Московской Руси, смещения политического центра на северо-восток Восточно-Европейской равнины.

Третий – великорусский, завершившийся в XVII в. расцветом Москвы, Гумилев называет “порогом империи”.

Четвертый – всероссийский (или имперский) – продолжался со второй половины XVII по XIX в.

Так видел российскую историю Ключевский. Но он создавал свои труды до революции. А чем тогда был советский период?

На мой взгляд, – продолжением империи.

Вопреки мечтам большевистских вождей о мировой революции, Россия осталась Россией. И, одолев фашизм, стала по-настоящему великой.

Гумилев не только застал, но и пережил советский период, уйдя из жизни лишь в 1992 г., и предложил дру-

^{*} Евразийство – учение, которое рассматривает Россию не частью Европы или Азии, а самостоятельной, “срединой” Евразией. Русские, по этой теории – наследники Чингисхана, а территория Российской империи и СССР – единое и неделимое пространство. Стержневой народ объединяет все народы, живущие на этом пространстве, и организует единое, общее для них государство.

Сегодня, как и в предыдущие пять столетий, эта роль самой историей отведена русскому народу.

гой, взгляд на историю России. Как и большинство современных историков, он выделяет Киевскую и Московскую Русь, Российскую империю и СССР.

До и после прихода варягов. Очередной и удельный порядки

Определяющую роль в историческом развитии России играли реки. В Киевской Руси – Днепр, в Московской – прежде всего, Волга и ее приток Ока.

Какова эта роль? Во-первых, реки были торговыми путями и направляли расселение славян по Восточно-Европейской равнине.

Во-вторых, речные бассейны располагались близко друг к другу и сближали племена, жившие на их территории.

О древней истории нашей страны повествует Начальная летопись, созданная многими людьми. Поэтому одно и то же событие в разных списках (вариантах) Начальной летописи описывается с диаметрально противоположных точек зрения.

Например, борьба Изяслава Мстиславича с черниговскими князьями: киевский летописец сочувствует Изяславу, склоняя читателей на его сторону, а черниговский, описывая то же событие, выступает на стороне своих земляков.

Соединяя части летописи в свод, его составитель Сильвестр, совершал не менее сложную работу, чем сами летописцы.

Летописец – не историк. Историк анализирует события и их влияние на общество.

Летописец же изучает самого человека, его духовный мир, мотивы побудившие его совершить то или иное действие. И через него начинает осмысливать исторический процесс.

Многие ученые считают, что история России началась в IX в. с приходом варягов.

Однако это не так. И до IX в. на территории Руси жили дославянские племена

Однако именно Ключевский на двух периодах нашей истории (днепровском и верхневолжском) нагляднее всего показывает, как создавалась единая Российская держава.

(скифы, даки, геты). Славяне же стали подлинным стержнем русской истории.

Летопись застаёт славян на Дунае, а после в Карпатах. Для того чтобы обороняться от врагов и осваивать новые земли, в VI в. в Карпатах славяне впервые объединились под началом царя дулебов – одного из главных славянских племен.

С момента расселения славян по Восточно-Европейской равнине условия их жизни во многом изменились. Одним из главных юридических последствий стала смена рода двором, а экономических – развитие торговли на Днепре и, как следствие, появление вдоль него больших городов – центров торговли.

Славяне, ведя активную торговлю с Византийской империей, нуждались в покровителях, охраняющих торговые караваны от набегов кочевников. Это были хазары, по определению Гумилева, степняки, пришедшие с юга.

Однако со временем хазары пали под мощным натиском печенегов, и славянам потребовались новые покровители, чтобы править ими и охранять их. Они призвали варягов, мореходов с Балтики. Варяжские князья составили правящий класс русского общества. Но в Киевской Руси они делили власть со славянским военно-торговым сословием.

До варягов государство славян состояло из городских областей, которыми правил выборный круг лиц – местная знать. С приходом варягов области сменились княжествами, а править Русью стал княжеский род. Те, кто управлял областями до прихода князей, стали княжеской дружиной и боярами – ближайшими сподвижниками князя.

Главным русским княжеством стало Киевское – и центр торговли с Византией и оборонительный форпост Руси с юга.

Киев постепенно становился и центром политического управления.

Страна развивалась, и центр объединял под своей властью все больше земель.

Внутреннее ее развитие способствовало развитию торговых отношений с внешним миром.

Правивший в Киеве Ярослав Мудрый ввел на Руси *очередной порядок*, основанный на принципе старшинства.

После смерти старшего князя – киевского – следующий за ним по возрасту переходил в Киевское княжество.

За ним из княжества в княжество двигались по цепочке и остальные князья. Чем младше князь, тем менее значимое княжество ему доставалось.

Но случались обстоятельства, путавшие правила *очередного порядка*.

Например, когда умирал князь, его брат не всегда беспрепятственно переходил из своего младшего по значению княжества в старшее.

Причиной этого, как правило, являлось то, что у умершего князя были дети, тоже претендовавшие на престол.

Случались усобицы между дядьями и племянниками. Вследствие усобиц проигравший становился князем-изгоем, которому выделяли незначительные земли на окраине.

И, самое главное, князьям в конце концов надоело переходить из одного княжества в другое. Они хотели оставаться на насиженных местах, там, где правили их отцы и деды, а не идти в другие земли.

С течением времени князья и вовсе стали оседать в своем княжестве.

Каждая ветвь княжеского рода развивалась и правила в своей вотчине.

Области разделились на волости – ими правили дети князя.

Очередной порядок рушился, и Русь медленно дробилась, двигаясь к удельному порядку.

Но некоторые обстоятельства удерживали Русь от распада на множество княжеств.

Главными из них являлись сбор дани с князей Великим князем Киевским и назначение им же посадников – людей, которые следили за действиями местного князя.

Но постепенно и эти слабые связи стали разрушаться: князья прекратили платить дань и выгнали посадников, обособившись окончательно.

А все это происходило потому, что назначать дань и посадников было лишь традицией, а не законом. Тогда и появилась Русская Правда – первый свод законов на Руси.

Русская Правда считалась церковным документом, так как большинство законов совпадало со взглядами Церкви, и распространялась она, прежде всего, на церковных людей.

Со времен крещения Руси многие обычаи изменились в лучшую сторону.

Например, Церковь заменила языческий родовой союз семейным союзом, освещаемым ею.

Но главное – с ее помощью была создана прочная основа общественного и политического единства всех русских, независимо от того, в каком княжестве или области они проживали.

Единственное, на что Церковь не повлияла, это политический порядок.

За него отвечал князь, представлявший светскую власть.

Церковь же была олицетворением духовной власти.

Еще из Византии на Русь пришла традиция: светская власть отвечает за тела подданных императора, а духовная – за их души.

Роль Русской Православной Церкви и Золотой Орды в возвышении Москвы

В XIII в. Киевская Русь все больше ослабевала. Это происходило, главным образом, из-за половецких набегов, особенно часто на южную часть Руси. Подорвав свои силы в борьбе с этими нашествиями, славяне начали уходить из юго-западной Руси: одна ветвь вернулась в Карпаты, а потом смешалась с населением Польши, а другая ушла на северо-восток и обосновалась в Суздальском крае. Это и положило начало второму периоду нашей истории – верхневолжскому.

Но Суздальская земля не была необитаема к этому моменту. Там жили финно-угорские племена. Славяне не истребили их и не прогнали. Они стали жить вместе и даже переняли друг у друга кое-какие обычаи, поверья. У финнов всегда был развит культ воды и леса, они, например, почитали лешего. Позднее он тоже стал заметной фигурой на мифологическом Олимпе великороссов.

В Киевской Руси основная часть населения жила в городах, а в верхневолжской – в селах. Места, куда переселилось большинство славян, были в основном малопригодны для земледелия, и в поиске плодородной почвы люди нередко добирались даже до Урала, а некоторые даже переходили через него. Так происходило расширение русских земель.

Князь Андрей Боголюбский перенес столицу из Киева на северо-восток. Будучи старшим сыном в княжеском роде, после смерти отца он был обязан вступить на Киевский престол, но отказался от него, объявив, что будет княжить во Владимире-на-Клязьме, маленьком городке под Суздаlem. Тех князей, которые были не согласны, Андрей сместил с их княжеских столов по праву старшинства. Столицей отныне стал Владимир.

После смерти князя Андрея Боголюбского большие города Суздальской земли – Ростов и Суздаль – взбунтовались против превращения маленького Владимира в столицу, но сыновья Боголюбского подавили этот бунт. Однако со временем важнее всего оказалось то, что центром Руси теперь была не Киевская земля, а Суздальская.

Главным политическим следствием переселения большей части русского населения на северо-восток стал удельный порядок княжеского владения. На новом месте князья постепенно утрачивали чувство единства, каждый хотел строить на своей земле собственный удел, принадлежащий по праву только ему.

Сказалось также отсутствие центральной реки – объединяющей дороги, которой в Киевской Руси был Днепр. Множество рек, текущих в разных направлениях, позволяло князьям осваивать все новые земли, постепенно отдаляясь друг от друга. С укреплением удельного порядка каждое княжество стало как бы отдельным государством со своей властью, своими обычаями, законами. А княжества, в свою очередь, дробились на владения членов княжеского рода: уделы и волости. Таким образом, типичный князь XIII в. на Руси постепенно стал похож на простого землевладельца. В его владениях был поселок с церковью, княжеские палаты, лес с полем. Да и все.

От распада Русь удерживали Православная вера и Церковь.

Со временем раздробленные княжества поняли, что им необходим Центр, за которым они могли бы пойти, вокруг которого могли объединиться.

В середине XIII в. на Русь пришли завоеватели с востока, татаро-монголы. Сказалось отсутствие централиза-

ции – татары захватывали одно княжество за другим. Тогда новгородцы призывали на помощь молодого владимирского князя Александра, вошедшего в историю под именем Невского.

Он внес неоценимый вклад в историю России, прежде всего тем, что сделал выбор между Западом и Востоком. Ведь не только монголы напали на Русь. С запада, с Балтики, шли рыцари Ливонского ордена. Ослабевшая под воздействием удельного порядка Русь не могла сопротивляться обоим грозным противникам, и Александр Невский оказался перед выбором, который стал поистине историческим: кому покориться, с кем связать свою судьбу и вместе выступить против второго противника?

Князь понимал, что Запад, в отличие от язычников-монголов, не сохранит на Руси ее традиции, ценности, и главное, Православную веру. И сделал единственно правильный выбор. Татаро-монгольское иго не только не помешало внутреннему развитию страны, но и защитило Русь от нашествий с Запада. Стоило замаячить на западной границе очередному завоевателю, как приходили татары и обращали его в бегство.

Именно тогда появился, наконец, город, которому суждено было собрать воедино русскую землю. Этим городом стала Москва.

Но как получилось, что некогда захолустный городок в глуши, одолев Рязань и даже главную соперницу Тверь, стал столицей Руси? Существует несколько точек зрения.

И Ключевский, и Гумилев в своих трудах повествуют об Иване Калите, внуке Александра Невского.

Иван Калита прославился тем, что за верность и поддержку Золотой Орды получил от хана право собирать выход (дань) со всех русских княжеств,

тогда как раньше хан вынужден был заниматься этим собственноручно. Такое соглашение было выгодно и хану, и Ивану Калите. Сосредоточив у себя большую часть русских денег, Калита начал скупать русские земли, присоединяя их к своему княжеству. Так и возвысилась Москва.

Взгляды Ключевского, как западника, на возвышение Москвы выглядят слишком материально. Он, например, утверждает, что Москва поднялась лишь благодаря деньгам Ивана Калиты и своему выгодному географическому положению⁴. (Хотя при взгляде на карту мы не увидим особых преимуществ Москвы в этом плане: новая столица не стояла ни на одной по-настоящему крупной реке; не являлась она и центром расселения).

Что касается Гумилева, он тоже признает финансовое преимущество Москвы перед Тверью. Но при этом видит в Иване Калите не “мешок с деньгами”, а государственного деятеля, использовавшего оказавшиеся в его руках средства для объединения страны³.

Был ли Иван Калита русским патриотом?

Конечно, был. Он без сомнения прекрасно понимал, что произойдет с Русью, если столицей станет Тверь. Ведь после гибели в Орде смещенного Великого князя Михаила ее поддержала Литва, за которой стоял Запад. Поэтому можно утверждать, что внук Александра Невского своим вкладом в укрепление и развитие страны, доказал верность историческому выбору своего деда.

И Гумилев, и Ключевский говорят о митрополите Всея Руси Петре и его симпатиях к Москве благодаря дружбе с Иваном Калитой. Но Ключевский, в отличие от Гумилева, называет перенос митрополичьей кафедры в Москву лишь случайностью, тогда как Гумилев рассказывает о борьбе, которую вели с

митрополитом Петром соперницы Москвы – Рязань и Тверь^{3,4}.

Необходимо отметить, что еще отец Ивана Калиты – сын Александра Невского, князь Даниил – был соратником митрополита Петра*.

В истории современной России ему также отведено почетное место. Со всем недавно мы видели, как на Интронизации нового Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла ему был преподнесен посох митрополита Петра – историческая реликвия русской Церкви и русского государства.

Подведем краткие итоги.

1. В VI в. славяне, сформировав первый военный союз на Карпатах, расселились по Восточно-Европейской равнине в районе Днепра. Образ их жизни во многом поменялся. Они начали формировать централизованное государство.

2. В IX в. славяне находились под покровительством варягов, которые пришли на смену падшим под натиском печенегов хазарам.

При содействии варягов появилось государство – Киевская Русь, состоящее из княжеств, а также областей, которые сохранились вокруг “вольных городов”: Новгорода, Пскова и Вятки. Но наряду с варягами-князьями, которые олицетворяли собой династическое начало, прочные позиции занимали княжеские дружины и бояре, представлявшие исконно славянское начало – земское (по Ключевскому). Позднее это начало проявит себя в виде Веча, хорошо известного по истории Новгорода Великого.

3. Ярослав Мудрый ввел на Руси *очередной порядок* княжеского владения, который позволял князьям избегать крупных усобиц в разделе земли. *Очередной порядок* просуществовал около 300 лет, сменившись удельным, который привел к раздроблению единой страны**.

4. В середине XIII в. на Русь пришли завоеватели. С востока – татаро-монголы, с запада – немецкие рыцари Ливонского ордена. Молодой князь Александр Невский, призванный народом бороться с врагами, самой историей был поставлен перед выбором между Западом и Востоком. Ведь Русь просто не в силах была сопротивляться на двух фронтах.

Александр Невский сделал исторический выбор: с татаро-монголами против Запада. И ханы Золотой Орды, прозванные на Руси “царями”, подчинив русскую землю своему влиянию, сохранили в ней традиции и Православную веру.

Этот выбор Александра Невского актуален до сих пор.

Так, недавно, уже в наступившем году, были подведены итоги проекта “Имя Россия”, победителем которого стал именно этот великий русский князь. Благодарные потомки не забыли и никогда не забудут его подвиг, а Церковь причислила его к лику святых.

5. В XIII в. с ослаблением Киевской Руси из-за набегов половцев, население, в конце концов, переместилось на северо-восток, в Суздальскую землю, и смешалось с финно-угорскими племенами. Туда же переместился и политический центр Руси.

Сначала северо-восточная столица утвердилась во Владимире-на-Клязьме.

* Сегодня одной из высших наград Русской Православной Церкви является орден Даниила Московского.

** Нечто похожее в новейшие времена происходило с нашей страной еще дважды – в 1917 и 1991 гг.).

Владимирское княжество оставалось великим и во времена Золотой Орды, даже когда ярлык Великого князя находился за его пределами, например в Твери. Михаил Тверской считался главой как тверского, так и владимирского княжеского стола.

Преемницей Владимира, “собира- тельницей русских земель” стала Мос- ква, куда со временем и перешел вели- коняжеский престол.

6. Приобретая в лице Церкви и ор- дынского хана верных союзников, Мос-

ква не только превратилась в столицу, но и приступила к объединению русских земель, которое получило мощное раз- витие в XV и последующих веках.

7. “Соответствовать самому себе можно в любой период истории; можно жить, оставаясь самим собой, обрекая себя на сложную судьбу. И тогда, быть может, именно вы прикоснетесь к стру- не истории, и она зазвучит от вашей руки...”³, – так писал Лев Николаевич Гумилев.

Сегодня на Руси – “лихие” времена. Но исторический опыт преодоления удель- ной раздробленности учит, что подняться можно только благодаря воле всего на- рода, объединенного общенациональной идеей, и под руководством единого ли- дера.

Иначе – историческая пустота и забвение. Забывать об этом не следует ни в ка- кую эпоху.

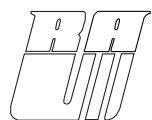
Примечания

¹ Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций. М.: Весь мир, 2000. С. 338–349.

² Бердяев Н.А. Евразийцы // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: ЭКСМО, 2007. С. 5–17; Савицкий П.Н. Евразийство (опыт систематического изложения). // М.: Аграф, 1997. С. 6–80; Карсавин Л.П. Восток, Запад и Русская идея // *Философия истории*. Сб. СПб., 1993. С. 126–310.

³ Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Рольф, 2001. С. 112–133, 142–150, 2.

⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 2-х книгах. М.: Олма-пресс, 2003. Кн. 1-я. С. 22, 23–24, 299, 307–308, 311–312.

**ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Политология: еще один шаг вперед

Роальд Матвеев

В жизни каждой науки есть крайне важные вехи, когда знание в данной области совершает скачок на качественно новый уровень. На этом уровне наука не только получает формальное признание, но и доказывает свою эффективность, демонстрирует более глубокую степень познания соответствующей проблемы. К числу таких важнейших вех следует отнести момент, когда наука ставит задачу и предпринимает реальные усилия для *самопознания*.

Сама постановка такой задачи свидетельствует о том, что рассматриваемая дисциплина делает иногда первые, но существенные шаги от любительского к подлинно научному этапу.

Самопознание позволяет критически оценить пройденный путь, результаты интеллектуальных усилий по разработке способов анализа основных объектов исследования, понятийного аппарата, по созданию специфической методологии, приемов проверки выдвигаемых гипотез. Иными словами, это – важное свидетельство перехода

от наблюдений и комментариев к действительно научной теории.

Естественно, каждая научная дисциплина по-своему решает эту задачу, “выделяет” различные интеллектуальные силы, выдвигает (или нет) из своей среды энтузиастов, готовых и способных к этой работе. Показательно, что в ряде стран Западной Европы специалисты таких направлений, как право, политология приняли в последние полтора десятка лет весьма серьезные усилия в этой области.

Самопознание позволяет объективно оценить достижения, проверить обоснованность и достоверность применяемых понятий, методологий, гипотез и концепций, сфор-

мулировать средства и пути преодоления трудностей и недостатков. Это совершенно необходимо для успешного развития научного знания.

С этой точки зрения рецензируемая монография Я.А.Пляйса представляет особый интерес. И дело не только в личности автора, который много лет изучает политические отношения в со-

МАТВЕЕВ Роальд Федорович – доктор политических наук, профессор.

временной (и не только современной) России и занимает ряд административных постов, в том числе заведует кафедрой истории и политологии Финансовой академии при Правительстве России. Яков Андреевич Пляйс, по сути дела, возглавляет особую научную школу, специализирующуюся на направлении “политика и экономика”. Он – автор ряда серьезных теоретических работ, организатор плодотворных международных научных конференций, круглых столов и т.д. Руководимым им авторским коллективом подготовлены и опубликованы несколько переизданий учебников по политологии.

Рецензируемая работа, можно сказать, не только подводит некоторый *итог* развития политологии в нашей стране, но и намечает такое важное направление науки, как *историческая политология*.

Более того, по-настоящему научная и творческая работа всегда пробуждает мысль, заставляет по-новому смотреть на проблемы, которые казались решенными, и также искать новые подходы к современности.

Первый раздел монографии дает практически полную картину истоков и основных этапов развития политологии в современной России. Автор приводит уникальный материал, свидетельствующий о сложной судьбе политологии в нашей стране, об активности многочисленных энтузиастов, усилиями которых удалось сломить сопротивление ретроградов и добиться сначала полупризнания, а потом и признания политологии советскими властями. Материалы монографии показывают, как были реализованы многие предложения, высказанные “первопроходцами” еще в 70-е и 80-е годы прошлого века.

Подчеркну, что уроки этой борьбы имеют не только историческое значение. Они полезны и сегодня, когда по-

литологии приходится иногда в неравной борьбе доказывать свой научный характер и свое право на существование. В частности, эти уроки убедительно говорят о том, что запреты и ограничения, налагаемые на научную и творческую мысль, могут на некоторое время ее приостановить, но это, как показывает история науки, бывает сопряжено иногда с трагическими для общества последствиями.

По этому разделу можно сделать одно замечание. Безусловно, политология является по своей сущности наукой международного измерения. Однако из этого обстоятельства иногда делается вывод о возможности некритического заимствования некоторых зарубежных идей и практик. Монография посвящена России. Поэтому в ней большое внимание уделено специалистам, занимавшимся отечественными проблемами.

Однако среди ученых, которые в те годы внесли вклад в развитие политологии, была и большая группа “международников”, к числу которых относится и сам Я.А.Пляйс. Именно международники, хотя им и приходилось соблюдать некоторые правила игры, ставили и исследовали проблемы власти, демократии, многопартийности, лидерства, легитимности и т.д.

О серьезной разработанности ряда международных проблем к моменту официального разрешения политологии свидетельствует и содержание первых докторских диссертаций. Это подтверждает приведенный в конце монографии список докторов политических наук (С. 408–439). В первые три года после разрешения принимать к защите докторские диссертации по политологии почти две трети из них были посвящены политическим процессам и институтам в зарубежных странах и международным проблемам (С. 408–410). Высказывая это замечание, я, конечно,

имею в виду, что в первой половине 90-х годов многие явления политической жизни России были только в самом зародыше и практически еще не поддавались серьезному научному анализу.

Серьезно интересует автора монографии и проблема качества диссертаций, являющаяся предметом серьезных дискуссий. Здесь сталкиваются, по сути дела, две основные позиции.

Одна из них состоит в том, что для обеспечения высокого качества диссертаций достаточно ужесточить требования, а для этого существенно сократить число диссертационных советов, работа которых, кстати говоря, не оплачивается и ничего не стоит государству. Не отрицая важности экспертной оценки научных работ, эта точка зрения, хотя и того или нет ее сторонники, означает недоверие к выводам исследователя, признание решений безошибочности некоторых административных учреждений.

Вторая позиция исходит из того, что одним лишь сокращением проблемы не решить, ибо среди меньшего числа работ будет меньше творческих и добротных исследований.

Как говорят, проблема состоит в том, чтобы определить и сопоставить цену того или иного варианта.

Во всяком случае, одновременно с активизацией сторонников первой позиции были сокращены часы на преподавание политологии в высших учебных заведениях. Создается впечатление, будто лица, принявшие такое решение, опасаются того, что много граждан будет хорошо знать общество, в котором мы живем.

Факты говорят о том, что защищено не так уж много диссертаций по политологии.

Основываясь на данных статистики, Я.А.Пляйс пишет: “О чем говорят дан-

ные, приведенные в таблице? Прежде всего, о том, что вала в политологии фактически нет. Особенно это верно в отношении докторских диссертаций. О каком вале можно говорить, если в течение 8-ми лет динамика менялась с небольшим плюсом или с небольшим минусом то в одну сторону, то в другую, колеблясь вокруг цифры 40. Что касается кандидатских диссертаций, то и по ним о вале говорить не приходится. Разве можно сравнить 386 или 390 диссертаций с несколькими тысячами по экономике, например? И, кроме того, не надо забывать, что речь идет о молодой развивающейся науке” (С. 67–68).

Можно полностью согласиться с Я.А.Пляйсом в том, что главная проблема – это качество диссертаций, особенно докторских. И в этой связи встанет вопрос ответственности, по крайней мере, соискателей, консультантов, кафедр и диссоветов. Добавлю, что важно решить, можно ли административными приемами добиться повышения научного уровня диссертаций. В более широком смысле речь идет о содержании и формах административного *управления научным поиском и научным творчеством*.

Материалы монографии позволяют обратить внимание еще на две важные проблемы.

Первая из них касается практического отсутствия работ по теории и методологии политической науки. Между тем, в каждой докторской диссертации имеется специальный раздел, посвященный этим вопросам. Однако, как правило, соискатель ограничивается чисто формальным перечнем “использованных” методологий. Думается, что на современном этапе развития отечественной политологии творческая разработка этих вопросов приобретает принципиальное значение.

Вторая проблема возникает в связи с тем, что, по сути, отечественная поли-

тология пока по преимуществу представлена либо диссертациями, либо учебниками. Крайне мало фундаментальных исследований, в том числе и по проблемам понятийного аппарата, методологий, теорий, построенных на основе отечественного опыта и новейших достижений науки.

Беда в том, что в условиях рынка, законами которого руководствуются издательства, публикация такого рода теоретических работ считается нерентабельной. Учебник же обещает быстрый оборот.

Следует особо подчеркнуть, что Яков Андреевич Пляйс уделяет в своей монографии большое внимание и разработке некоторых принципиальных проблем политологии. Так, целая глава посвящена определению предмета политологии.

Тщательно проанализировав процессы, ареной которых является Россия, Пляйс формулирует ряд важных выводов для отечественной политологии. Среди них выделяются следующие:

- применительно к России можно и нужно говорить об особенностях не только власти, но и всей политической сферы;

- общим предметом политологии или предметом политологии в широком смысле слова, является вся политическая сфера;

- в условиях современной России кроме общего предмета политологии есть еще и предмет основной, характерный для конкретного переходного состояния. Это – вертикаль президентской власти (С. 78–79).

Большое место в монографии занимает раздел, посвященный такой особенности движения политической системы как дискретность и преемственность.

Эти вопросы прослеживаются в главах, анализирующих особенности мо-

дернизации государственной и общественной жизни. Специально рассматриваются уроки отечественного исторического опыта, формулируются концепции автора об особенностях и перспективах современной социальной революции, о перспективах народовластия, о представительных институтах России.

Эти концепции построены на широком фактическом материале, в том числе и малоизвестном.

Я.А.Пляйс обращает внимание на сложность и противоречивость российской общественно-политической системы и на то, как эта особенность сказывается на принятии политических решений.

Общий вывод автора звучит как серьезное предупреждение. “Если процессы в одной из сфер общественной жизни (к примеру, в экономической) развиваются на одной основе, в частности, на конкурентной рыночной (пусть и с издержками), а в другой сфере – политической – эта основа игнорируется, и процессы развиваются, к примеру, по авторитарному сценарию, то очень скоро между этими сферами начнут проскакивать сначала искры, а затем и грозные молнии” (С. 151).

Конечно, события 2008–2009 гг. вносят много нового в проблематику, заставляют пересматривать и уточнять многие положения, сформулированные в условиях относительно “спокойного” развития. Предвидя возможные повороты ситуации, Я.А.Пляйс завершает этот раздел словами: “Вместе с тем, необходимо четко представлять себе, что продолжительность переходного периода, его результаты и цена прямо зависят от того, какую работу проводят основные политические субъекты, начиная с того, как они понимают цели и задачи переходного периода и заканчивая тем, какими методами они действуют” (там же).

Вклад автора в разработку проблем исторической политологии в качестве нового направления политической науки четко просматривается в третьем разделе *“Российская государственность между прошлым и будущим”*.

Здесь Я.А.Пляйс анализирует уроки распада СССР для современной России. Среди затронутых тем – каким должно и может быть российское государство в современных условиях, проблемы федерализма и централизма. Подробно рассматриваются практические решения центральных властей Российской Федерации по этим вопросам, позиции российских политических партий. Это дает возможность живо представить реально существующие в стране концепции, которые, так или иначе, влияют и на государственную политику.

В заключение Я.А.Пляйс делает вывод: “Современные российские партии (за некоторым исключением) уделяют в своих программах недостаточно внимания проблемам модернизации государственного устройства на основе подлинного федерализма, их позиции нередко противоречивы и нередко абстрактны” (С. 214).

Последний раздел монографии содержит интересный фактический материал и авторскую оценку проблем трансформации партийных и политических систем современной России, политических традиций, становления гражданского общества в России, политических элит, избирательных си-

стем. Особый интерес вызывают замечания Я.А.Пляйса о типах и функциях современных идеологий в России.

Много полезной информации о политической истории, о состоянии научных исследований, о докторских диссертациях и их авторах содержится в приложениях.

В заключение своего, надо прямо сказать, значительного труда, Я.А.Пляйс признает: “Возможны ли ошибки при таком анализе? Скорее всего, да. И по причине недостаточного охвата материала, и излишнего субъективизма, связанного с чрезмерными амбициями авторов. Несмотря на все это, глубокий научный анализ политических процессов крайне важен” (С. 386).

Читая эту монографию, убеждаешься в том, что далеко не всегда “чрезмерный субъективизм” – зло. В данном случае видно, что *субъективный* взгляд автора означает самостоятельный, творческий подход к ряду принципиальных проблем современной России, открывает ряд важных направлений политической науки, пробуждает творческую мысль читателя, а иногда и желание рецензента поспорить.

Книга Я.А.Пляйса будет полезна всеми, кто интересуется современными проблемами нашей страны, особенно – студентам и аспирантам, политологам, историкам и международникам.

Я.А.Пляйс. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН, 2009. – 448 с.

Террористический лабиринт в Стране Басков

Валерий Иовенко

Свою новую монографию директор Научно-координационного совета по международным исследованиям, профессор МГИМО(У) МИД России Александр Арсеньевич Орлов, чья многолетняя профессиональная и научная деятельность тесно связана с Испанией, посвятил весьма болезненной и значимой для испанского общества проблеме, а именно – баскскому терроризму.

Тема терроризма – это еще и острейший вопрос межпартийной борьбы в Испании в последние годы. Более того, баскский национализм серьезно угрожает самой целостности испанского государства.

О важности политического урегулирования проблемы терроризма для испанского общества свидетельствует и тот факт, что именно этот вопрос оказался в центре внимания двух последних по времени предвыборных кампаний в стране: в местные органы власти (май 2007 г.) и общенациональный парламент (март 2008 г.).

Автор рецензируемой монографии уделит главное внимание недавней попытке правительства Испании урегулировать проблему терроризма политическими средствами. К реализации этих планов, далеко не последних за годы существования испанского демократического государства, правительство испанских социалистов приступило 22 марта 2006 г. после объявления баскской террористической организацией ЭТА бессрочного прекращения огня. А завершилась эта попытка спустя всего 9 месяцев, 30 декабря того же года, когда в результате террористического акта, организованного все той же ЭТА,

был полностью разрушен один из терминалов мадридского аэропорта “Баракас”.

В своей монографии А.А.Орлов подробно рассказал об исторических корнях баскского экстремизма, что важно для понимания сущности этого явления. Автору удалось дать исчерпывающее объяснение, почему ЭТА, не-

ИОВЕНКО Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России, председатель диссертационного совета по филологическим наукам при МГИМО(У).

смотря на кажущуюся бессмысленность и даже противоестественность самого ее существования в демократической европейской стране, каковой, несомненно, является Страна за Пиренеями, продолжает оставаться одним из наиболее заметных явлений испанской внутренней политики.

Терроризм в Испании возник как одна из форм борьбы с диктатурой Франко и был обусловлен неудовлетворенностью части общества, главным образом радикально настроенной молодежи, пассивностью традиционных партий, неспособных из подполья оказывать эффективное противодействие правящему режиму.

Наибольшую известность среди целого ряда экстремистских группировок приобрела возникшая в конце 50-х годов прошлого века баскская леворадикальная организация ЭТА (“Страна Басков и свобода”), акции которой отличались особой дерзостью.

Чего только стоит убийство боевиками ЭТА в 1973 г. премьер-министра Испании адмирала Л.Карреро Бланко, являвшегося политическим наследником Франко! На определенном этапе вокруг членов ЭТА сложился ореол “героев-мучеников”, самых беззаветных борцов с франкистской тиранией. Но, как справедливо отмечает автор, антифранкизм, который вначале стал “фирменным знаком” ЭТА, стереотипом восприятия этой организации национальным и международным общественным мнением, не был единственным и главным смыслом ее существования.

Многие задаются вопросом: почему ЭТА не исчезла с демонтажом франкизма и установлением в Испании демократических порядков? Именно потому, отвечает автор, что в новых условиях на первый план в деятельности ЭТА выдвигается “второй элемент” изначально двуединой задачи – борьба

любыми средствами, в том числе и вооруженная, за самоопределение басков и создание на землях, которые они исторически заселяют, независимого баскского государства. В этой борьбе главным противником ЭТА становится демократическое испанское государство, воспринимаемое экстремистами из ЭТА и их политическими союзниками в качестве колониальной державы (как и Франция, где в регионе французских Пиренеев также проживает часть баскского народа).

Подкупает избранная автором форма повествования, а именно: хронологический порядок изложения обширного фактологического материала, источником которого послужили испанские медийные и публицистические тексты, в сочетании с серьезным и всесторонним анализом проблемы баскского терроризма. В результате А.А.Орлов вышел на убедительные политологические комментарии, выводы и заключения.

К бесспорным творческим удачам автора монографии следует отнести его выводы о причинах возникновения баскского терроризма и его удивительной живучести.

Пожалуй, впервые в исследованиях, посвященных внутривнутриполитическим проблемам Испании, был дан ответ на вопрос о том, чем обусловлена уникальность баскского феномена. По мнению автора, в Стране Басков терроризм как форма выражения радикальных политических воззрений передается по наследству от одного поколения руководителей и идеологов ЭТА к другому, оставаясь при этом неким нетленным атрибутом.

В своей монографии автор прослеживает связь между национализмом и терроризмом в Стране Басков. Он справедливо полагает, что баскский терроризм подпитывается из источника национализма, который не оскудевает в этом регионе Испании: “Если

для определенной части политической элиты Страны Басков самоопределение и отделение от Испании будут оставаться стратегической целью, то терроризм ЭТА не перестанет быть востребованным частью баскского общества”.

Одновременно автор обращает внимание на новую тенденцию, связанную с активизацией в Стране Басков тех сил, которые оппонируют националистам. “Так сложилось, – пишет он, – что эта часть басков всегда менее активно, чем националисты, отстаивала свою позицию. Отсюда складывалось ложное впечатление, что националистов среди басков больше, чем их оппонентов”. Но на общенациональных парламентских выборах в марте 2008 г. эти силы “заявили о своих желаниях и предпочтениях более определенно, чем прежде”.

В этом смысле автор предлагает не дробить, а складывать голоса, полученные в Стране Басков извечными оппонентами на испанской политической сцене – социалистической и народной партиями, которые, несмотря на свою фронтальную конфронтацию по другим проблемам, выступают со схожих позиций в вопросе сохранения территориальной целостности и единства Испании. По мнению автора, это открывает дополнительные перспективы в борьбе с ЭТА, которая будучи политически, юридически, морально загнанной в своего рода гетто, должна почувствовать, что теряет поддержку и опору на своей земле, среди своего народа, что ее политический проект не нужен людям, о благе которых она выразительно печется в своих коммюнике и обращениях, предназначенных для массового пользования.

А.А.Орлов сформулировал условия для успешной борьбы с терроризмом, главными из которых являются консолидация общества, конструктивное взаимодействие между политическими

партиями, согласованность действий всех ветвей власти, международное сотрудничество. Впрочем, в Испании, по мнению автора, такое сочетание предпосылок еще не сформировалось.

С некоторых пор тема противодействия терроризму, точнее форм такого противодействия (правые признают только силовые способы борьбы с террористами, в то время как социалисты допускают более широкий спектр усилий, включая и политические методы), стала в Испании элементом ожесточенного противоборства между конкурирующими политическими партиями, в том числе и в ходе предвыборных кампаний. Это, по оценке автора, в совокупности с двусмысленной позицией умеренных националистов в Стране Басков (они – против терроризма, но добиваются самоопределения этой территории, что подрывает единство Испании) наносит ущерб антитеррористическому консенсусу испанского общества и дает террористам ЭТА шанс использовать в своих интересах подобные противоречия.

Всех, кто возьмет в руки книгу, вышедшую из-под пера А.А.Орлова, ждет увлекательное, интересное и познавательное чтение.

Нельзя не признать и своевременность выхода в свет этой монографии, поскольку политический терроризм представляет сегодня одну из острейших проблем не только для Испании, но и для многих стран мира, в том числе России.

Книга, безусловно, привлечет внимание дипломатов, ученых, политологов, историков, студентов-международников, испанистов, а также всех, кто интересуется внутривнутриполитической ситуацией в Испании.

А.А.Орлов. Проблема терроризма в Испании. ЭТА – “ударный отряд” баскского национализма. М.: изд-во “Русская панорама”, 2009. – 192 с.

**Требования к материалам,
представляемым для публикации в журнале
“Обозреватель–Observer” в соответствии
с указаниями ВАК**

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@nasled.ru или предоставляется на дискете в программе Word вместе с распечаткой: текст дается к.г. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть структурирован.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо предоставить аннотацию, отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

[http: // www.rau.su](http://www.rau.su)

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.
Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 14.04.2009. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 168.